

Лиза Джейн Смит Тайный вампир

Царство Ночи – 1

Царство ночи... еще никогда любовь не была такой пугающей.

Царства Ночи нет на географической карте, но оно существует, существует в нашем мире. Оно окружает нас со всех сторон. Это тайное общество вампиров, оборотней, колдунов, ведьм и прочих порождений тьмы, которые живут среди нас. Они красивы и опасны, их неудержимо тянет к людям, и никто из смертных не в силах устоять перед ними. Твой школьный учитель, твоя задушевная подруга или друг могут оказаться одним из них.

Законы Царства Ночи позволяют охоту на людей. Они позволяют играть их сердцами и даже убивать их. Для обитателей Царства Ночи есть только два строжайших запрета:

*Не позволяй людям узнать о существовании Царства Ночи.
Никогда не влюбляйся в смертного.*

Эта книга рассказывает о том, что происходит, когда эти законы нарушаются.

ГЛАВА 1

В первый день летних каникул Поппи узнала, что ей суждено умереть. Все случилось в понедельник, в первый настоящий каникулярный день, ведь выходные не в счет. Поппи проснулась радостная с чувством удивительной легкости: в школу не надо. В окно лился солнечный свет, ветер трепал полог ее золотой, как в голливудских фильмах, кровати. Поппи раздвинула легкую ткань, прыгнула с постели, и тут невыносимая боль заставила ее согнуться пополам.

Ой, как больно! Снова желудок. Боль пронзила ее насквозь до самой спины, будто какой-то гадкий зверь грыз ее внутренности. Но если согнуться, то боль немного отступает.

«Нет, – подумала Поппи, – я не согласна болеть летом. Не согласна, и все тут! Нужно

думать только о хорошем. Вот дура! Согнулась в три погибели и собирается думать о чем-то хорошем».

Скрючившись, в мрачном расположении духа Поппи направилась вниз, в ванную комнату. Ей казалось, что она вот-вот рухнет с лестницы, но боль отступила так же внезапно, как и появилась. Поппи выпрямилась, заговорщицки подмигнула своему отражению в зеркале и торжествующе прошептала: «Держись за меня, крошка, и все будет хорошо». Вдруг девушка наклонилась ближе к зеркалу, и ее зеленые глаза подозрительно сощурились: у нее на носу красовались четыре веснушки, вернее, четыре и еще одна совсем маленькая, если уж быть честной, а Поппи была очень честной. Как это трогательно, как мило! Поппи показала язык своему двойнику в зеркале, затем отвернулась от него с чувством полного удовлетворения и не спеша принялась за нелегкий труд расчесывания гривы своих ярко-рыжих кудрявых волос.

Все с тем же царственным видом она прошествовала на кухню, где невозмутимо поедал кукурузные хлопья ее брат Филипп. Поппи снова прищурилась, теперь уже глядя на него. С тем, что ты маленькая, худенькая, кудрявая и напоминаешь эльфа, каких в детских книжках изображают сидящими на краю чашки, еще можно смириться, но когда твой брат-близнец высокий блондин и красив, как античный бог, – это уж слишком. Это очень похоже на злую шутку природы, на гримасу мироздания. Разве не так?

– Привет, Филипп.

Голос Поппи предвещал бурю, но Филипп уже привык к резкой смене настроений сестры и оставался совершенно невозмутимым. На мгновение он поднял голову от странички комиксов, и Поппи пришлось признать, что его зеленые глаза с густыми черными ресницами совсем недурны.

– Привет, – ответил Филипп и снова уткнулся в комиксы.

Поппи знала не так уж много ребят, которые читали бы газеты, но это же Фил! Как и Поппи, он учился в школе Эль Камино, но в отличие от сестры не только успевал по всем предметам, но и составлял гордость хоккейной, футбольной и бейсбольной команд, а еще был бессменным президентом класса. Больше всего на свете Поппи любила дразнить Фила, которого считала слишком уж правильным.

Но на этот раз она передумала, лишь пожала плечами и, хихикнув, поинтересовалась:

– А где мама и Клифф?

Клифф Хилгард, их отчим, уже три года был женат на матери Поппи и Фила и был еще более правильным, чем Фил.

– Клифф на работе, мама одевается, а тебе лучше поесть, не то она рассердится.

– Ага-ага.

Стоя на цыпочках, Поппи нашарила в буфете коробку хлопьев, заглянула внутрь и, аккуратно выловив одну штучку, положила ее в рот. Она любила есть сухие хлопья.

Как же плохо быть маленькой, похожей на эльфа. Пританцовывая, она направилась к холодильнику, потряхивая в такт своим движениям коробкой с хлопьями.

– Я милый маленький эльф! Я чертовски сексуальна, – напевала Поппи, отбивая ритм ногой.

– И вовсе нет, – с неизменным спокойствием отозвался Фил. – Кстати, почему бы тебе не набросить на себя что-нибудь из одежды?

Держа дверцу холодильника открытой, Поппи оглядела себя: на ней была большая, не по размеру, футболка, служившая ей ночной рубашкой. По длине она была несомненно мини.

– Я одета, – невозмутимо откликнулась Поппи, доставая из морозилки диетическую колу.

В кухонную дверь постучали, и даже сквозь матовое стекло Поппи мигом узнала гостя.

– Привет, Джеймс, входи.

Снимая на ходу солнцезащитные очки, в дом вошел Джеймс Расмуссен. Глядя на него, Поппи, как всегда, почувствовала, как сильно забилося ее сердце. И то, что она видела его почти каждый день в течение последних десяти лет, ничего не меняло. Встречая его по утрам, она по-прежнему ощущала ком в горле, нечто среднее между болью и радостью.

Самый красивый парень в школе Эль Камино, Джеймс выделялся особенной красотой, ничего общего не имеющей с внешностью героев голливудских боевиков. Шелковистые каштановые волосы обрамляли мужественное лицо с правильными тонкими чертами, умные

серые глаза глядели холодно и внимательно. Но не только его бесподобная внешность притягивала и завораживала Поппи, а что-то в глубине его души, нечто таинственное и недоступное пониманию. При встрече с Джеймсом у нее каждый раз бешено билось сердце и горели щеки.

Фил по-своему отреагировал на гостя. Как только Джеймс вошел в кухню, он напрягся, его взгляд стал холодным и жестким. Между юношами пробежала искра недоброжелательства.

Джеймс улыбнулся: неприязнь Фила его забавляла.

– Привет.

– Привет, – бросил Фил в ответ, даже не пытаясь казаться приветливым.

Поппи чувствовала, что его обуревало сильное желание дать ей пинка и выгнать из кухни. Стоило Джеймсу очутиться где-то поблизости, как Фил с поразительным рвением начинал играть роль брата-защитника.

– Как поживают Жаклин и Микаэла? – недобро осведомился он.

– Вообще-то я не в курсе. – Джеймс на мгновение задумался.

– Ты не в курсе... Ну да, конечно, в конце учебного года ты всегда не в курсе – самое время бросить своих девчонок. Тебе же нужна свобода маневра на каникулах, верно?

– Конечно, – просто ответил Джеймс и улыбнулся.

Филипп уставился на гостя с нескрываемой ненавистью.

Что касается Поппи, то ее охватила радость. Прощай, Жаклин, пока, Микаэла, оревуар длинные ноги Жаклин и огромная, словно надувная, грудь Микаэлы. Лето сулит ей необыкновенное счастье.

Многие думали, что отношения Джеймса и Поппи носят дружеский характер, но все обстояло иначе. Уже много лет Поппи точно знала, что рано или поздно выйдет замуж за Джеймса. Это была вторая мечта ее жизни; первая состояла в том, чтобы посмотреть мир. Просто она еще не удосужилась сообщить Джеймсу о своих планах, поэтому пока он пребывал в заблуждении, что ему нравятся длинноногие девушки с накладными ногтями и крепкими ягодицами.

– Ну, как новый диск? – спросила она, чтобы отвлечь его от яростного обмена взглядами с будущим шурином.

Джеймс понял ее:

– Вот, это новый альбом. Этно-техно.

Поппи обрадовалась:

– Ой! Снова тувинское горловое пение, пойдем скорее слушать.

В эту минуту в кухню вошла мама Поппи. Миссис Хилгард, холодная, во всем безупречная блондинка, очень походила на хичкоковских героинь. Ее лицо выражало безусловную уверенность в себе и способность справиться с любыми препятствиями. Вылетая из кухни, Поппи чуть не сшибла ее с ног!

– Извини, ма, доброе утро.

– Подожди-ка, ну-ка задержишься на минуту, – сказала «ма», ловко поймав Поппи за край футболки. – Доброе утро, Филт доброе утро, Джеймс, – добавила она.

Фил поздоровался, Джеймс кивнул в ответ вежливо и иронично.

– Здесь кто-нибудь завтракал? – спросила миссис Хилгард, и когда мальчики ответили утвердительно, повернулась к дочери. – А ты? – осведомилась она, пристально глядя ей в лицо.

Поппи потрянула коробкой хлопьев, миссис Хилгард вздохнула.

– Почему ты не нальешь в хлопья молока?

– Так гораздо вкуснее, – твердо ответила Поппи, но когда мама развернула ее за плечи и подтолкнула к холодильнику, девушке пришлось открыть его и взять пакет молока.

– Ну, что вы собираетесь делать в первый день каникул? – спросила миссис Хилгард, переводя взгляд с Джеймса на Поппи.

– Ой, я не знаю, – Поппи посмотрела на Джеймса, – немного послушаем музыку, может быть, прогуляемся по холмам. Или поедем на пляж?

– Все, что захочешь, у нас впереди целое лето, – ответил Джеймс.

Мысленному взору Поппи представилось лето, жаркое, золотое, восхитительное лето. Оно

пахло хлорированной водой бассейна и морской солью. Поппи уже предвкушала, как ее кожи коснется теплый бархат морской воды. «Три месяца, – подумала она, – это же целая вечность».

Странно, что она думала о вечности, когда случилось ЭТО.

Мы можем пробежаться по новым магазинам... – начала она, как вдруг внезапная боль скрутила ее и дыхание остановилось в горле.

«Как плохо!» Пронзительная боль заставила ее согнуться пополам. Пакет с молоком выпал из разжавшихся пальцев, глаза застлала серая пелена.

ГЛАВА 2

– Поппи!

Поппи слышала, как мама ее зовет, но ничего не различала вокруг. Перед глазами плясали черные точки.

– Поппи, что с тобой?

Теперь девушка чувствовала, что мамины руки проскользнули под мышками и заботливо поддерживают ее. Боль потихоньку отступала, и зрение возвращалось к ней.

Она поднялась на ноги и увидела перед собой Джеймса. Он казался совершенно спокойным, но Поппи хорошо его знала и легко прочла в его глазах тревогу. Тут она заметила, что он держит в руках пакет молока. «Наверно, успел подхватить на лету, – предположила Поппи. – Потрясающая реакция, действительно потрясающая».

Филипп тоже был рядом.

– Ты в порядке? Что случилось? – Я... я не знаю. – Поппи огляделась вокруг, потом вздрогнула и ей стало не по себе. Теперь, когда она чувствовала себя лучше, ей было не по себе оттого, что все смотрят на нее так пристально. Она знала только один способ бороться с болью – игнорировать ее, не думать о ней.

Снова эта дурацкая боль. Наверное, это гастрит, я знаю, я что-то съела.

Мама нежно взяла Поппи за плечи.

Поппи, это не гастрит, у тебя ведь были боли и раньше, с месяц назад, помнишь? Этот приступ похож на тот?

Поппи поехала. На самом деле боль никуда и не уходила, просто в суете и волнениях конца учебного года ей удавалось не обращать на нее внимания, и теперь Поппи почти свыклась с нею.

Может быть, немного. – Она помедлила. – Но... Миссис Хилгард этого было достаточно. Она потрепала Поппи по волосам и направилась к телефону.

Я знаю, ты не любишь врачей, но я все же позвоню доктору Франклину и попрошу тебя осмотреть. Мне не нравятся эти приступы.

Ну ма, ведь каникулы...

Миссис Хилгард прикрыла рукой телефонную трубку.

Поппи, это не обсуждается, быстро иди одевайся.

Поппи застонала, хотя понимала, что это ничего не изменит. Она кивнула Джеймсу, который задумчиво глядел на эту сцену.

– Давай хотя бы диск послушаем, прежде чем я уеду к врачу.

Он посмотрел на диск так, будто видит его впервые, и поставил на стол пакет молока. Фил отправился за ними в холл:

А ты, парень, подожди здесь, пока она будет одеваться.

Джеймс даже не обернулся.

– Остынь, Фил, – сказал он с отсутствующим видом.

– Я же сказал, держись подальше от моей сестры, мерзавец.

Поппи лишь покачала головой и вошла в свою комнату. Можно подумать, Джеймс жаждет увидеть ее недетой! «Если бы!» – мрачно подумала она, вытаскивая из шкафа шорты. Надевая их, она все еще качала головой. Джеймс был ее лучшим другом, а она была его лучшим другом, но он никогда не выказывал желания одержаться к ней поближе». Иногда она спрашивала себя, помнит ли он вообще, что она девчонка. «В один прекрасный день я открою ему глаза», – решила она и распахнула перед ним дверь.

Джеймс вошел и улыбнулся ей. Эту улыбку редко видели окружающие, не издевательскую или ироничную ухмылку, а открытую приветливую улыбку.

– Извини за эту сцену: приступы, врачи, и все такое, – сказала Поппи.

– Нет, ты обязательно должна пойти к врачу. – Джеймс нежно посмотрел на нее, – Твоя мама права, все это продолжается слишком долго. Ты похудела, боль не отпускает даже ночью.

Поппи уставилась на него в изумлении. Она никому не рассказывала о том, что ночью боль усиливается, даже ему. Просто Джеймс понимал ее, понимал, и все тут. Так, как если бы мог читать ее мысли.

– Просто я знаю тебя, вот и все. – Он искоса взглянул на нее своим загадочным взглядом и достал диск.

Поппи с размаху шлепнулась на кровать, устремив взгляд в потолок.

– Как бы то ни было, я надеюсь, что мама не испортит мне ни дня каникул, – сказала она. Вытянув шею, Поппи задумчиво посмотрела на Джеймса. – Знаешь, я хотела бы иметь таких родителей, как у тебя. Моя мама всегда волнуется и следит за каждым моим шагом.

– А моим совершенно до меня нет дела. Ну и что, по-твоему, хуже? – сухо ответил Джеймс.

– Твои разрешают тебе жить отдельно.

– Да, в доме, который принадлежит им. Это дешевле, чем нанимать сторожа. – Джеймс покачал головой, пристально разглядывая диск, который ставил на проигрыватель. – Не кати бочку на своих родителей, детка, ты счастливее, чем думаешь.

Об этом и думала Поппи, когда зазвучала музыка. Они с Джеймсом предпочитали транс – альтернативное направление, пришедшее из Европы. Джеймс любил ритмы техно, Поппи тоже любила эту музыку, потому что она была настоящая, необузданная и неприглажен-мая, созданная людьми, которые в нее верили, людьми, которых веда страсть, а не жажда наживы.

Кроме того, благодаря музыке Поппи чувствовала себя частью большого мира. Она любила его многообразие и непохожесть разных стран и народов.

И Джеймса она на самом деле любит за это, за то, что он так непохож на остальных людей. Она повернула голову, чтобы посмотреть на него, в то время как странные ритмы Бурунди наполняли ее комнату.

Она знала Джеймса лучше, чем кто-либо другой, но даже она чувствовала, что в его душе есть закрытые для нее заповедные уголки. В нём была тайна, недоступная окружающим.

Люди часто принимали ее за высокомерие, холодность или безразличие, но они ошибались. Просто он был другой» Он так отличался от своих соучеников из школы Эль Камино. Время от времени Поппи казалось, что она вот-вот проникнет в его тайну, но разгадка всегда ускользала от нее. Не раз она чувствовала, что он готов рассказать ей о себе, особенно когда они вдвоем слушали музыку поздно вечером или смотрели на океан.

Ей всегда казалось, что если бы он раскрыл ей свою душу, то это оказалось бы прекрасным и удивительным, чем-то из ряда вон выходящим, как если бы с ней вдруг заговорила бродячая кошка.

Теперь же она просто смотрела на Джеймса, на его благородный точеный профиль, на волны каштановых волос и чистый лоб и вдруг заметила, что он очень грустный.

– Джейми, что с тобой? Ничего не случилось? Может быть, дома или что-то другое? – На всем белом свете только она одна имела право называть его «Джейми». Жаклин и Микаэла даже и не пытались.

Что может случиться дома? – сказал он, улыбаясь одними губами. Затем рассеянно покачал головой, словно пытаясь отделаться от неприятной мысли. – Не волнуйся, Поппи. Ничего не случилось, просто один родственник обещает нагрянуть, мерзкий тип. – И вдруг улыбка осветила все его лицо. – А может быть, я просто беспокоюсь о тебе, – сказал он.

Поппи чуть было не выпалила: «Ох, если бы!», но вовремя удержалась и произнесла странно изменившимся голосом:

В самом деле?

Джеймс вдруг стал необыкновенно серьезен. Его улыбка погасла, и Поппи вдруг поняла, что они просто смотрят друг другу в глаза, и между ними уже нет преград, даже иллюзорной преграды из колкостей и насмешек. Они просто сидели и смотрели друг на друга. Джеймс

казался взволнованным, почти невменяемым.

Поппи...

– Да... – Поппи судорожно сглотнула.

Он открыл было рот, но вдруг резко поднялся и направился к музыкальному центру, чтобы настроить звук. Когда он вернулся, его серые глаза были темными и непроницаемыми.

– Конечно. Если бы ты серьезно заболела, я бы очень беспокоился, ведь для этого и нужны друзья, верно? – беспечно сказал он.

– Верно. – Поппи вздохнула и наградила его преданной улыбкой.

* * *

– Но ведь с тобой все в порядке, – сказал он, – просто нужно подлечиться. Доктор пропишет тебе антибиотики или что-то вроде того, а еще уколы огромным шприцем, – с издевкой добавил он.

– Заткнись! – завопила Поппи.

Джеймс знал, что она панически боится уколов, сама мысль о том, что тонкая игла вонзится в ее тело...

– Твоя мама идет, – произнес Джеймс, глядя на закрытую дверь.

Поппи никогда не могла понять, как он умудряется так хорошо все слышать: музыка играет громко, а полы в холле застланы ковролином, заглушающим шаги. Однако через минуту дверь распахнулась, и миссис Хилгард действительно вошла в комнату.

– Все в порядке, дорогая, – коротко сообщила она. – Доктор Франклин пригласил нас приехать прямо сейчас. Извини, Джеймс, но Поппи едет к врачу.

– Ничего, я зайду после обеда.

Поппи достойно приняла поражение. Она позволила маме отвести себя в гараж и усадить в машину и не обращала никакого внимания на Джеймса, который гримасничал, изображая несчастного пациента в ожидании укола огромной иглой.

Спустя час она лежала на кушетке доктора Франклина, вежливо глядя в сторону, в то время как он аккуратно ощупывал ее живот. Доктор Франклин, высокий, худощавый, седеющий мужчина, напоминал сельского врача, такого, которому всецело доверишься.

Здесь болело? – спросил он.

– Да, и в спину отдавало. Может, я потянула мышцу или еще что-нибудь такое.

Нежные пальцы осторожно ощупывали живот Поппи, потом вдруг остановились, и доктор Франклин изменился в лице. Поппи сразу поняла, что дело не в потянутой мышце. Случилось что-то серьезное, что навсегда изменит всю ее жизнь.

Знаете, я хотел бы провести некоторые обследования, – вот и все, что сказал доктор Франклин.

Его голос был сух и задумчив, но Поппи охватила паника. Она не могла объяснить свои чувства, просто ее сковал страх, как будто черная пропасть разверзлась у ее ног, преградив дорогу.

– Зачем? – спросила доктора ее мама.

Ну, – доктор Франклин улыбнулся, поднял очки на лоб и побарабанил пальцами по кушетке, – чтобы исключить возможные варианты. Поппи сказала, что у нее боли в верхней части брюшной полости, отдающие в спину и усиливающиеся ночью. В последнее время она потеряла аппетит и похудела. Ее желчный пузырь прощупывается... то есть я хочу сказать, что он увеличен. Такие симптомы могут быть при многих заболеваниях, и я хочу сделать ультразвуковое обследование, чтобы прояснить ситуацию.

Поппи успокоилась. Она не помнила, за что отвечает желчный пузырь, но была совершенно уверена, что ей он без надобности. Все, что происходит с органом, имеющим такое смешное название, не может быть по-настоящему серьезным. Доктор Франклин продолжал говорить, он рассказывал о поджелудочной железе и панкреатитах, а миссис Хилгард кивала головой, как будто все понимала. Поппи не понимала ровным счетом ничего, но паника исчезла, как если бы через черную пропасть перекинули спасительный мост.

– Ультразвук можете сделать в детской клинике через дорогу, – сказал доктор

Франклин, – а потом возвращайтесь сюда.

Мама Поппи кивала, мол, конечно, мы так и поступим. Спокойная, уверенная и серьезная. Как Фил. Как Клифф.

Поппи даже почувствовала себя значительной персоной. Никому из ее друзей не приходилось проходить обследования в клинике. Когда они выходили из кабинета доктора Франклина, мама погладила ее по голове.

– Ну, Поппет, что же мы с тобой будем теперь делать?

Поппи шаловливо улыбнулась, она уже почти оправилась от недавнего страха.

Возможно, мне придется лечь на операцию и у меня останется интересный шрам, – сказала она, что бы немного развеселить маму.

– Будем надеяться, что до этого дело не дойдет, – ответила миссис Хилгард, совсем не расположенная шутить подобным образом.

Детская клиника Сюзанны Монтефорте оказалась величественным серым зданием, угрюмую мрачность которого скрашивали чувственные изгибы архитектурного декора и огромные витражи. Поппи задумчиво посмотрела на магазин подарков, мимо которого они проходили. Здесь продавались детские игрушки, чтобы взрослые, которые хотели порадовать маленьких пациентов, без особых хлопот могли купить им какую-нибудь безделицу.

* * *

Из магазина вышла девушка, на вид чуть старше Поппи, лет семнадцати или восемнадцати. Она была очень хорошенькая, с умело нанесенным макияжем. Но, несмотря на симпатичную бандану, которая покрывала ее голову, было очевидно, что на голове у нее совсем нет волос. Круглолицая красавица казалась счастливой, из-под повязки выглядывали звенящие сережки, и все же Поппи почувствовала острый приступ жалости. Жалости и страха. Девушка действительно была больна. Для того и существуют клиники, чтобы лечить серьезно больных людей. Вдруг Поппи захотелось поскорее закончить обследования и выбраться отсюда.

Ультразвуковое обследование оказалось не болезненной, но все же достаточно неприятной процедурой. Врач нанес на живот Поппи что-то вроде геля, и по ее коже побежал холодный сканнер, посылавший звуковые волны внутрь ее организма и рисующий на экране картинку ее внутренностей. Поппи поймала себя на том, что мысли ее возвращаются к безволосой девочке.

Чтобы отвлечься, она стала думать о Джеймсе и почему-то вспомнила их первую встречу, когда Джеймс впервые пришел в детский сад. Он был бледным худеньким мальчиком с большими серыми глазами. Уже тогда в нем было что-то странное, и эта таинственная странность стала причиной нападок старших мальчишек, которые тут же принялись издеваться над ним. Во дворе они гоняли его, как борзые гоняют лису, и эта жестокая игра продолжалась до тех пор, пока на нее не обратила внимания Поппи.

Уже в пятилетнем возрасте у нее был потрясающий хук справа. Она ворвалась в кучу малу, направо и налево раздавая подзатыльники и затрещины, пока большие мальчишки не обратились в бегство. Потом она повернулась к Джеймсу.

Хочешь дружить?

Джеймс, немного помешкав, робко кивнул. В его улыбке было что-то странно притягательное.

Между тем Поппи скоро обнаружила, что у ее нового друга масса странностей. Когда ящерица, жившая в их классе, умерла, он без отвращения взял ее в руки и спросил у Поппи, не хочет ли она ее подержать. Учительница была в ужасе.

Кроме того, он умел находить мертвых животных. Однажды он показал ей пустую клетку со скелетами кроликов, которую обнаружил в густых зарослях бурой травы. Казалось, он был совершенно бесчувственным.

Когда Джеймс подрос, мальчишки перестали над ним издеваться.

Он стал таким же высоким, как и они, удивительно сильным и ловким и создал себе репутацию крутого, опасного парня. Когда Джеймс приходил в ярость, в его серых глазах просыпалось нечто устрашающее.

И только на Поппи он никогда не сердился. Все эти годы они оставались лучшими друзьями. Когда они перешли в старшие классы, у него появились подружки, о нем мечтали все девчонки в школе, но ни одна не удерживалась рядом с ним надолго. Джеймс никогда не откровенничал с ними, для восторженных поклонниц он оставался таинственным и опасным парнем. Но Поппи знала его другим – добрым и заботливым.

Ну вот и все, – объявил врач, возвращая Поппи к действительности, – давайте сотрем гель.

– Что он показал? – спросила Поппи, глядя на монитор.

– Ваш доктор сам все вам скажет. Специалисты расшифруют изображение и отошлют ему, – голос врача был таким бесцветным, что Поппи с подозрением посмотрела на собеседника.

В приемной доктора Франклина Поппи беспокойно ерзала в кресле, а ее мама листала старые журналы. Когда сестра вышла и сказала: «Миссис Хилгард», – они обе поднялись на ноги. «О нет, – взволнованно произнесла сестра, – доктор Франклин хотел бы поговорить с миссис Хилгард наедине».

Поппи и миссис Хилгард переглянулись, затем «ма» медленно отложила журнал и последовала за сестрой. Поппи смотрела ей вслед.

Господи, что случилось? Доктор Франклин никогда раньше так не делал. Поппи чувствовала, как тяжело у нее в груди бьется сердце, не учащенно, а просто тяжело, сотрясая ее изнутри. Казалось, что все это происходит не с ней.

«Не думай об этом, это все ерунда, лучше читай журнал...» Но пальцы ее не слушались. Наконец она открыла журнал; глаза скользили по строчкам, но смысл ускользал... «О чем они там говорят? Что происходит? Как долго...»

А разговор за дверью все продолжался. Ум Поппи метался между двумя возможными вариантами решения: либо все в порядке и ничего серьезного не происходит – сейчас мама выйдет и они вместе посмеются над теми ужасами, которые она себе навоображала, – либо с ней случилось что-то очень нехорошее и ей, чтобы выздороветь, придется пройти тяжелый курс лечения. Под ногами вновь разверзлась черная пропасть. Временами ей казалось, что все не так уж страшно и охвативший ее ужас просто смехотворен. Но в следующее мгновение вся ее жизнь представлялась ей сном, и вот она проснулась и оказалась вдруг перед лицом страшной реальности.

«Если бы я могла позвонить Джеймсу!...» Наконец медсестра сказала: «Поппи, можешь войти». Кабинет доктора Франклина был обшит деревянными панелями, на стенах висели дипломы и свидетельства. Поппи опустила в кожаное кресло и старалась не очень пристально смотреть в лицо матери. Миссис Хилгард казалась... слишком спокойной. Она улыбалась, но как-то странно, и губы у нее дрожали. О боже! Что-то все-таки случилось.

Ну что ж... причин для тревоги нет, – сказал доктор.

И в эту минуту Поппи почувствовала мучительное беспокойство.

Результат ультразвукового обследования оказался несколько необычным, и я хотел бы сделать еще пару обследований поджелудочной железы, – продолжал доктор Франклин неторопливым глубоким голосом. – Одно из них надо делать натощак, ничего нельзя есть с полуночи и до обследования. Но твоя мама сказала, что ты сегодня не завтракала.

– Я съела одну штучку... из коробки с хлопьями.

– Одну? Ну, можно считать, что ты действительно ничего не ела. Обследования мы проведем сегодня же, и я думаю, что тебе для этого лучше перебраться в клинику.

Он улыбнулся. Поппи смотрела на него во все глаза.

Ничего страшного в этих обследованиях нет, – мягко сказал он.

Губы доктора Франклина шевелились, но Поппи перестала вслушиваться в его слова. Она была слишком испугана.

«Я ведь только шутила про операцию и интересный шрам. Я не хочу болеть по-настоящему. Я не хочу ложиться в больницу, я не хочу, чтобы мне в горло запикивали трубку». Она смотрела на свою мать, в немом ужасе взывая о помощи. Мама взяла ее за руку.

Не волнуйся, дорогая. Мы поедем домой, соберем кое-какие вещи, а потом вернемся.

Значит, я сегодня должна лечь в клинику?

– Я думаю, так будет лучше, – сказал доктор Франклин.

– Поппи сжала мамину руку. Голову наполняла звенящая пустота.

Выходя из кабинета, миссис Хилгард сказала: – Спасибо, Оуэн.

Раньше Поппи никогда не слышала, чтобы мама называла доктора Франклина по имени. Поппи не спросила почему ей нужно лечь в больницу, она вообще не задавала вопросов, и пока они ехали домой, мама оживленно болтала о разных пустяках, и Поппи вынуждена была ей отвечать. Она притворялась, что ничего не происходит, но ужасная болезнь делала свое черное дело где-то у нее внутри. Только дома, в спальне, когда они укладывали в спортивную сумку ее пижамы и книги, Поппи спросила, как о чем-то совершенно обыденном:

– Так что же, по его мнению, со мной не в порядке?

Миссис Хилгард помедлила с ответом, устремив взгляд вниз, на спортивную сумку, и наконец откликнулась:

– Он не уверен, что с тобой что-то не в порядке.

Но что он подозревает? У него же есть какие-то предположения. Он говорил о поджелудочной железе, я хочу сказать, кажется, он полагает, что проблемы именно с поджелудочной железой. Я думала, что его беспокоит мой желчный пузырь, я даже не подозревала, что дело касается поджелудочной железы.

– Дорогая! – Мама взяла ее за плечи, и Поппи почувствовала, что что-то должно произойти.

Она глубоко вздохнула.

Я просто хочу знать правду, просто представлять себе, что происходит. Это мое тело, и я имею право знать, что они там ищут, разве не так?

Тирада эта казалась очень смелой, но на самом деле Поппи хотела совсем другого, ей было страшно и она ждала, чтобы ее разуверили, убедили в том, что доктор Франклин предполагает у нее какое-то самое обычное заболевание и что самое худшее не так уж плохо. Но ответ матери разбил все ее надежды.

Да, у тебя есть право знать, – серьезно ответила миссис Хилгард, затем, помедлив, продолжила: – Поппи, доктор Франклин с самого начала был озабочен состоянием твоей поджелудочной железы. Дело в том, что изменения, происходящие в поджелудочной железе, влекут за собой изменения и в других органах: в желчном пузыре, печени. Доктор Франклин почувствовал эти изменения и, чтобы проверить свои предположения, попросил нас сделать ультразвуковое обследование.

Поппи сглотнула:

И он сказал, что результат оказался несколько необычным. Насколько необычным?

– Поппи, все это пока предварительный диагноз. – Мама увидела ее лицо и вздохнула. – Ультразвуковое обследование показало, что твоя поджелудочная железа не в порядке, там есть кое-что, чего быть, не должно. Поэтому доктор Франклин хочет провести другие обследования, тогда можно будет говорить наверняка...

Кое-что, чего там не должно быть? Ты имеешь в виду... опухоль? То есть... рак?

Странно, как трудно было произнести эти слова. Мама кивнула.

Да, похоже на рак.

ГЛАВА 3

Единственное, о чем могла сейчас думать Поппи, – это красивая девушка без волос, которую они встретили в клинике. Рак.

– Но они могут вылечить это, правда? – Ее голос даже ей самой показался таким детским. – То есть, я хочу сказать, они могут вынуть мою поджелудочную железу...

– Конечно, дорогая, – мама обняла Поппи. – Если что-нибудь окажется не в порядке, я обещаю тебе, мы сделаем все, чтобы справиться с этим. Я пойду на все, чтобы помочь тебе. Ты же знаешь. Но пока мы еще не уверены, что что-то действительно не так. Доктор Франклин сказал, что у подростков чрезвычайно редко развивается опухоль в поджелудочной железе. Крайне редко. Так что давай не будем беспокоиться раньше времени.

Поппи почувствовала, как расслабляется, черная пропасть снова отступила, но она где-то рядом, Поппи ощущала ее холодное дыхание.

– Я должна позвонить Джеймсу.

Миссис Хилгард кивнула.

– Хорошо, только быстро.

Набирая номер, Поппи держала пальцы скрещенными: «Только будь дома, ну пожалуйста, будь дома». На этот раз он действительно оказался дома. Услышав ее голос, Джеймс сразу спросил:

– Что случилось?

– Ничего, все хорошо. То есть, может быть...

Поппи с ужасом услышала свой истерический смех.

Из ее груди рвались дикие звуки, которые вряд ли можно было назвать смехом.

Что случилось? – резко оборвал ее Джеймс. – Ты поссорилась с Клиффом?

– Нет, Клифф в офисе, а я еду в клинику.

– Почему?

– Они думают, что у меня рак.

Произнеся это страшное слово вслух, Поппи почувствовала потрясающую легкость, некое эмоциональное освобождение и утешение. Она снова рассмеялась.

На другом конце провода царило гробовое молчание.

– Алло?

– Да, я слушаю, – ответил Джеймс. – Я сейчас приеду.

– Не надо, я уже уезжаю. – Она помедлила, ожидая, что Джеймс предложит навестить ее в клинике, но он ничего не сказал.

– Джеймс, сделаешь для меня кое-что? Можешь выяснить что-нибудь о раке поджелудочной железы? Так просто, на всякий случай.

– Так вот что они нашли?

– Они не уверены. Я должна пройти какие-то обследования, надеюсь, до шприцев дело не дойдет. – Она снова рассмеялась, но на душе у нее было тяжело. Хоть бы Джеймс сказал что-нибудь ободряющее.

– Я посмотрю в Интернете, – его голос звучал сухо и невыразительно.

– Позвони потом, я думаю, они позволят тебе позвонить мне в палату.

Хорошо.

– Ну ладно. Мне пора идти, а то мама ждет.

Береги себя.

Поппи повесила трубку. Она чувствовала себя совершенно опустошенной. В дверях стояла миссис Хилгард.

Собирайся, Поппи, пора ехать.

Джеймс неподвижно сидел на стуле, устремив взгляд на телефон и не видя его.

Поппи напугана, и он ничем не может ей помочь. Он никогда не умел успокаивать людей. «Это противно моей природе», – подумал он мрачно. Чтобы ободрять другого, надо самому верить в лучшее, а он слишком хорошо знает жизнь, чтобы питать иллюзии. Надо смотреть фактам в лицо. Минуту спустя он подключился к Интернету и вскоре нашел страничку Национального института рака. Он дошел до раздела «Рак поджелудочной железы. Для пациентов». Сначала шла всякая ерунда о том, что такое поджелудочная железа, стадии болезни, лечение. Пока ничего особенно мрачного. Затем он открыл файл, предназначенный для врачей. Первая же строчка парализовала его.

Рак поджелудочной железы практически неизлечим.

Глаза скользили вниз по строчкам.

Очень низкий процент выздоровления... метастазы... не поддается лечению. Ни химиотерапия, ни радиотерапия, ни хирургическое вмешательство сколько-нибудь заметного эффекта не дают... боли...

Боли... Поппи очень смелая девочка, но постоянная боль ломает кого угодно, тем более что прогноз на будущее самый неутешительный. Он снова просмотрел начало статьи. Меньше трех процентов выздоровевших, в случае, если болезнь запущена, – менее одного процента.

Должна же быть еще какая-то информация... Джеймс просмотрел несколько статей из медицинских газет и журналов. Информация оказалась еще страшнее, чем в файлах

Национального института рака.

По данным специалистов, подавляющее большинство пациентов умирает и умирает очень быстро... Рак поджелудочной железы неоперабелен, распространяется мгновенно, пациенты испытывают сильные боли... Средняя продолжительность жизни больного в случае, если болезнь уже прогрессирует, от трех недель до трех месяцев...

От трех недель до трех месяцев... Джеймс смотрел на экран. У него перехватило дыхание, перед глазами плясали черные точки. Он пытался успокоить себя тем, что ничего еще точно не известно. Поппи должна пройти обследования, и это вовсе не значит, что у нее действительно рак.

Он смотрел на безжалостные строчки на мониторе. В висках гулко стучало. Джеймс понимал, что в последнее время с Поппи творится что-то неладное. Он чувствовал: что-то разладилось у нее внутри, ее внутренние ритмы сбились, она потеряла сон. И эта боль... Он точно знал, что боль не оставляет ее ни на минуту. Просто он не осознавал, насколько все серьезно.

«Поппи тоже знает, – подумал он. – Она, конечно, знает, что происходит нечто ужасное, иначе не просила бы меня узнать подробности. Но чего она хочет? Чтобы я пришел к ней и сказал, что ей суждено умереть в ближайшие месяцы? Или я должен быть рядом и спокойно смотреть, как она мучается?»

Его губы чуть приоткрылись, обнажив зубы. Это была не милая улыбка, а скорее хищная гримаса. За семнадцать лет он видел достаточно смертей. Он знал все стадии умирания, знал, чем отличается остановка дыхания от настоящей смерти мозга. Он знал эту характерную мертвенную бледность. Он видел, как через пять минут после кончины становятся плоскими глазные яблоки. Многие не знают, что через пять минут после смерти глаза становятся тусклыми и плоскими, а тело начинает уменьшаться.

Поппи такая маленькая. Джеймс всегда боялся сделать ей больно. Она казалась такой хрупкой, а он легко мог одолеть человека значительно сильнее себя. Поэтому он старательно сохранял между ними некоторую дистанцию.

Это была одна из причин, но не самая важная.

О главной причине он боялся даже подумать. Сама мысль об этом ставила их обоих на край гибели. Не могло быть и речи о том, чтобы преступить законы, непреложность которых ему внушали с рождения. Никто из обитателей Царства Ночи не мог полюбить смертного. Ослушание каралось смертью.

Но теперь все это не имело значения, он уже знал, что ему делать.

Теперь Джеймс был совершенно спокоен. Он выключил компьютер, встал, надел солнцезащитные очки и вышел под беспощадное июньское солнце.

* * *

Поппи невесело оглядела свою палату. Обычная больничная палата, ничего страшного... Пожалуй, холодновато немного, но ведь это больница. Вот она, правда, которую искусно маскировали розово-голубые занавески и обеденное меню, разрисованное героями мультфильмов. Сюда попадают только Бедные Маленькие Больные.

«Ну же, – сказала она себе, – взбодрись немного. Что случилось с твоим поппитивным взглядом на жизнь? Где твоя поппирадостность, в которой ты сейчас так нуждаешься? Где твоя покровительница Мери Поппи-нс?»

«О Господи, я, оказывается, еще и шутить способна», – подумала она и обнаружила, что слабо улыбается. И нянечки здесь очень милые, и постель классная.

У нее есть ручка, при помощи которой кровати можно придать любое положение.

Мама вошла в палату как раз, когда Поппи самозабвенно с ней экспериментировала.

Я позвонила Клиффу, он скоро подъедет, а пока, думаю, тебе лучше переодеться, чтобы подготовиться к обследованиям.

Поппи посмотрела на полосатую бело-голубую рубашку больничной пижамы и почувствовала болезненный спазм, сковавший ее от желудка до спины, и в глубине души воскликнула: «Только не сейчас, Господи, только не сейчас! Я не могу, я не готова!»

Джеймс оставил машину на стоянке на Ферри-стрит, в районе Стоунхем. Это было не самое приятное место в городе. Туристы, приезжавшие в Лос-Анджелес, этой части города избегали. Здесь стояли старые, разрушающиеся дома. Многие магазины пустовали, а пустые разбитые витрины были закрыты листами фанеры. Стены, сложенные из шлакоблоков, покрывали граффити. Даже смог, казалось, был здесь гуще, чем в других районах, а воздух желтоватым и густым. Словно ядовитое испарение, он сгущал сумерки даже в самый ясный день, делая все вокруг нереальным и зловещим.

Джеймс обошел здание и вошел во двор, где среди множества служебных входов различных магазинов была одна дверь, не помеченная граффити. Вместо вывески на ней красовалось просто изображение черного цветка. Черного ириса.

Джеймс постучал, дверь чуть приоткрылась, и в щелку выглянул тощий мальчишка в мятой футболке. Он окинул пронзительным взглядом глаз-бусинок стоявшего перед ним посетителя.

Это я, Ульф, – сказал Джеймс, едва сдерживаясь, чтобы не вышибить дверь ногой.

Ох уж эти оборотни! Почему же они всегда так ревниво относятся ко всем, кто оказывается на их территории?

Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы впустить Джеймса. Перед тем как ее захлопнуть, тощий мальчишка подозрительно огляделся. с Джеймс вошел в помещение, напоминавшее небольшое кафе: полутьма, маленькие круглые столики с деревянными стульями, на некоторых из них развалились Похожие на подростков посетители, двое парней катали шары где-то в глубине помещения.

Джеймс подошел к столику, за которым сидела девушка, снял темные очки и опустился на стул рядом с нею.

Привет, Жизель.

Девушка посмотрела на него. У нее были синие глаза, продолговатые и загадочные, ярко подведенные синим карандашом в древнеегипетском стиле, и темные волосы.

Она выглядела настоящей ведьмой, и это не было случайным совпадением.

Джеймс, я по тебе скучала, – у нее был приглушенный с хрипотцой голос. – Как дела?

Она обхватила ладонями стоящую на столе незажженную свечу и сделала движение, как если бы выпускала на волю птицу. Когда Жизель убрала руки, свеча вспыхнула ярким пламенем.

– Неотразим, как всегда, – сказала она, глядя на Джеймса в лучах золотого света.

– О тебе можно сказать то же самое. Но если честно, я по делу.

Она приподняла бровь.

– А когда бывало иначе?

– Нет, сейчас другое. Я хотел попросить... профессиональной помощи.

Она подняла изящные руки, ее перламутровые ногти блеснули в пламени свечи. На указательном пальце Жизель поблескивало кольцо с изображением черного георгина.

Моя сила в твоём распоряжении. Хочешь навести на кого-нибудь порчу? Или тебе нужен заговор на удачу и успех? Уверена, что любовного приворота тебе не требуется.

– Нужно, чтобы твоя сила исцелила болезнь. Я не знаю, придется ли тебе для этого прикладывать особые усилия или сработает какое-нибудь общее для всех болезней средство. Такой общий заговор на исцеление...

– Джеймс, – она томно фыркнула и опустила свою ладонь на его руку, чуть поглаживая его пальцы, – похоже, ты сильно вымотался, правда, я никогда тебя таким не видела..

Жизель была права, ему еще не случалось до такой степени потерять контроль над собой. Он поборол волнение, принудив себя к полному спокойствию.

– О какой болезни идет речь? – спросила Жизель.

– О раке.

Жизель откинулась на спинку стула и рассмеялась. – Хочешь сказать, такие, как ты, болеют раком? Ни за что не поверю. Можешь сколько угодно косить под смертного, есть и дышать, как они, но не пытайся убедить меня, что вампиры болеют человеческими болезнями.

Вот она, минута, которой Джеймс так боялся! Понизив голос, он произнес:

Существо, о котором я говорю, не из наших и не из ваших тоже, она обыкновенная

девушка, смертная.

С лица Жизели слетела улыбка. Когда она снова заговорила, ее голос уже не был ленивым и хриплым.

– Из внешнего мира? Смертная? Ты с ума сошел, Джеймс?

– Она ничего не знает обо мне и о Царстве Ночи. Я не хочу нарушать закон, я просто хочу, чтобы она поправилась.

Продолговатые голубые глаза пристально смотрели Джеймсу в лицо.

Ты уверен, что еще не преступил закон?

В ответ на непонимающий взгляд Джеймса она добавила вполголоса:

Ты уверен, что не влюблен в нее?

Джеймс заставил себя посмотреть прямо в изучающие глаза. Он говорил мягко и угрожающе:

Не говори таких вещей, если не хочешь неприятностей.

Жизель отвела взгляд. Она поиграла кольцом, пламя свечи взметнулось и погасло.

– Я давно тебя знаю, Джеймс, – сказала она, не поднимая глаз, – и не хочу, чтобы ты попал в беду. Я верю, что ты не нарушил законы, но, думаю, нам лучше забыть об этом разговоре. Теперь уходи, а я сделаю вид, что этого разговора не было.

А как же насчет твоих чар?

– Они не для таких случаев. И даже если бы я могла их применить, то не стала бы. Уходи.

Джеймс вышел из кафе.

Оставался последний шанс. Он ехал в Brentwood, район, отличавшийся от того, который он покидал, как бриллиант от куска угля. Джеймс поставил машину под навес около кирпичного дома причудливой формы. Рядом шумел фонтан. Пурпурный плющ увивал стены до самой крыши, покрытой испанской черепицей.

Джеймс прошел через арку во двор и оказался перед офисом, на двери которого золотыми буквами было выведено: «Джаспер Р. Расмуссен, доктор медицины». Отец Джеймса был психоаналитиком.

Не успел он взяться за ручку двери, как та распахнулась, и ему навстречу вышла женщина – типичная клиентка отца: сорок с небольшим, несомненно богатая, одетая в блузку от лучшего дизайнера и сандалии на высоких каблуках.

Она казалась заторможенной и чуть сонной, а на шее у нее виднелись две крошечные, еле заметные ранки.

Джеймс вошел в пустую приемную: секретарши на месте не было. Из кабинета доносилась музыка Моцарта. Джеймс постучал в дверь.

Папа?

Дверь распахнулась, и в дверном проеме показался красивый темноволосый мужчина. На нем был прекрасно сшитый серый костюм и супермодная рубашка. Он излучал энергию силы и целеустремленности. Но не тепла.

– Это ты, Джеймс? – Любезная доверительная интонация, та же, что предназначалась и его клиентам.

– Пап, у тебя есть минутка?

Отец взглянул на часы фирмы «Ролекс».

– Пожалуй. Следующий пациент будет не раньше чем через полчаса.

– Мне надо с тобой поговорить.

Отец ласково на него взглянул и указал на мягкий, обитый тканью стул. Джеймс развалился было на нем, но вдруг обнаружил, что инстинктивно наклоняется вперед и пытается устроиться на краешке сиденья.

О чем же ты хочешь со мной поговорить?

Джеймс пытался найти подходящие слова. Все зависело от того, сумеет ли он правильно объяснить отцу. Но где они, эти верные слова? Он решил действовать без обиняков.

Речь идет о Поппи, она больна, и врачи думают, что у нее рак поджелудочной железы.

Доктор Расмуссен казался удивленным.

Очень жаль, – произнес он, но в его голосе не было сожаления.

– Это очень плохой рак, с очень сильными болями, и вероятность излечения один к ста.

Жаль, – и снова в голосе доктора Расмуссена не было слышно ничего, кроме легкого удивления.

И вдруг Джеймс понял, что происходит. Отец удивлен не тем, что Поппи больна, его поражает, что он приехал специально, чтобы сказать ему об этом.

Пап, если у нее рак, значит, она умирает. Неужели это тебе безразлично?

Доктор Расмуссен сцепил пальцы и устремил взгляд на столешницу красного дерева. Он говорил медленно и спокойно:

Джеймс, мы это уже проходили. Ты знаешь, мы с мамой беспокоимся, что ты все больше сближаешься с Поппи, слишком привязываешься к ней.

Джеймс почувствовал, как его охватывает холодная Ярость.

– Как когда-то к мисс Эмме?

– Что-то в этом роде, – спокойно ответил отец.

Джеймс пытался выбросить из головы страшные воспоминания. Он не должен думать сейчас о мисс Эмме. Ему нужно сосредоточиться, быть бесстрастным. Это единственный способ убедить отца.

– Пап, я знаю Поппи всю жизнь, и она нужна мне.

– Для чего? Насколько я знаю, не для того, для чего следовало бы. Ты ведь никогда не пил ее крови, не так ли?

Джеймс судорожно сглотнул, он был подавлен. Пить кровь Поппи? Использовать ее для этого? Одна мысль об этом приводила его в ужас.

Пап, она мой друг, – сказал он, потеряв всякую надежду на понимание, – я не могу видеть, как она страдает, не могу, я должен помочь ей.

Лицо доктора Расмуссена просветлело.

Я тебя понимаю.

Джеймс почувствовал облегчение и удивление.

– Ты меня понимаешь?

– Джеймс, временами мы не можем удержаться от чувства... сострадания к смертным. Вообще, я бы этого не поощрял, но ты действительно давно знаешь Поппи. Ты сострадаешь ей, и если ты хочешь сократить ее страдания, тогда да, тогда я тебя понимаю.

Джеймс несколько секунд смотрел на отца, потом тихо сказал:

Убийство из жалости? Я думал, Старейшины наложили запрет на убийства в этом районе.

– Просто будь осторожен. Если это будет выглядеть как естественная смерть, мы закроем на это глаза. И не будет нужды доводить это дело до сведения Старейшин.

Джеймс встал и коротко рассмеялся.

Спасибо, папа, ты мне действительно помог.

Отец, казалось, не понял сарказма, прозвучавшего в его словах.

Рад был тебе помочь, Джеймс. Кстати, как идут дела в нашем доме?

– Прекрасно, – равнодушно ответил Джеймс.

– А в школе?

Занятия закончились, сейчас каникулы, – сказал Джеймс и вышел из кабинета.

Во дворе он остановился, перегнулся через кирпичную стену и посмотрел в воду фонтана. У него не было выбора. Не было надежды. Так гласят законы Царства Ночи. Раз Поппи больна, она должна умереть.

ГЛАВА 4

Поппи равнодушно смотрела на обеденный поднос, уставленный куриным филе с картошкой, когда в комнату вошел доктор Франклин.

Обследования были закончены. Первое прошло вполне спокойно, а второе оказалось ужасной пыткой. Стоило Поппи вздохнуть, как у нее возникало ощущение, будто горло до сих пор распирает трубка.

– Ну вот, оставляешь нетронутыми все больничные деликатесы, – мягко пошутил доктор Франклин. Поппи попыталась улыбнуться.

Он продолжал говорить о совершенно невинных вещах. Ни слова о результатах

обследований, а Поппи не представляла себе, когда они должны прийти. Она подозревала, что доктор Франклин чего-то не договаривает. Что-то было не так... И нежность, с которой он отставил ее поднос, и темные круги вокруг глаз... Когда он деликатно предложил маме спуститься вниз «побеседовать», подозрения Поппи превратились в уверенность.

«Он собирается сказать ей. Он получил результаты, но не хочет, чтобы я об этом узнала».

У нее тут же возник план.

– Иди, мам, а я немного вздремну, – сказала она со вздохом, откинувшись на подушку и прикрыв глаза.

Как только дверь за ними закрылась, Поппи соскочила с кровати. Она увидела удаляющиеся фигуры; доктор Франклин и мама приближались к двери, ведущей в холл. На дрожащих ногах Поппи последовала за ними.

– Просто ноги хочу поразмять, – сказала она вопросительно посмотревшей на нее медсестре на посту. Но когда сестра поднялась из-за стойки и направилась к палатам, Поппи устремилась вниз по лестнице, ведущей в коридор.

В конце коридора находилась приемная, она видела ее раньше. Там был телевизор и кухонные принадлежности, чтобы родственники, дежурящие в больнице, чувствовали себя комфортно. Дверь была приоткрыта, и Поппи тихо подкралась к ней. Она слышала низкий голос доктора Франклина, но не могла разобрать слов.

Поппи осторожно, на цыпочках, подобралась поближе. Она рисковала: в любой момент кто-нибудь мог выйти из приемной. На мгновение она заглянула в комнату и поняла, что предосторожности излишни, все были поглощены разговором.

Доктор Франклин сидел на небольшой кушетке. Рядом с ним Поппи увидела темнокожую женщину в белом халате, на шее у нее на цепочке висели очки.

На другой кушетке сидел отчим Поппи Клифф. Его прическа, обычно идеально аккуратная, растрепалась, а волевая нижняя челюсть произвольно двигалась. Одной рукой он обнимал маму. Доктор Франклин говорил с ними, положив руку маме на плечо. Мама всхлипывала.

Поппи отпрянула от двери. «Господи, они обнаружили у меня рак. Так и есть, у меня рак».

Она никогда раньше не видела свою маму плачущей – ни когда умерла бабушка, ни во время развода с папой. Мама всегда умела справляться с трудностями, она была лучшим борцом из всех, кого знала Поппи.

Но теперь...

У нее нашли рак... Похоже, что это на самом деле так.

Но, может быть, все еще не так плохо. Мама потрясена, что же, это вполне естественно. Но это еще не означает, что Поппи должна умереть. На ее стороне вся современная медицина. Она твердила себе это, удаляясь от приемного покоя.

Она шла не очень быстро и, прежде чем подняться к себе в палату, услышала мамин голос; в нем звучало невыразимое страдание:

Моя детка, моя маленькая!

Поппи похолодела.

Затем раздался голос Клиффа, громкий, полный ярости:

– Вы хотите сказать, что уже ничего нельзя сделать?

Поппи едва дышала, но, вопреки желанию скорее бежать отсюда, все же вернулась к двери в приемную.

Доктор Лофтус – онколог, она занимается этим видом рака и лучше объяснит вам, чем я, – сказал доктор Франклин.

Послышался другой голос. Говорила женщина-врач. Сначала Поппи слышала только отрывочные фразы, значение которых ей было непонятно: аденокарцинома, ркклюзия вены селезенки, третья стадия... Потом доктор Лофтус сказала:

– Если объяснять это обычным языком, то опухоль распространилась. Метастазы в печени и лимфатических узлах около поджелудочной железы. Это значит, что опухоль неоперабельна.

– Но химиотерапия... – начал было Клифф.

– Мы можем попробовать комбинацию лучевой терапии и химиотерапии. Мы достигали определенных результатов, используя эту методику. Но я не хочу вас обнадеживать. В лучшем

случае это может продлить ей жизнь на несколько недель. В таких ситуациях мы прибегаем к паллиативным мерам – пытаемся уменьшить боль и хоть как-то скрасить последние дни жизни. Понимаете?

Поппи слышала всхлипывания мамы и не могла пошевелиться. Казалось, она слушает радиоспектакль и речь идет вовсе не о ней, а о ком-то другом.

Доктор Франклин сказал:

У нас, в Южной Калифорнии, проводятся исследования по воздействию на опухоли, но...

– Проклятье! – взорвался Клифф. – Речь ведь идет о маленькой девочке! Как могло случиться, что заболевание дошло до третьей стадии и никто ничего не заметил? Еще два дня назад этот ребенок плясал всю ночь напролет!

– Я очень сожалею, мистер Хилгард, – доктор Лофтус говорила так тихо, что Поппи едва различала ее слова, – но этот вид рака не случайно называется скрытым, поскольку никак не проявляется до тех пор, пока болезнь не зашла слишком далеко. Поэтому процент излечений очень невелик. Должна сказать, что в моей практике Поппи второй подросток с таким диагнозом. Доктор Франклин очень грамотно провел обследование и точно поставил диагноз.

Я должна была знать, я должна была заставить ее прийти раньше, я должна была, должна... – хриплым голосом твердила миссис Хилгард.

Раздался грохот. Поппи, забыв о всякой осторожности, заглянула в дверной проем: мама колотила рукой по стоявшему рядом столику. Клифф пытался ее удержать.

Поппи отпрянула от двери. «О Господи, скорее бежать отсюда, я не могу, не хочу этого видеть!»

Она спустилась в холл. Ее ноги двигались как обычно. Забавно, что они еще ее слушаются.

И вокруг все как обычно. Ординаторская украшена ко Дню Независимости. Ее сумка по-прежнему стоит на мягком диванчике у окна. Под ногами паркет, над головой потолок.

Все как всегда. Но разве это возможно? Почему не рухнули стены? Почему так мирно бормочет телевизор в соседней палате?

«Я должна умереть», – подумала Поппи.

Странно, но она не испугалась. То, что она чувствовала, было больше похоже на удивление, которое все росло, все сильнее захватывало ее. В голове беспорядочно роились мысли, и их постоянно прерывали эти три слова: «Я должна умереть».

«Я сама виновата, потому что (я должна умереть) не пошла к врачу раньше».

«Клифф ругался (я должна умереть), я не думала, что он любит меня так сильно».

Мысли мельтешили в ее мозгу.

«Внутри меня что-то есть».

Она положила руки на живот, затем подняла футболку и посмотрела вниз. Кожа на животе была гладкая, загорелая. Поппи не чувствовала никакой боли.

«Я должна умереть из-за чего-то, что есть внутри меня. Оно живое, как какой-нибудь пришелец из триллера. Оно сейчас, в эту самую минуту, находится во мне».

«Я должна умереть. Это скоро случится. Интересно когда? Я не слышала, чтобы они об этом говорили».

«Я должна видеть Джеймса».

Поппи бросилась к телефону так стремительно, что казалось, будто ее рука отделяется от тела, опережая его. Она набирала номер и заклинала: «Ну пожалуйста, будь дома, ну, возьми трубку». На этот раз ее призыв не возымел действия. В трубке послышались монотонные гудки. Когда включился автоответчик, Поппи сказала: «Позвони мне в клинику». Она повесила трубку и невидящим взглядом уставилась на кувшин с водой, стоявший рядом на столике.

«Он придет позже, – уговаривала она себя, – и сразу же позвонит. Я просто должна продержаться до этого времени».

Поппи сама не понимала, почему она так решила, но ожидание звонка от Джеймса превратилось в цель жизни. Продержаться до тех пор, пока он не позвонит. Ей не нужно ни о чем думать. Нужно просто ждать. Джеймс скажет, что с ней будет и что ей теперь делать.

В дверь тихо постучали. Поппи в замешательстве оглянулась: в палату входили мама и Клифф. Она видела только их лица, которые словно сами по себе парили в воздухе.

У миссис Хилгард были красные, заплаканные глаза. Лицо Клиффа было бледным и каким-то измятым, как клочок скомканной белой бумаги, а его небритый, темный от щетины массивный подбородок странно контрастировал с бледностью лица. «О Господи, неужели они собираются сказать мне это? Нет, они не должны, они не могут заставить меня услышать это».

Поппи охватило страстное желание бежать. Ойа была на грани паники.

Но мама сказала:

– Дорогая, тебя пришли навестить друзья. Фил позвонил им и рассказал, что ты в клинике. Они сразу же приехали.

«Это Джеймс», – подумала Поппи, и что-то радостно взорвалось у нее в груди. Но в компании друзей Джеймса не оказалось. Пришли в основном ее школьные подружки. «Ничего, он позвонит позже. Сейчас не нужно об этом думать. К тому же в комнате, где столько народу, совершенно невозможно о чем-либо думать. И это даже к лучшему». Невероятно, как это Поппи удавалось сидеть и разговаривать с ними, душой будучи от них далеко-далеко, но она все же болтала с одноклассниками и старалась не думать о том, что волновало ее больше всего.

Никто из пришедших не догадывался, насколько серьезно она больна, даже Фил, выказывавший пылкую братскую любовь, нежный и внимательный. Они говорили о пустяках, вечеринках, катании на роликах, музыке, книгах. Все это было из прежней жизни, которая, казалось, кончилась сто лет назад. Клифф тоже принимал участие в разговоре и обращался с ней даже лучше, чем когда ухаживал за мамой.

Наконец посетители ушли, а мама осталась. Она гладила волосы дочери слегка дрожащими пальцами. «Если бы я не знала, то наверняка догадалась бы, – подумала Поппи, – она ведет себя совершенно не так, как обычно».

– Пожалуй, я сегодня переночую здесь, – сказала мама. Ей не очень удался легкомысленный тон. – Медсестра сказала, что я могу устроиться на диванчике у окна. На самом деле это кушетка для родителей. Я просто пытаюсь сообразить, не съездить ли мне домой за кое-какими вещами.

– Поезжай, – ответила Поппи.

Фразу длиннее Поппи не смогла бы произнести, не выдав себя. Кроме того, маме требовалось некоторое время, чтобы побыть одной и успокоиться.

Как только миссис Хилгард вышла, вошла медсестра в веселенькой блузке в цветочек и зеленых брюках. Она измерила Поппи давление и температуру и вышла. Поппи осталась одна.

Было уже поздно. Через распахнутую дверь палаты виднелось темное пространство холла. В клинике воцарилась мертвая тишина, лишь откуда-то издали доносился звук работающего телевизора. Поппи чувствовала себя очень одинокой, где-то внутри начинала сверлить боль: опухоль под загорелой кожей давала о себе знать. Но хуже всего, что Джеймс так и не позвонил. Как он мог? Неужели он не понимает, что нужен ей?

Неизвестно, как долго ей удастся не думать обо всем происходящем. Может быть, лучше попытаться заснуть, забыться? Тогда отступят наконец эти страшные неотвязные мысли. Но стоило ей выключить свет и закрыть глаза, как вокруг нее заплясали призраки, и вовсе не в образе хорошенькой девочки в косынке, а скелеты и гробы. Но хуже всего была бесконечная пустота.

«Если я умру, меня здесь не будет. Но где я буду? Или меня не будет вовсе?»

Небытие... Оно было хуже всего. И Поппи думала сейчас о смерти, думала и ничего не могла с собой поделать. Она потеряла над собой контроль. Ее пожирал страх, заставляя тряситься в ознобе под теплым одеялом. «Я должна умереть, я должна умереть, я должна...»

Поппи...

Она широко открыла глаза, но не могла сразу понять, чей это силуэт в темном дверном проеме. В голову ей пришла дикая мысль, что это сама Смерть явилась за ней.

Затем она тихо спросила:

– Джеймс?

– Я не был уверен, что ты еще не спишь. Поппи потянулась к выключателю, чтобы зажечь свет, но Джеймс остановил ее.

– Не надо. Мне пришлось тайком прошмыгнуть мимо дежурных медсестер, и я не хочу, чтобы они выкинули меня отсюда.

Поппи сглотнула, стиснув руки на складке одеяла,
Хорошо, что ты пришел, – сказала она, – я думала, ты не сможешь.

Больше всего на свете ей сейчас хотелось броситься в его объятия и разрыдаться. Но она осталась сидеть в кровати. И сдержалась она не потому, что никогда раньше не искала у него утешения, – что-то в нем ее останавливало. Поппи не могла определить, что именно, но она почти боялась его в эту минуту.

Его поза? Или темнота, которая мешала ей разглядеть его лицо? Единственное, что она сейчас знала определенно, – это то, что Джеймс вдруг стал совершенно чужим.

Он повернулся и медленно закрыл тяжелую дверь. Темнота. Теперь свет лился только из окна. Поппи охватило странное чувство, будто вдруг оборвались все связи с окружающим миром. Это пребывание наедине с Джеймсом могло быть таким прекрасным, если бы не это странное впечатление, будто перед ней незнакомый человек.

– Ты уже знаешь результаты обследований, – тихо сказал он. Это был не вопрос, а утверждение.

– Мама не догадывается, что я знаю, – ответила Поппи.

Она удивилась, что так спокойно говорит о своей болезни, хотя на самом деле ей хотелось кричать и плакать.

Я подслушала, когда доктора сообщили ей... Джеймс, у меня рак. И... очень скверный... Они говорят, что опухоль уже очень большая. Они говорят, что я должна...

Это слово стучало у нее в мозгу» но она не могла его произнести.

Ты должна умереть, – продолжил Джеймс. Он сохранил спокойствие и был предельно собранным и отчужденным.

– Я нашел в Интернете справку о раке поджелудочной железы, – проговорил Джеймс, подходя к окну и выглядывая на улицу, – я знаю, насколько все плохо. В статьях говорится о боли, очень сильной боли.

– Джеймс... – Поппи судорожно хватала ртом воздух.

– Иногда врачи прибегают к хирургическому вмешательству, но только ради того, чтобы уменьшить боль. И что бы они ни делали, им тебя не спасти. Они лишь измучают тебя химио – и лучевой терапией, но ты все равно умрешь. Возможно, еще до конца лета.

– Джеймс... – едва могла вымолвить Поппи.

– Это твое последнее лето.

– Джеймс, ради бога!

Поппи задыхалась, судорожно цепляясь за одеяло.

Зачем ты так со мной? Зачем?!

Он повернулся и одним движением схватил ее за запястье, его пальцы сомкнулись на пластиковом больничном браслете.

Я хочу, чтобы ты поняла: они не могут тебе помочь. – Его слова звучали яростно и напряженно. – Ты это понимаешь?

* * *

– Понимаю, – ответила Поппи. Она чувствовала, что в ее голосе прорываются истеричные нотки. – Ты пришел сюда для того, чтобы сказать мне об этом?

Его пальцы сжались еще сильнее, причиняя ей боль.

Нет, Поппи, я хочу тебя спасти. – Он перевел дыхание и повторил тихо и властно: – Я хочу тебя спасти.

Поппи понадобилось время, чтобы отдышаться и немного успокоиться. Она едва сдерживала слезы.

Но ты не можешь, – наконец произнесла она, – и никто не может.

Вот здесь ты не права. – Джеймс наконец отпустил ее руку и ухватился за спинку кровати. – Поппи, я должен тебе кое-что рассказать. Кое-что о себе...

– Джеймс!

Теперь Поппи могла говорить, но просто не знала, что сказать. Похоже, Джеймс сошел с ума. Если бы ее дела не обстояли так плохо, Поппи почувствовала бы себя весьма польщенной:

Джеймс лишился своего хваленного самообладания... из-за нее. Он так расстроен всем, что с ней случилось, что потерял над собой контроль.

– Тебе действительно не все равно? – спросила она со смехом, который больше походил на всхлипывание. Она положила ладонь на его руку, по-прежнему покоившуюся на спинке кровати.

Он коротко рассмеялся в ответ. Его рука выскользнула, чтобы сжать руку Поппи. Джеймс пристально смотрел ей в лицо.

Ты не понимаешь, – его голос звучал хрипло и напряженно.

Затем, отвернувшись к окну, он добавил:

Ты думаешь, что знаешь обо мне все, но это не так. Есть нечто очень важное, о чем ты даже не догадываешься.

Теперь Поппи была просто ошеломлена; она не могла понять, почему Джеймс все время твердит ей о себе, ведь это она должна умереть. Но она старалась быть к нему снисходительной и сказала:

– Ты можешь рассказать мне все, ты же знаешь.

– Но в это ты вряд ли поверишь, не говоря уже о том, что это нарушение Законов.

– Закона?

– Законов. Я живу не по тем законам, по которым живешь ты. Человеческие законы для нас ничего не значат, но свои Законы мы не смеем нарушать.

– Джеймс! – в ужасе выговорила Поппи.

«Он сошел с ума», – подумала она.

Я не знаю, как тебе это рассказать. Я чувствую себя сейчас героем плохого фильма ужасов. – Он вздрогнул и, не оборачиваясь, сказал: – Представляю, как это прозвучит, но... Поппи, я вампир.

Поппи застыла неподвижно, словно изваяние, затем вдруг яростно бросилась к столику в изголовье кровати и, схватив стопку пластиковых тарелок, швырнула в него.

– Ублюдок! – кричала она, судорожно нащупывая, чем бы еще в него запустить.

ГЛАВА 5

Джеймс уклонился от летевшей в него книги. – Поппи...

– Мерзавец! Как ты мог? Сопляк, идиот, эгоист!..

– Тихо! Тебя могут услышать...

– Пускай! Я в больнице, я только что узнала, что скоро умру, и лучшее, что ты мог придумать, – этот дурацкий розыгрыш. В голове не укладывается. Думаешь, что это смешно?!

Поппи задыхалась от гнева. Джеймс попытался было ее успокоить, но вдруг застыл на месте, глядя на дверь.

Сюда идет сестра, – сказал он.

– Прекрасно, я попрошу ее выкинуть тебя отсюда вон!

Ярость Поппи иссякла, на глаза наворачивались слезы от пронзительного чувства одиночества и покинутости: ей казалось, что Джеймс ее предал.

Ненавижу тебя, ненавижу, – прошептала она.

Дверь распахнулась, и в палату вошла сестра в блузке в цветочек и зеленых брюках.

Что здесь происходит? – спросила она, включая свет, и тут заметила Джеймса. – Все ясно... На членасемьи ты не похож.

Сестра улыбалась, но в голосе ее звучала властность, требующая беспрекословного подчинения.

– Да, он мне никто, и я хочу, чтобы он ушел, – сказала Поппи.

Сестра взбила подушки у нее в изголовье и положила ей на лоб мягкую руку.

На ночь здесь могут оставаться только члены семьи, – обратилась она к Джеймсу.

Поппи уставилась на экран телевизора, ожидая ухода Джеймса. Но вместо этого он обошел кровать и встал рядом с медсестрой, которая поправляла одеяло, не отводя от него взгляда. Ее руки двигались все медленнее и вдруг совершенно замерли.

Поппи смотрела на нее во все глаза, а сестра, будто загипнотизированная, не сводила глаз

с Джеймса. Ее руки безвольно лежали на одеяле.

Джеймс пристально смотрел на медсестру. При включенном свете Поппи хорошо видела его лицо, и оно снова показалось ей незнакомым и странным. Джеймс был очень бледен и напряжен, словно выполнял работу, требующую огромных усилий: челюсти сжаты, а глаза... глаза мерцают в темноте, как настоящее серебро.

Почему-то в этот миг перед внутренним взором Поппи предстала умирающая от голода пантера.

– Как видите, все в порядке, – сказал Джеймс сестре, словно продолжая начатый разговор.

Медсестра моргнула, затем огляделась вокруг, как будто очнувшись после наркоза.

Да-да, все в порядке, – ответила она. – Позвоните мне, если... – тут она снова рассеянно оглянулась, – если что-нибудь понадобится.

Сестра вышла из палаты. Поппи следила за ней, затаив дыхание. Потом она медленно перевела взгляд на Джеймса.

– Я знаю, это многие умеют, – произнес Джеймс, – затасканный прием демонстрации собственного могущества, но иногда он может сослужить добрую службу.

Вы с ней это подстроили, – прошептала Поппи.

– Нет.

– Тогда это просто психологический трюк, вроде «Угадай с трех раз, как меня зовут».

– Нет, – ответил Джеймс и опустился на оранжевое пластиковое сиденье кресла.

– Тогда я схожу с ума.

Впервые за этот вечер Поппи не думала о своей болезни. Она вообще не могла ни о чем думать. В ее мозгу царил хаос и смятение. Она чувствовала себя, как Дороти из «Волшебника из страны ОЗ» в своем домике, подхваченном и унесенном бурей.

– Нет, голова у тебя в порядке. Это я все сделал не так. Я же говорил тебе, что мне трудно объяснить. Да, в это невозможно поверить. Мы делаем все для того, чтобы в это невозможно было поверить. Мы прилагаем огромные усилия, чтобы смертные отрицали само наше существование. От этого зависит наша жизнь.

– Джеймс, извини, я просто... – Поппи почувствовала, что у нее дрожат руки. Она закрыла глаза. – Может быть, тебе лучше просто...

– Поппи, пожалуйста, посмотри на меня, я говорю тебе правду, я клянусь. – Он заглянул ей в лицо и перевел дыхание. – Хорошо, я этого не хотел, но...

Джеймс наклонился к Поппи. Она не отшатнулась и заметила, как расширились его зрачки.

Теперь смотри, – сказал он и слегка раздвинул губы.

Обычное движение, но то, что представилось взору Поппи, глубоко ее поразило. Она увидела настоящее преобразование. В мгновение ока он превратился из близкого и привычного Джеймса в совершенно чужое, незнакомое существо.

В его глазах мерцало серебро, и весь облик приобрел хищный, устрашающий вид. Но Поппи едва заметила это. Она не отрываясь смотрела на его зубы. Нет, не зубы, а клыки. Как у кошки. Длинные, чуть загибающиеся внутрь и невероятно острые на концах, совершенно непохожие на клыки вампиров, продающиеся в сувенирных лавках. Они были очень сильными и очень реальными. Поппи вскрикнула. Джеймс зажал ей ладонью рот.

– Тс-с. Мы же не хотим, чтобы сестра вернулась.

Когда он отнял руку от ее губ, Поппи простонала:

– О боже, боже...

– Помнишь, ты часто говорила мне, что я умею читать мысли, помнишь? А еще, что я слышу то, чего не слышишь ты, и хожу быстрее тебя?

– Господи...

– Это правда, Поппи.

Джеймс поднял оранжевое кресло и завязал в узел одну из его металлических ножек. Он проделал это легко и изящно.

– Мы сильнее, чем смертные. – Он распрямил ножку и поставил кресло на место. – Мы лучше видим в темноте, мы созданы для охоты.

Поппи силилась поймать ускользающие мысли.

Мне наплевать на глупости, которые ты тут наговорил. Ты не можешь быть вампиром. Я знаю тебя с пяти лет, и ты становишься старше с каждым годом, как и я. Объясни мне это, если сможешь.

Все, что ты знаешь о вампирах, вымысел.

Поппи изумленно воззрилась на него. Джеймс снова вздохнул и продолжил:

– Все, что ты знаешь о вампирах, ты почерпнула из книг или телесериалов. А романы и сценарии – я это гарантирую – написаны смертными. Никто из Царства Ночи ни за что не нарушит кодекса молчания.

– Царство Ночи? Что это?

– Это такое тайное сообщество. Сообщество вам пиров, ведьм и оборотней. Милейшие люди. Потом я тебе все объясню, – мрачно сказал Джеймс. – А сейчас тебе достаточно просто знать, что я вампир, потому что мои родители вампиры. Я таким родился. Мы из потустороннего мира.

Теперь Поппи могла думать только о мистере и миссис Расмуссен с их роскошной виллой и мерседесами.

– Твои родители?!

– Мы – ламии, – продолжал Джеймс, не обращая внимания на ее восклицание. – Это старинное название вампиров, но мы им пользуемся для обозначения тех, кто родился от родителей-вампиров. Мы рождаемся и старимся, как смертные, но в отличие от них мы способны остановить старение, когда захотим. Мы дышим, мы выходим на улицу при дневном свете, мы даже можем есть обычную пищу.

– Твои родители, – без выражения повторила Поппи.

Джеймс посмотрел на нее.

Да. Мои родители. Слушай, как ты думаешь, почему моя мама занимается дизайном интерьеров? Вовсе не потому, что нам нужны деньги. Эта работа дает ей возможность общаться со множеством людей. То же самое и отец, у него широкий круг знакомств. Им достаточно нескольких минут наедине с клиентом, а он по том ничего не вспомнит.

Поппи поежилась.

Так ты, как бы это... ты пьешь человеческую кровь, да? – Даже после всего, что она видела, Поппи не могла выговорить это без смеха.

Джеймс устался на носки своих кроссовок.

Да, конечно, я пью человеческую кровь, – тихо ответил он, поднял глаза и спокойно встретил ее пристальный взгляд.

Его глаза излучали серебряный свет.

Поппи откинулась на гору подушек. Сегодня ей было проще поверить в невероятное, поскольку несколькими часами раньше невероятное уже случилось с ней самой. Действительность обернулась фантазмагорией. Одним сюрпризом больше, одним меньше...

«Я должна умереть, а мой лучший друг на самом деле кровососущий монстр», – подумала она.

У нее иссякли аргументы, и совсем не было сил. Поппи и Джеймс молча смотрели друг на друга.

– Ладно, – наконец сказала она, подводя итог своим мыслям.

– Я рассказал тебе все это вовсе не для того, чтобы облегчить душу, – продолжал Джеймс. – Ты помнишь, я обещал спасти тебя?

– Смутно припоминаю. – Поппи помедлила и раздраженно спросила: – Как же ты собираешься это сделать?

Джеймс отвел взгляд.

– Именно так, как ты думаешь.

Джейми, я больше не в состоянии думать.

Не глядя на нее, он нежно положил руку на ее ногу под одеялом и легонько похлопал по ней.

Я помогу тебе превратиться в вампира.

Поппи закрыла лицо руками и расплакалась.

Ну, полно, – он неловко ее обнял, стараясь усадить прямо, – не плачь, все будет хорошо.

Это лучше, чем то, что тебе предстоит.

Ты... сошел... с ума, – всхлипывала Поппи.

Словно прорвав плотину, слезы полились потоком, и рыданий было не унять. Как сладко выплакаться в объятиях Джеймса! Он такой сильный, уверенный в себе, надежный.

Ты сказал, что вампиром надо родиться, – проговорила она, всхлипывая.

– Нет, это я про себя сказал, что родился вампиром. Но есть множество других способов стать вампиром. Таких преобразованных вампиров немного, но могло бы быть больше, если бы не существовало специальных законов, запрещающих превращать в вампира каждого встречного и поперечного.

Но я не могу. Я – это я и не могу быть кем-то другим.

Джеймс немного отстранился, чтобы взглянуть ей в лицо.

Тогда ты умрешь. У тебя нет выбора. Я все узнал, даже ведьму настоящую спросил. В Царстве Ночи тебе больше никто не поможет. Все сводится к простому вопросу: хочешь ты жить или нет?

Мозг Поппи, который снова начал было погружаться в хаос, сконцентрировался на этом вопросе. Это было подобно вспышке света в темной комнате.

Хочет ли она жить?

Господи, конечно хочет!

До сегодняшнего дня она принимала свое право на жизнь как нечто само собой разумеющееся и даже не чувствовала благодарности за эту милость. Но теперь она знала цену жизни и готова была за нее бороться.

Очнись, Поппи, взывал к ней голос рассудка, он говорит, что может тебя спасти.

Подожди, Джеймс, я должна подумать, – твердо сказала Поппи.

Слезы у нее высохли. Она отодвинулась от Джеймса и стала яростно всматриваться в белое больничное одеяло.

«Так, спокойно, Поппи, не теряй головы.

Ты знала, что у Джеймса есть какая-то тайна. Что из того, что ты не предполагала, какого рода эта тайна? Он по-прежнему Джеймс. Он – ужасное бессмертное чудовище, но ты ему не безразлична. И никто, кроме него, не может тебе помочь».

Тут она поняла, что сжимает руку Джеймса, даже не глядя на него.

– На что это похоже? – спросила она, стуча зубами.

Спокойно и обыденно Джеймс ответил:

Это не похоже на человеческую жизнь. Я бы не посоветовал тебе пробовать это, если бы был другой выход, но в общем, ничего страшного. Ты будешь нездорова, пока твое тело будет претерпевать изменения, но потом ты никогда больше не заболеешь. Ты станешь сильной, быстрой и бессмертной.

Я буду жить всегда? А я смогу не стариться?

Она представила себя бессмертной развалиной.

Джеймс поморщился.

– Поппи, ты сразу же перестанешь стареть. Это происходит со всеми преобразованными вампирами. Сначала ты умираешь, как все смертные. Ты будешь выглядеть, как мертвая, и находиться некоторое время без сознания. А потом... ты проснешься.

* * *

Понятно.

«Как Джульетта в склепе», – подумала Поппи. Затем она вспомнила: «О Господи, а как же мама, Фил?!» – Есть еще кое-что, о чем тебе следует знать, – продолжал Джеймс. – Некоторые люди не способны пройти через это. – Пройти через что?

– Через трансформацию. Те, кому больше двадцати, – почти никогда. Они не могут пробудиться из небытия. Их тела не способны к преобразованию и сгорают. Подростки обычно выживают, но не всегда.

Странно, но Поппи это успокоило. Перспектива с оговорками казалась более надежной, нежели совершенно безоблачная. Она выживет, если ей улыбнется удача.

Она посмотрела на Джеймса.

– Как ты это сделаешь?

– Традиционным способом.

На его лице промелькнула тень улыбки. Затем он мрачно добавил:

Обменяемся кровью.

«Класс, – подумала Поппи. – А я боялась уколов. Теперь мою кровь высосут, вспоров кожу клыками». Она замерла, устремив взгляд в пространство.

– Это твой выбор, Поппи. Тебе решать.

Поппи медлила с решением, но наконец сказала:

– Я хочу жить.

Джеймс кивнул.

– Это значит, что тебе придется покинуть эти края, ты не сможешь жить с родителями.

Они ни о чем не должны знать.

* * *

– Да, я как раз об этом подумала. Это похоже на вторую жизнь, как когда работаешь на ФБР, да?

– Еще труднее. Ты будешь жить в новом для тебя мире, в Царстве Ночи. Это царство одиночества, мир, полный тайн. Но в нем ты будешь жить, а не лежать в земле.

Он сжал ее руку, а затем тихо и серьезно спросил:

Ты можешь начать сейчас?

Поппи лишь закрыла глаза и обхватила себя руками, как она это делала во время уколов.

Я готова, – сказала она, стиснув зубы.

Джеймс снова рассмеялся, но теперь уже так, словно не мог сдержать смеха, и сел с ней рядом.

– Я привык гипнотизировать людей, когда это делаю. Мне как-то непривычно, что ты находишься в сознании.

Ну, хорошо, если я закричу, можешь меня загипнотизировать, – сказала Поппи, не открывая глаз.

«Расслабься, – твердо сказала она себе. – Неважно, больно это или нет, страшно или не очень, ты должна с этим справиться. Должна. От этого зависит твоя жизнь».

Сердце у нее билось так сильно, что казалось, все тело содрогается ему в такт.

Вот здесь, – сказал Джеймс, прикоснувшись холодными пальцами к ее шее, как бы нащупывая пульс.

«Сделай это побыстрее, – молила про себя Поппи. – Давай скорее покончим с этим».

Она почувствовала тепло, когда Джеймс наклонился к ней и нежно взял за плечи. Каждой клеткой она ощущала его близость. Затем ее горла коснулось холодное дыхание, и кожу пронзил быстрый – она даже не успела вздрогнуть – двойной укол. Клыки погружались в ее плоть.

«Теперь действительно больно», – подумала она. Она больше не могла держать себя в руках. Ее жизнь оказалась в руках кровопийцы, в руках охотника. Она всего лишь кролик в пасти змеи, мышка в кошачьих лапах. Поппи больше не помнила, что Джеймс ее лучший друг, сейчас она чувствовала себя свежим ужином.

Поппи, что ты делаешь? Не сопротивляйся, иначе тебе будет больно.

Джеймс говорил с ней, но его губы не шевелились. Голос звучал у нее в голове.

А я и не сопротивляюсь, ответила про себя Поппи. Просто я готова к тому, что будет больно, вот и все.

Потом она почувствовала жжение в месте укуса. Она ждала, что жжение усилится, но этого не произошло. Оно изменилось. Жар становился даже приятным. Возникло чувство покоя, освобождения... и близости. Она и Джеймс становились ближе друг другу, как две капли воды, стремившиеся навстречу друг другу и наконец сливающиеся в одну. Она читала мысли Джеймса, чувствовала то же, что чувствовал он. Его чувства втекали в нее, струились через нее.

Нежность... забота... тревога... Холодная яростная злоба на ее болезнь. Отчаяние, что не

осталось иного пути помочь ей. И желание, страстное желание сделать ее счастливой.

Поппи захлестнула волна нежности, она вдруг поняла, что ищет его руку, почувствовала, как сплетаются их пальцы.

Джеймс, беззвучно воскликнула Поппи. Ее обращение к нему было исполнено счастья и ласки.

В ответ она почувствовала его удивление и восторг.

Удовольствие нарастало, становилось таким сильным, что Поппи дрожала, как в лихорадке.

Как я могла быть такой глупой, думала Поппи. Бояться этого. Это не страшно, это... это... правильно.

Она никогда ни с кем не была так близка. Как будто они с Джеймсом были единым целым. Не хищник и жертва, а партнеры в танце. Поппи и Джеймс. Она могла прикоснуться к его душе, могла его чувствовать.

Странно, но он этого испугался.

Не надо, Поппи, пожалуйста! Столько дурных поступков... Поппи, я не хочу, чтобы ты это видела...

Дурных, да, подумала Поппи. Дурных, но не страшных и непоправимых. Ты одинок, ты живешь в темном мире. Ты так ужасающе одинок. Тебе ведомо, каково это – не принадлежать ни одному из миров. Ты не принадлежишь никому, кроме...

Она вдруг увидела себя со стороны. В уме у нее возник образ хрупкой изящной девушки, воздушного эльфа с изумрудными глазами. С характером тверже закаленной стали.

Я совсем не такая, подумала она. Я не высокая и не красивая, как Жаклин или Микаэла...

Поппи показалось, что слова, которые она услышала в ответ, ей вовсе не предназначались. Джеймс просто подумал об этом или вспомнил цитату из какой-то давно прочитанной книги.

Девушку любишь не за красоту. Девушку любишь за то, что она напевает мелодию, которую можешь услышать только ты.

Поппи впервые в жизни испытала чувство защищенности. Так вот как Джеймс думает о ней. Наконец она знает это. Он относится к ней, как к сокровищу, которое нужно защитить любой ценой...

Любой ценой... Неважно, что со мной случится, думал Джеймс.

Поппи старалась проследовать за его мыслью дальше, чтобы понять, что он имел в виду, и получила представление о правилах, нет, о законах, по которым он жил.

Поппи, что за дурная манера лезть в чужие мысли, когда тебя не приглашают.

В этих его словах прозвучало неприкрытое отчаяние.

Поппи прекратила погоню за его мыслями. Она не хотела подглядывать. Она просто хотела помочь...

Я знаю, ответил Джеймс.

Поппи охватило чувство нежности и благодарности. Она расслабилась и просто наслаждалась единением с ним. Я хочу, чтобы это продолжалось вечно, подумала она, и в эту минуту все кончилось. Тепло исчезло, и Джеймс, отстранившись, выпрямился.

Поппи издала протестующий возглас и попыталась притянуть Джеймса к себе. Но он не поддался.

– Нет, мы должны сделать еще кое-что, – прошептал Джеймс, но ничего больше не делал.

Он просто обнимал ее, и его губы касались ее лба. Поппи чувствовала умиротворение и спокойствие.

– Ты не сказал мне, что будет так хорошо, – пробормотала она.

– Я сам не знал, – просто ответил Джеймс, – у меня такого еще не было.

Они тихо сидели обнявшись. Джеймс нежно гладил ее волосы.

«Как странно, – подумала Поппи. – Все осталось прежним, и все изменилось». Как если бы она тонула в океане и вдруг выбралась на твердую почву. Переполюбявший ее ужас отступил, и она впервые за весь сегодняшний страшный день была совершенно спокойна за свою жизнь.

Прошла минута-другая, и Джеймс, словно приходя в себя, потряс головой.

Что еще мы должны сделать? – спросила Поппи.

Вместо ответа Джеймс поднес запястье к губам и сделал быстрое движение головой, как

будто откусывал нитку. Затем он опустил руку, и Поппи увидела кровь. Она бежала тонким ручейком и была такой красной, что казалась искусственной. Поппи судорожно сглотнула и отрицательно покачала головой.

Это не страшно, – мягко возразил Джеймс, – и ты должна это сделать. Если в тебе не будет моей крови, ты просто умрешь, как все смертные.

«А я хочу жить, – подумала Поппи. – Значит, чему быть, того не миновать». Закрыв глаза, она позволила Джеймсу наклонить ее голову к своему запястью. Это не было похоже на кровь, по крайней мере на ту кровь, вкус которой она ощущала, когда прикусывала язык или подносила к губам порезанный палец. У крови Джеймса был странный вкус. Вкус могущества и богатства. «Похоже на какой-то волшебный эликсир», – рассеянно подумала Поппи. Она снова почувствовала, как ее мысли сливаются с мыслями Джеймса. Опыренная их близостью, она продолжала пить кровь.

Правильно, тебе нужно много, беззвучно сказал Джеймс, но его слова отозвались в душе Поппи слабее, чем прежде. Вдруг Поппи почувствовала беспокойство. А как же ты?

Со мной все будет хорошо, – вслух отозвался Джеймс, – я беспокоюсь о тебе: тебе грозит опасность, если ты выпьешь мало крови.

«Что ж, ему лучше знать». Кроме того, Поппи ощущала все возрастающую радость по мере того, как в нее вливалась странная, тяжелая жидкость. Она грелась в тепле, которое, казалось, охватывает ее, рождается где-то внутри нее и несет с собой такой покой, такое умиротворение...

И вдруг неожиданно их спокойствие было прервано, в него ворвался голос, полный негодования и удивления:

Что вы делаете?!

Подняв глаза, Поппи увидела в дверях своего брата Филиппа.

ГЛАВА 6

Джеймс мгновенно отпрянул, схватил с тумбочки пластиковый стаканчик и сунул его в руку Поппи. Она поняла и, сделав большой глоток, смочила губы, чтобы смыть следы крови. Движения ее были неловкими и давались ей с трудом, она никак не могла прийти в себя и собраться с силами.

Что вы тут делаете? – повторил Филипп, врываясь в палату.

Он пристально смотрел на Джеймса. Поппи, воспользовавшись случаем, старалась прикрыть шею.

Не твое дело, – ответила она и тут же поняла, что совершила ошибку. Фил, всегда такой спокойный, сама уравновешенность, сейчас был в бешенстве.

«Мама ему сказала», – догадалась Поппи.

Я хотела сказать, что ничего мы не делали, – поправилась она.

Но это не помогло. Очевидно, сегодня Фил во всем видел угрозу для ее жизни. Поппи не могла его винить. Войдя в палату, он увидел их сплетенными в странном объятии на смятой постели.

Я была напугана, и Джеймс успокаивал меня, – заявила она.

Она даже не попыталась найти хоть какое-то объяснение тому, зачем Джеймс склонил ее голову к своей руке. Бросив быстрый взгляд на руку Джеймса, Поппи увидела, что ранка почти затянулась, и следы ее стремительно исчезают.

Все в порядке, ты же знаешь, – начал было Джеймс, стараясь загипнотизировать Фила, но Фил едва удостоил его взглядом. Он смотрел на Поппи.

«Не получается, – подумала Поппи. – Может быть, Фил сейчас слишком возбужден или вовсе не податлив от природы».

Она вопросительно посмотрела на Джеймса. В ответ он едва заметно кивнул: он сам был удивлен, что Фил не поддается гипнозу.

Оба они понимали, какие последствия повлечет за собой приход Фила: Джеймсу придется уйти. Поппи чувствовала себя обманутой и подавленной. Единственное, чего ей сейчас хотелось, – это говорить с Джеймсом о том, как они открыли друг друга, наслаждаться

общением с ним. Но им помешал Фил.

– Как ты сюда вошел? – раздраженно осведомилась она у брата.

– Я привез маму. Ты же знаешь, она не любит ночью водить машину. И я принес тебе это, – он поставил на стол ее косметичку, – и это, – он вытащил из сумки черную коробку с дисками, – твоя любимая музыка.

Ярость Поппи мгновенно улетучилась,

Как это мило.

Она была тронута, и особенно тем, что Фил не сказал, как обычно: «Твоя безумная музыка».

Спасибо.

Фил пожал плечами, свирепо смерив Джеймса взглядом.

«Бедный Фил», – подумала Поппи. Ее брат выглядел крайне взволнованным. У него покраснели и опухли глаза.

Не успела Поппи произнести: «Где мама?», как дверь распахнулась и в палату вошла миссис Хилгард.

– Я вернулась, дорогая, – сказала мама с очень правдоподобной очаровательной улыбкой, но, заметив Джеймса, удивленно вскинула брови.

– Джеймс! Как мило, что ты пришел.

– Да, но он уже уходит, – многозначительно откликнулся Фил, – я покажу ему дорогу.

Любая попытка подольше задержаться у Пошш была обречена на провал, и Джеймс не стал возражать. Он повернулся к Поппи и сказал на прощание:

Увидимся завтра.

Взгляд его глаз, серых, а не серебристых, предназначался только ей одной. Впервые за все годы их дружбы он смотрел на нее так.

До свидания, Джеймс, – сказала она и добавила: – Спасибо тебе.

Она знала, что Джеймс ее поймет.

Только когда Джеймс, преследуемый Филом, как дичь сворой гончих, покинул Пилату, в голову Поппи пришла тревожная мысль.

Джеймс сказал, что если она не получит достаточно крови, то окажется в опасности. Но их прервали, едва она припала к его запястью. Достаточно ли крови она получила? А если нет, что с ней будет? Она не знала, а спросить у Джеймса не было никакой возможности.

* * *

Филипп неотступно следовал за Джеймсом, пока они не вышли из клиники. «Не сегодня», – думал Джеймс. Сегодня он ничего не может поделаться с Филиппом. Ему изменило терпение, он судорожно соображал, достаточно ли крови получила Поппи, чтобы оказаться в безопасности. Он полагал, что достаточно, но чем скорее она получит вторую дозу его крови, тем лучше.

– «Увидимся завтра»... Ну уж нет! И не надейся. Завтра ты ее не увидишь, я тебе обещаю, – резко сказал Фил по дороге к гаражу.

– Фил, не гони так, дай мне перевести дух.

Фил преградил Джеймсу дорогу, заставив его остановиться. Филипп тяжело дышал, его зеленые глаза горели, как у кошки.

– Ладно, приятель, не знаю, как ты называешь свои отношения с Поппи, но теперь с ними покончено. С этого дня ты будешь держаться от нее на почтительном расстоянии. Понял?

В голове Джеймса промелькнуло видение: он ломает шею противника, как обычный карандаш. Но Фил брат Поппи, и глаза у него такие же, как у Поппи.

Я никогда не причиню Поппи вреда, – устало произнес он.

Стоп! Ты хочешь сказать, что у тебя нет на нее видов?

Джеймс не мог заставить себя сразу отречься от Поппи. Еще вчера он не солгал бы, сказав, что у него нет видов на Поппи, потому что в противном случае он подписал бы смертный приговор и себе, и ей. Но сегодня, когда Поппи оказалась на пороге гибели, он позволил себе мысли о своих чувствах к ней.

А теперь... теперь он был так близок к ней. Он прочел ее мысли и понял, что она даже лучше, чем он о ней думал. Она бесстрашная, добрая, нежная.

Он мечтал снова быть с ней рядом и так за нее тревожился, что перехватывало дыхание. Они были единым целым, но Джеймс понимал, что этого может оказаться недостаточно: обменяться кровью – значит стать очень близкими людьми, однако он не должен пользоваться установившейся между ними неразрывной связью и благодарностью Поппи. Надо подождать, пока Поппи будет способна принимать самостоятельные решения.

Я меньше всего хочу обидеть ее. Почему ты мне не веришь?

Он сделал еще одну попытку поймать взгляд Фила. И вновь попытка гипноза не удалась. Казалось, Фил принадлежал к числу тех немногих смертных, которые не поддаются внушению.

Почему я не верю? Да потому что я тебя знаю! Тебя и твоих подружек. – Фил постарался, чтобы его слова прозвучали как можно оскорбительнее. – Ты их меняешь, как перчатки.

На минуту Джеймс отвлекся, представив себе Фила мертвым.

Ему нужны были шесть подружек в год. После двух месяцев связь между ним и жертвой становилась слишком тесной, а это опасно.

Поппи мне не подружка, и я не собираюсь ее бросать, – сказал он, радуясь собственной сообразительности.

Джеймс избегал прямой лжи. Поппи действительно не была его подружкой в привычном смысле слова. Она стала его душой, вот и все.

Так ты хочешь сказать, что не будешь морочить ей голову? Так или нет? Лучше говори правду, не то...

Произнося эту тираду, Фил совершил самый неблагоприятный и опасный поступок в своей жизни: он схватил Джеймса за ворот рубашки.

«Глупый смертный», – подумал Джеймс. Он холодно прикидывал, что лучше – переломать Филу все кости на этой самой руке или забросить его за гаражи в чей-нибудь сад. А может...

Ты брат Поппи, – сказал он сквозь зубы, – поэтому я даю тебе шанс убраться подобру-поздорову.

Мгновение Фил смотрел ему в глаза и, потрясенный, выпустил его ворот, однако, несмотря на удивление, не утратил дара речи.

– Ты должен оставить ее в покое, как ты не понимаешь. Она больна, очень серьезно больна. Ее сейчас нельзя тревожить. Ей нужно просто... – Фил замолчал, не в силах продолжать.

Джеймс вдруг почувствовал, что устал. Бесполезно злиться на Фила. Он расстроен, в его мозгу проносятся невероятно четкие, почти реалистические картины смерти Поппи. Обычно Джеймс воспринимал то, о чем думают смертные, лишь в общих чертах, но Филипп думал «так громко», что на мгновение почти оглушил его.

Похоже, от этого разговора не увильнешь: Фил не довольствуется отговорками и полуправдой. Для того чтобы заставить его уйти, придется прибегнуть к откровенной заурядной лжи. Такой, которая могла бы его успокоить.

Я знаю, что Поппи тяжело больна, – сказал Джеймс. – Я нашел в Интернете статью об этой болезни и сразу же пришел к ней, понимаешь? Мне очень ее жаль. Поппи для меня не более чем друг, но ей доставляет удовольствие думать, что нас связывает нечто большее.

Филипп колебался, глядя на него тяжелым, подозрительным взглядом. Затем он медленно покачал головой.

– Нехорошо вводить ее в заблуждение. В конце концов, ей не принесет радости твое притворство. Не думаю, чтобы она почувствовала себя лучше от твоей лжи, – она очень плохо выглядела, когда я пришел.

– Плохо?

– Да. Бледная и потерянная. Ты же знаешь Поппи, знаешь, как она за все переживает. Нельзя играть ее чувствами, – Фил недобро прищурился, – так что держись некоторое время подальше. Просто чтобы убедиться, что она не питает напрасных иллюзий.

– Хорошо, согласен, – пробормотал Джеймс, он уже почти не слушал Фила.

– Ладно, – заключил Фил. – Мы с тобой договорились, но предупреждаю: если ты

нарушишь договор, пеняй на себя.

Джеймс не услышал и этих его последних слов и только потом понял, что это было ошибкой.

* * *

Поппи лежала в темной палате и прислушивалась к маминому дыханию.

«Ты не спишь, – думала она, – я тоже не смогу заснуть, и ты знаешь, что я не сплю, а я знаю, что ты лежишь с открытыми глазами...»

Но ни одна из них не нарушила молчания. Поппи отчаянно хотелось хотя бы намекнуть маме, что все будет хорошо. Но как это сделать? Она не могла выдать секрет Джеймса. И даже если бы она это сделала, мама все равно не поверила бы.

«Я должна найти выход, – размышляла Поппи, – должна». Это был самый долгий день в ее жизни, в ее жилах теперь текла чужая кровь, делая свою медленную волшебную работу. Она не могла, просто не могла лежать с открытыми глазами...

Несколько раз заходила сестра проверить ее состояние. Но Поппи даже не проснулась. Впервые за несколько недель боль не прерывала ее сна.

На следующее утро, едва проснувшись, она почувствовала смущение и слабость. Когда она села на кровати, перед глазами у нее замельтешили черные точки.

– Проголодалась? – спросила миссис Хилгард. – Тебе принесли завтрак.

Запах яиц, приготовленных на больничной кухне, не вызывал аппетита, но Поппи, видя волнение мамы, немного поковырялась в тарелках на подносе. В зеркале ванной комнаты она осмотрела свою шею. Странно, на ней не осталось никаких следов.

Когда она вышла из ванной комнаты, мама плакала. Никаких потоков слез, никаких всхлипываний. Она просто промокала глаза бумажными носовыми платками. Этого Поппи вынести не могла.

Ма, если ты боишься... не знаешь, как мне сказать... то я все знаю.

Слова слетели с ее губ раньше, чем она успела их обдумать. Миссис Хилгард в страхе обернулась. Она смотрела на дочь, и из глаз ее текли слезы.

– Поппи, ты... знаешь?..

Я знаю, что у меня, и знаю, насколько это плохо, – сказала Поппи.

Даже если она поступила необдуманно, исправлять последствия было поздно.

– Я слышала, как вы с Клиффом разговаривали с врачами.

О боже!

«Я ничего больше не могу ей сказать, – думала Поппи. – Я не могу успокоить ее сообщением, что не собираюсь умирать, что надеюсь стать вампиром, хотя и не уверена на сто процентов, что мне это удастся, потому что многие не выдерживают трансформации. Но если повезет, через несколько недель я смогу благополучно пить кровь.

Кстати, я не спросила Джеймса, как долго это будет продолжаться».

Мама тяжело дышала, стараясь успокоиться.

Поппи, я хочу, чтобы ты знала, как сильно я тебя люблю. Клифф и я, мы все сделаем, все, чтобы тебе помочь. Он сейчас как раз смотрит протоколы некоторых исследований. Есть новые методы лечения. Если бы можно... вернуть назад время... когда лечение еще...

Это было невыносимо. Поппи остро чувствовала боль своей матери. Она вливалась в ее кровь, билась в ней, как прибой, сводила с ума.

«Это та кровь, – решила она. – Это она делает во мне свою работу, меняет меня». Поппи подошла к маме, чтобы обнять ее.

Мам, я не боюсь, – сказала она, прижимаясь к маминому плечу, – я не могу объяснить этого, но я не боюсь. Я не хочу, чтобы ты страдала из-за меня.

Миссис Хилгард разрыдалась и сжала ее в объятиях, словно защищая дочь от смерти.

Поппи тоже плакала, горько плакала, по-настоящему, потому что даже если она не умрет, как все смертные, ей предстоит многое потерять: свою прежнюю жизнь, свою семью, все, что ей знакомо с детства. Так хорошо было выплакаться, ей очень нужно было облегчить душу.

Немного успокоившись, Поппи снова принялась утешать маму.

Единственное, чего я не хочу, так это чтобы ты волновалась и переживала. – Она посмотрела вверх, на мамино лицо. – Ты ведь попробуешь? Для меня.

«О Господи, я похожа на Бетт из „Маленьких женщин“! Святая Поппи! А правда состоит в том, что если бы я действительно умирала, то рыдала бы и билась в истерике все дни напролет».

По крайней мере, ей удалось успокоить маму. Она была по-прежнему вся в слезах, но выглядела по-настоящему гордой.

Ты просто нечто, Поппи, – только и могла вымолвить миссис Хилгард, но губы ее дрожали.

Поппи в ужасном замешательстве отвела взгляд, ее спасла новая волна слабости. Она позволила маме отвести себя в кровать.

И в это время она придумала, как сформулировать вопрос, который она хотела задать маме.

Мам, скажи, – медленно начала Поппи, – что, если где-нибудь меня могли бы вылечить, например в другой стране... или еще где-то, но я не смогла бы вернуться оттуда? Я хочу сказать, если бы ты знала, что со мной все в порядке, но никогда больше меня не увидела бы? – Она испытующе поглядела на маму. – Ты хотела бы, чтобы я согласилась на это?

Мама ответила мгновенно, не раздумывая:

Дорогая, я хотела бы, чтобы ты вылечилась, даже если для этого потребовалось бы отправить тебя на луну. На столько, на сколько потребовалось бы. – Она помедлила минуту и спокойно добавила: – Но такого места нет. Я очень хотела бы, чтобы оно существовало.

Я знаю. – Поппи нежно погладила ее руку. – Я просто спросила. Я люблю тебя.

Этим же утром, чуть позже, пришли доктор Франклин и доктор Лофтус. Встреча с ними оказалась не такой ужасной, как предполагала Поппи, если не считать того, что она чувствовала себя обманщицей, когда они восхищались ее «потрясающей выдержкой». Они говорили о том, что в медицине не существует двух одинаковых случаев, что знали людей, которые попали в ничтожный процент выживших. Святая Поппи не знала, куда деться от стыда, но слушала и кивала головой до тех пор, пока они не начали говорить о новых обследованиях.

– Мы хотели бы сделать ангиограмму и лапаротомию, – сказала доктор Лофтус, – ангиограмма – это...

Это когда мне в вены воткнут трубки? – вырвалось у Поппи, прежде чем она успела что-либо подумать.

Все смотрели на нее с нескрываемым удивлением. Доктор Лофтус улыбнулась:

Похоже, ты читала об этом.

Нет, я просто... Думаю, я где-то об этом слышала, – ответила Поппи.

Она знала, как догадалась, что это за обследование: в голове доктора Лофтус промелькнули очень яркие образы. Конечно, лучше эти «фокусы» держать при себе и никому не демонстрировать, но для этого она сейчас слишком расстроена.

А лапаротомия – это операция, да?

Доктора переглянулись.

– Да, маленькая операция, – ответил доктор Франклин.

Но ведь мне эти обследования не нужны, верно? Я имею в виду, вы ведь уже знаете, что со мной. А обследования очень болезненные.

– Поппи, – мягко сказала миссис Хилгард.

Но доктор Лофтус медленно ответила:

– Это так, но иногда нам нужны обследования, чтобы подтвердить диагноз. Хотя в твоём случае... они действительно не нужны, Поппи. Мы уверены в точности диагноза.

– Тогда зачем они? – спросила Поппи. – Я бы лучше вернулась домой.

Врачи переглянулись, затем посмотрели на миссис Хилгард. Потом, даже не пытаясь как-то объяснить свои действия, они вышли в коридор.

Когда они вернулись, Поппи уже знала, что она победила.

Можешь ехать домой, Поппи, – тихо сказал доктор Франклин, – по крайней мере, до тех пор, пока не появятся другие симптомы. Сестра расскажет твоей маме, как за тобой ухаживать.

Едва услышав эту радостную новость, Поппи сразу же позвонила Джеймсу. Он поднял

трубку после первого звонка и спросил:

Как ты себя чувствуешь?

Довольно хорошо, если не считать слабости, – сказала Поппи, понизив голос до шепота, поскольку в это время за дверью мама разговаривала с медсестрой. – Я возвращаюсь домой.

Я приду днем, – отозвался Джеймс, – позвони мне, когда будешь уверена, что осталась одна. И, Поппи, не говори Филу, что я приду.

Почему?

Потом объясню.

* * *

Когда она наконец оказалась дома, ее охватило странное чувство. Клифф и Фил были дома. Все были с ней необычно нежны, старались сделать вид, будто ничего необычного не происходит. Поппи слышала, как медсестра говорила маме, что лучше поддерживать привычный режим повседневной жизни.

«Похоже на день рождения, – удивленно размышляла Поппи. – Или на торжество по случаю окончания школы». Чуть ли не каждую минуту в дверь звонили посыльные и приносили все новые и новые букеты. Спальня Поппи напоминала цветущий сад.

Поппи очень жалела Фила. Он был потрясен, но старался держать себя в руках. Ей хотелось успокоить его так же, как она успокоила маму. Только как это сделать?

Подойди ко мне, – приказала она и, когда он подошел, крепко обняла его и прижала к себе.

Ты победишь, – прошептал он, – я знаю. Ни у кого нет такой жажды жизни, как у тебя. К тому же свет не видел такой упрямыцы.

Только теперь Поппи поняла, как сильно будет скучать по нему. Отпустив его, она почувствовала головокружение.

– Может, тебе лучше лечь? – нежно спросил Клифф, и мама проводила Поппи в ее комнату.

Папа знает? – спросила она, пока миссис Хилгард ходила по комнате.

Я пыталась связаться с ним вчера, но на телефонной станции сказали, что он переехал в Вермонт. Они не знают, куда именно.

Поппи кивнула. Очень похоже на папу – всегда в дороге. Он работал диск-жокеем, если не играл в театре или не показывал фокусы в цирке. С мамой они расстались, потому что все вышеперечисленное удавалось ему довольно плохо, по крайней мере недостаточно хорошо, чтобы за это прилично платили. Клифф воплощал в себе все достоинства, которых был лишен папа. Он оказался дисциплинированным, трудолюбивым и ответственным. Он прекрасно подходил миссис Хилгард и Филу. Они были так похожи друг на друга, что Поппи порой чувствовала себя среди них немного чужой.

Я скучаю по папе, – сказала она.

– Я знаю, иногда и я тоже, – ответила мама, немало удивив этим дочь. Затем она твердо произнесла: – Мы найдем его, Поппи. Он сразу же приедет.

Поппи очень надеялась, что так и будет. Она боялась, что не успеет встретиться с ним.

Только через час после обеда у Поппи появилась возможность позвонить Джеймсу: Фил и Клифф уехали по делам, а миссис Хилгард решила немного вздремнуть.

Сейчас приду, – сказал он. – Я сам войду, не беспокойся.

Спустя десять минут, когда он входил в спальню, Поппи почувствовала странную робость. Все изменилось в их отношениях. Они уже не были просто друзьями.

Они даже не поздоровались. Едва он открыл дверь, их глаза встретились, и долгое бесконечное мгновение они просто смотрели друг на друга.

На этот раз бешеное сердцебиение, которое Поппи всегда ощущала при приближении Джеймса, оказалось сгустком чистой радости и счастья. Он тревожился о ней, Поппи читала это в его глазах.

«Подожди, – шептал ей внутренний голос, – не бросайся ему на шею. Он беспокоится о тебе, но он не сказал, что любит тебя. Это большая разница».

«Заткнись», – скомандовала Поппи своему внутреннему голосу. Вслух же она произнесла: Почему Фил не должен знать о твоём приходе?

Джеймс бросил ветровку в кресло и сел на край кровати Поппи.

Понимаешь, я просто не хочу, чтобы нас прервали, – сказал он, словно извиняясь. – Как боли, прошли?

Прошли, – ответила Поппи. – Разве это не удивительно? Прошлой ночью они даже не разбудили меня, как обычно. И еще кое-что. Мне кажется, я... я начинаю читать чужие мысли.

Джеймс улыбнулся, совсем чуть-чуть, уголками губ.

Это хорошо, а то я волновался.

Он поднялся, чтобы включить музыкальный центр.

Я боялся, что вчера ты получила мало крови, – тихо сказал Джеймс. – Сегодня ты должна получить больше, в я тоже.

Поппи почувствовала внутренний трепет. Ее решимость испарилась, она по-прежнему боялась, но теперь уже последствий того, что они делают. Ее пугали изменения, которые происходили в ней самой.

Единственное, чего я не понимаю, почему ты не делал этого раньше, – она легко произнесла эти слова, но, выговорив их, осознала, что вопрос этот важный.

– Я хочу сказать, ты ведь делал это с Микаэлой и другими девушками, да?

Джеймс отвел взгляд, но ответил не раздумывая:

Я не обменивался с ними кровью, хотя и пил их кровь.

Но не мою.

Да, это так. Как тебе это объяснить?

Он взглянул на нее.

– Дело в том, Поппи, что кровь можно пить по-разному. Мы делаем это только, чтобы не умереть от голода. Так гласит Закон, и Старейшины строго следят за его соблюдением. При этом полагается испытывать только удовольствие от охоты. И это все, что я чувствовал... раньше.

Поппи кивнула, хотя и осталась недовольна этим ответом. Она не отважилась спросить, кто такие Старейшины.

Кроме того, это очень опасно. Если это делать с ненавистью, то можно убить человека.

Поппи стало почти смешно.

Ты не способен на убийство.

Джеймс пристально посмотрел на нее. На улице было облачно, и по комнате разливался тусклый белесый свет. Джеймс казался необычайно бледным, его глаза вновь приобрели серебристый оттенок.

– Я убил, – мрачно, без всякого выражения сказал Джеймс – Я убил человека. Мы не обменялись кровью, и этот человек не смог стать вампиром.

ГЛАВА 7

– Когда у тебя должна была быть причина, по которой ты этого не сделал, – просто сказала Поппи.

Джеймс так посмотрел на нее, что она вздрогнула.

– Я знаю тебя.

Она знала и понимала его, как никого на свете.

Джеймс отвел глаза.

– У меня не было причины, но были... смягчающие обстоятельства. Можно сказать, меня принудили. Но меня до сих пор мучают кошмары.

Джеймс казался печальным и усталым.

«Это царство одиночества, и оно полно тайн, – подумала Поппи». – И Джеймс должен был хранить самый страшный секрет, хранить от всех, даже от нее».

– Это ужасно! – воскликнула Поппи, совершенно забыв о том, что их могут услышать. – Я хочу сказать, это ужасно: всю жизнь держать это в себе, никому не открыться, все время притворяться...

- Поппи! – Джеймс вздрогнул от охватившего его волнения. – Не надо...
- Не надо тебя жалеть? Он покачал головой.
- Раньше меня никто не понимал. Немного помолчав, он добавил:
- Как ты можешь волноваться за меня, когда с тобой самой случилось несчастье?
- Думаю, потому что ты мне не безразличен.
- А я думаю, что по этой же причине я обращался с тобой иначе, чем с Микаэлой или Жаклин.

Поппи смотрела на безукоризненные черты его лица, на шелковистые волны каштановых волос... и у нее перехватило дыхание. Скажи: «Я люблю тебя», беззвучно попросила она. «Скажи!»

Но пока их ничто не связывало. И Джеймс не подал виду, что понял ее. Он вдруг стал резким и деловитым.

– Нам лучше начать сейчас же, – сказал он, поднялся и задернул занавески. – Дневной свет уменьшает силу вампиров.

Поппи воспользовалась паузой, чтобы подойти к музыкальному центру. Звучала как раз голландская застольная песня. Под эту музыку, пожалуй, смогли бы плясать нидерландские шкиперы, но ее вряд ли можно было назвать романтической. Поппи нажала на кнопку, и пространство комнаты наполнила печальная португальская мелодия.

Она задернула легкий полог кровати, и они с Джеймсом оказались в собственном маленьком мире, сумрачном и уединенном.

– Я готова, – тихо сказала она, и Джеймс наклонился к ней.

Даже в полутьме она чувствовала гипнотизирующее воздействие его глаз. Они казались окнами в другой мир, далекий и волшебный. «Мир ночных людей», – подумала она, и подняла подбородок, когда Джеймс заключил ее в свои объятия. В этот раз она ждала прикосновения его клыков, и оно показалось даже приятным. Но лучше всего было то, что их мысли снова слились в немой беседе. Чувство единения, целостности пронизывало ее подобно звездному свету. Она снова чувствовала, как они проникают друг в друга, сливаются воедино, растворяются... Она чувствовала, как ее пульс бьется в нем.

Ближе, ближе... И тут она почувствовала, что ее отталкивают.

Джеймс? Что случилось?

Ничего, ответил он, но Поппи чувствовала, что это неправда. Он пытался ослабить крепнущую между ними связь. Но почему?

Поппи, я ни к чему не хочу тебя принуждать. То, что мы чувствуем, – искусственно...

Искусственно? Это самое подлинное чувство, которое она когда-либо испытывала. Оно более настоящее, чем сама реальность. Она почувствовала ярость на Джеймса и обиду за то, что он лишил ее радости.

Я не это имел в виду, ответил он, и в его мыслях было столько отчаяния. Просто ты не можешь устоять перед кровной связью, и не смогла бы, даже если бы ненавидела меня. Это нечестно...

Поппи несколько не волновало, честно это или нет. Если не можешь сопротивляться, зачем тогда это делать? ликующе спросила она.

Они теснее прильнули друг к другу, и их захватила волна чистой звенящей радости.

«Кровные узы, – думала Поппи, когда Джеймс наконец поднял голову. – Теперь не имеет значения, если он так и не скажет, что любит меня, теперь мы связаны узами, крепче которых нет». И сейчас она укрепит эту связь, принимая его кровь. «Попробуй, воспротивься этому», – подумала она... и смех Джеймса застал ее врасплох.

– Снова читаешь мои мысли?

– И не только. Ты строишь планы, и у тебя это хорошо получается. Ты будешь сильным телепатом.

Любопытно... Но сейчас Поппи отнюдь не чувствовала себя сильной. Она была слабой, как котенок. Как увядающий цветок. Сейчас ей нужно было...

– Я знаю, – прошептал Джеймс. Поддерживая ее, он уже подносил руку к губам. Поппи жестом остановила его.

– Джеймс, сколько раз нам нужно сделать это до того, как я изменюсь?

– Я думаю, еще раз, – тихо ответил Джеймс. – В этот раз я получил много крови и хочу, чтобы ты сде-аала то же самое. В следующий раз...

«Я умру, – подумала Поппи. – Что ж, по крайней мере, я знаю, сколько мне, смертной, отпущено».

Губы Джеймса раздвинулись и обнажили длинные тонкие клыки, которыми он пронзил свое запястье. В этом его движении было что-то змеиное. По руке потекла кровь, она была цвета сиропа в банке с консервированными вишнями.

Едва Поппи склонилась к запястью Джеймса, как в дверь постучали.

Поппи и Джеймс застыли, охваченные чувством вины. Застигнутая врасплох, Полли, казалось, не способна была пальцем пошевелить. В ее мозгу билась только одна мысль: Господи, сделай так, чтобы это был не Фил...

...Фил.

Просовывая голову в открытую дверь, Фил начал было:

– Поппи, ты проснулась? Мама сказала...

Вдруг он замолчал и бросился к выключателю. Свет обнажил всюдсомнату, не оставив ни одного укромного уголка.

Поппи была в ужасе. Фил смотрел на нее сквозь воздушную ткань полога. Поппи глядела на него.

– Что здесь происходит? – раздельно произнес он, и его голос мог бы обеспечить ему главную роль в фильме «Десять заповедей».

Поппи не успела слова сказать, как он наклонился и схватил Джеймса за руку.

– Не надо, Фил, – сказала Поппи, – не будь идиотом.

– У нас был уговор, – прошипел Фил, – и ты его нарушил.

Теперь Джеймс так же яростно схватил Филадельфию за руку. Казалось, они вот-вот подерутся.

О Господи, если бы она сейчас была способна нор5-мально соображать! Поппи чувствовала себя такой беспомощной.

– Ты ничего не понимаешь, – сказал Джеймс, стиснув зубы.

– Ничего не понимаю? Я захожу и застаю вас в кровати с задернутым пологом, и ты мне заявляешь, что я чего-то не понимаю?

Джеймс слегка встряхнул Филадельфию за плечи, затратив минимум усилий, но голова Филадельфии качнулась из стороны в сторону, а шея хрустнула. Поппи поняла, что сейчас Джеймс вряд ли способен рассуждать здраво. Перед глазами всплыл образ завязанной в узел металлической ножки стула, и она решила, что настало время вмешаться.

– Отпусти его, – сказала она, вставая с кровати, и бросилась к ним, чтобы успеть схватить за руку любого из них. – Хватит, мальчики! – в отчаянии прошептала она. – Фил, я знаю, ты этому не поверишь, но он пытается мне помочь.

– Помочь тебе? Я так не думаю. Он накинута на Джеймса:

– Посмотри на нее! Ты что, не видишь, что твое глупое притворство вредит ей? Каждый раз, когда я застаю вас вместе, она белая как полотно.

– Ты в этом ничего не понимаешь, – бросил Джеймс в лицо Филадельфии.

У Поппи в уме занозой застряла странная фраза, которую только что произнес Фил.

– Притворство? Какое притворство? – спросила она.

Поппи произнесла это тихо, но юноши перестали ссориться и смотрели на нее.

А потом все они наделали: ошибок. Позже Поппи поймет, что, если бы они тогда держали себя в руках, многое из того, что потом произошло, могло и не случиться. Но они дали волю чувствам.

– Мне очень жаль, Поппи, – сказал Фил, – я не хотел тебе говорить...

– Заткнись! – в ярости закричал Джеймс.

– Но я должен. Этот мерзавец, он просто разыгрывает тебя. Он мне признался, что просто жалеет тебя. Он думает, что, если притворится, будто любит тебя, ты будешь чувствовать себя лучше. Он – самовлюбленная скотина.

– Притворится? – переспросила Поппи, опускаясь на кровать.

У нее шумело в голове, и в груди накалилась невиданная вспышка гнева.

– Поппи, он сошел с ума! – закричал Джеймс. – Послушай!

Но Поппи не слушала его. Зато она чувствовала, как расстроен Фил, и это было гораздо убедительнее, чем ярость Джеймса. А Филипп, честный, прямодушный, надежный Филипп, почти никогда не лгал.

Он и теперь не лгал. Значит, лгал Джеймс.

У нее в груди словно что-то взорвалось.

– Ты... – прошептала она, с ненавистью глядя на Джеймса, – ты...

Поппи не могла придумать для него самого страшного оскорбления, которого он был достоин. Ее никогда не унижали и не предавали так, как сегодня. Она думала, что знала Джеймса. Она ему верила, как себе. Тем страшнее было его предательство.

– Так что же, все было притворством? Да?

Внутренний, голос останавливал ее, призывал успокоиться и подумать. Он говорил ей, что она сейчас неспособна принимать решения, а ошибка может стоить ей жизни. Но она была не в состоянии прислушиваться к своему внутреннему голосу. Ярость подгоняла ее, затмевала разум, не давала подумать, есть ли у нее основания для гнева.

– Ты просто жалел меня, да? – прошептала она, и ярость и горе, которые она подавляла эти полтора дня, вдруг выплеснулись наружу.

Ее пронзила боль, и все померкло вокруг, все. Осталось лишь иступленное, страстное желание причинить Джеймсу боль, такую же сильную боль,

Джеймс тяжело дышал и говорил быстро:

– Поппи! Поэтому я и не хотел, чтобы Фил знал...

– Неудивительно, – взвилась Поппи, – неудивительно, что ты так и не сказал, что любишь меня, – она продолжала, уже не обращая внимания на Фила. – Как я могла тебе верить? Помимо всего прочего, ты ни разу меня не поцеловал. Мне не нужна твоя жалость.

– Что значит «помимо всего прочего»? Что это значит? – взревел Фил. – Я убью тебя, Расмуссен!

Он вырвался из рук Джеймса и с новой силой набросился на него. Джеймс уклонился, так что первый удар лишь слегка задел его волосы. Фил снова бросился на Джеймса, и тот, извернувшись, схватил его сзади в замок.

Поппи услышала, как в холле раздались быстрые шаги.

– Что здесь происходит?

Миссис Хилгард в растерянности остановилась на пороге спальни.

В ту же минуту у нее за спиной вырос Клифф.

– Что случилось? Почему вы кричите? – его подбородок на исхудавшем за последние дни лице выделялся еще сильнее, чем обычно.

– Это ты подвергаешь ее опасности, – прошептал Джеймс на ухо Филу, – смертельной опасности, прямо сейчас.

Он был разъярен и выглядел диким. Нечеловечески страшным.

– Отпусти моего брата! – закричала Поппи. Ее глаза наполнились слезами.

– О боже, дорогая, – едва могла вымолвить миссис Хилгард. Она бросилась к дочери и обняла ее. – Мальчики, немедленно уходите отсюда.

Дикая ярость исчезла с лица Джеймса, и его хватка ослабла.

– Послушай, извини меня, но я должен остаться. Поппи...

Филипп локтем ударил его в живот. Вероятно, Джеймсу не было так больно, как было бы больно смертному, но Поппи увидела, что ярость промелькнула на его лице, как только он смог разогнуться. Он поднял Фила и бросил в сторону платяного шкафа. Миссис Хилгард закричала, Клифф бросился к ним и встал между ними.

– Ну хватит! – прорычал он. Обернувшись к Филу, он спросил:

– С тобой все в порядке? Затем он обратился к Джеймсу:

– Что тут случилось?

Фил потирал голову, медленно приходя в себя. Джеймс молчал. Поппи не могла произнести ни слова.

– Ладно, все это не имеет значения, – попытожил Клифф. – Похоже, все мы сегодня выбиты из колеи. Но тебе, Джеймс, все же лучше сейчас пойти домой.

Джеймс посмотрел на Поппи.

Поппи, дрожа, как от сильной боли, повернулась к нему спиной. Она бросилась в материнские объятия, не сказав ни слова.

– Я вернусь, – тихо сказал Джеймс.

Его слова должны были означать рбещание, но в них чувствовалась затаенная угроза.

– В ближайшее время – нет. – Голос Клиффа прозвучал, как воинский приказ.

Глядя через мамино плечо, Поппи увидела кровь на светлых волосах брата.

– Думаю, всем нам нужно время, чтобы остыть, – подытожил Клифф. – Ну же, Джеймс, пошевеливайся.

Он вывел Джеймса из комнаты. Поппи дрожала л всхлипывала, она старалась не обращать внимания на приступ головокружения и все усиливающееся бормотание разных голосов в своей голове. Из музыкального центра доносилась дикая, бьющая по барабанным перепонкам английская музыка.

В течение следующих двух дней Джеймс звонил восемь раз.

На первый звонок Поппи ответила. Телефон зазвонил около полуночи, и она автоматически подняла трубку, еще в полусне.

– Поппи, не вешай трубку, – сказал Джеймс. Поппи бросила трубку. Спустя мгновение телефон

завонил снова.

– Поппи, если ты не хочешь умереть, выслушай меня.

– Это шантаж. Ты псих, – сказала Поппи, стискивая телефонную трубку.

Язык у нее еле ворочался, голова была тяжелой и болела.

– Поппи, это правда. Поппи, послушай. Сегодня ты получила мало крови. Из-за меня ты ослабела, а взамен не получила ничего. Это тебя убьет.

Поппи слушала Джеймса, но смысл слов ускользал от нее. Она поняла, что пропускает их мимо ушей, что проваливается в какой-то мягкий, вязкий туман и не способна рассуждать здраво.

– Мне все равно.

– Тебе это не может быть все равно, и если бы ты была сейчас в состоянии думать, ты бы так не сказала.

Сейчас у тебя в голове полная неразбериха. Ты слишком плохо владеешь собой, слишком неразумна, чтобы признаться в этом.

Все это подозрительно походило на то, что и сама Поппи поняла спустя некоторое время после скандала. Она поняла, что была похожа на Марицу Шаф-фер, которая выпила шесть бутылок пива на новогодней вечеринке у Джана Неджара. Она вела себя как полная дура и не могла остановиться.

– Я только одно хочу понять, – сказала она наконец, – правда ли то, что ты сказал Филу?

На другом конце провода раздался громкий вздох.

– Да, я действительно сказал это Филу, но это неправда, я просто хотел отделаться от него.

У Поппи вновь сдали нервы.

– Почему я должна верить человеку, который всю жизнь лгал?! – крикнула она и, повесив трубку, разрыдалась.

Весь следующий день она провела в полном и бездумном отрицании. Ей все казалось ложью: и ссора с Джеймсом, и его беспокойство, и даже ее болезнь. Особенно ее болезнь. Поппи ее игнорировала, она просто принимала лекарства, не утруждая себя мыслями о том, зачем они ей нужны.

Поппи умудрялась не обращать внимания на разговоры мамы с Филом о том, как быстро она угасает, как бедная Поппи бледнеет, слабеет, как ухудшается ее состояние. И только она одна знала о том, что способна слышать разговоры, происходящие в холле, тай явственно, как будто говорят в ее спальне. Все ее чувства обострились, несмотря на то, что сознание оставалось затуманенным. Глядя на себя в зеркало, она поражалась собственной бледности. Ее кожа казалась восковой, а глаза смотрели яростно и словно горели зеленым огнем.

Джеймс звонил еще шесть раз, но миссис Хилгард отвечала, что Поппи не может подойти к телефону.

Ремонтируя поврежденный шкаф в спальне Поппи, Клифф удивлялся:

– Кто бы мог подумать, что этот парень такой сильный?

* * *

Джеймс отключил мобильный телефон и ударил кулаком по приборной доске машины. Дело было в четверг, день клонился к вечеру. «Я люблю тебя», – вот что он должен был сказать Поппи. Теперь слишком поздно, она не захочет с ним разговаривать. Почему же он этого не сказал? Теперь все его оправдания казались смешными. Он не воспользовался невинностью Поппи и чувством благодарности, которое она к нему испытывала... Что ж, браво! Он всего лишь прокусил ей вены и разбил сердце.

Он всего лишь приговорил ее к смерти!

Однако теперь не время думать об этом. Сейчас он должен поучаствовать в маскараде. Джеймс резко сдернул с себя ветровку, подходя к изящному дому в деревенском стиле. Он повернул ключ в замке и вошел молча, ему не надо было оповещать о своем приходе: мать чувствовала его приближение.

При входе в дом воображение поражали сводчатые, как в церкви, потолки и голые – по последней моде – стены. Удивляла лишь одна странная деталь: путь солнечным лучам повсюду преграждали элегантные, выполненные на заказ драпировки. Из-за этого пространство казалось свободным, но немного сумрачным, похожим на пещеру,

– Джеймс! – воскликнула миссис Расмуссен, выходя навстречу сыну из левого крыла виллы.

Ее черные волосы отливали лаковым блеском, а прелестную фигуру скорее подчеркивал, нежели скрывал, расшитый серебряными и золотыми нитями палантин. Холодные серые глаза миссис Расмуссен, обрамленные густыми ресницами, поразительно напоминали глаза сына. Она едва коснулась губами его щеки.

– Я получил твое послание, – сказал Джеймс. – Чего ты хочешь?

– Я бы повременила с ответом, пока не вернется с работы твой отец...

– Мам, извини, но я спешу, у меня много дел, я сегодня еще не питался...

– Это заметно, – ответила миссис Расмуссен. Несколько мгновений она не отрываясь смотрела на

сына. Наконец она вздохнула и, кивнув в сторону гостиной, сказала;

– Давай, по крайней мере, сядем... Ты очень взволнован, правда? Особенно в последние дни.

Джеймс расположился на малиновой кушетке. Он должен показать, на что способен. Если ему удастся утаить от матери правду, не дать ей проникнуть в свои мысли, он свободен.

– Я думаю, папа рассказал тебе о причине, – отозвался он.

– Да, малышка Поппи, Очень грустно, не правда ли?

Тень, которую отбрасывал единственный торшер в форме дерева, была насыщенного красного цвета; рубиновый отсвет скрывал половину лица миссис Расмуссен.

– Сначала я очень расстроился, но сейчас мне гораздо лучше, – ответил Джеймс.

Он старался, чтобы голос его звучал невыразительно, и сосредоточился на контроле за своими мыслями. Мать не должна прочесть ни одной из них. Он чувствовал, как мать легонько пробует коснуться края его подсознания. Будто насекомое, ощупывающее все вокруг длинными усиками, или змея, пробующая воздух черным раздвоенным язычком.

– Странно, – наконец произнесла миссис Расмуссен, – мне казалось, она тебе нравится.

– Нравилась... Но в конце концов, они ведь не настоящие люди, правда? – Он подумал мгновение и добавил: – Это похоже на смерть домашнего зверька. Думаю, мне нужно найти ей замену.

Сейчас главное – сохранять расслабленными мышцы. Джеймс чувствовал, как изучающие его мысли «усики» внезапно сузили круг поиска и очень тщательно обследуют его ауру, пытаясь найти брешь в линии обороны. Он с большим трудом вызвал в воображении образ Микаэлы Васкез. Он старался представить ее в различных соблазнительных позах.

Удалось! Мать успокоилась и с улыбкой изящно откинулась на спинку кресла.

– Я рада, что ты так правильно относишься к случившемуся, но если ты почувствуешь, что тебе необходимо с кем-то проконсультироваться... твой отец знает несколько очень хороших психотерапевтов...

Она имела в виду психотерапевтов-вампиров, которые должны вбить ему в голову, что смертные созданы только для того, чтобы питаться их кровью.

– Я знаю, ты не хочешь неприятностей, так же как и я, – добавила миссис Расмуссен. – Это неминуемо отразится на всей семье, ты же знаешь.

– Конечно, – произнес Джеймс и вздрогнул. – Мне надо идти. Передай папе привет, хорошо? Он едва коснулся губами ее щеки.

– Да, кстати, – сказала миссис Расмуссен, когда Джеймс уже направлялся к выходу, – твой кузен Эш все-таки приедет на следующей неделе. Полагаю, он захочет поселиться у тебя. Уверена: тебе там обязательно нужен приятель.

«Только через мой труп», – подумал Джеймс. Он совсем забыл об этой опасности. Визит Эша совсем некстати. Но сейчас не время для споров. Джеймс вышел из дома, чувствуя себя жонглером, у которого в руках оказалось слишком много шаров.

Вернувшись к машине, он снова взял мобильный телефон, затем отбросил его, так и не набрав номер. Из этого разговора ничего хорошего не выйдет. Нужно переменить стратегию.

Время полумер прошло. Нужно сильное средство, которое принесет успех там, где это более всего необходимо. Джеймс немного подумал и поехал к Макдоннел Драйв. Припарковав машину в квартале от дома, где жила Поппи, он стал ждать. Он приготовился провести здесь всю ночь, если понадобится, но в этом не было необходимости. На закате дверь гаража распахнулась, и на улицу выехал фольксваген. За рулем сидел белокурый красавец.

«Привет, Фил! Рад тебя видеть!» – поприветствовал его про себя Джеймс.

Фольксваген на большой скорости удалялся, и Джеймс последовал за ним.

ГЛАВА 8

Когда машина Филадельфии въехала на стоянку супермаркета, Джеймс удовлетворенно улыбнулся: за магазином простиралась удобная, совершенно безлюдная территория, к тому же на город уже опускались сумерки. Он поставил свою машину, нашел место, с которого было видно выходящих из супермаркета покупателей, и стал ждать. Когда появился Фил, Джеймс бросился на него сзади. Фил изо всех сил сопротивлялся, он даже бросил пакет с покупками. Но это не помогло. Солнце зашло, и Джеймс был невероятно силен. Он притащил Филадельфию к задней стене магазина и прижал к ней лицом: классическая картина задержания преступника в полицейских фильмах.

– Не пытайся сбежать, сделаешь себе только хуже. Сейчас я тебя отпущу, – сказал Джеймс.

При звуках его голоса Фил весь напрягся. – Я не намерен убегать, я собираюсь раскрыть тебе физиономию, Расмуссен.

– Давай, попробуй.

Джеймс хотел было добавить: «Попробуй сделать это ночью», но сдержался. Он отпустил Филадельфию, тот обернулся и смотрел на него с бешеной ненавистью.

– Что случилось? Надоело болтаться с девчонками? – спросил он, тяжело дыша.

Джеймс усмехнулся. Не стоило ввязываться в обмен «любезностями», но уже сейчас можно было предугадать, что сдержаться ему будет непросто. Фил действовал на него, как красная тряпка на быка.

– Я привел тебя сюда не для того, чтобы драться. Я хочу спросить... Тебя волнует, что будет с Поппи?

– На глупые вопросы не отвечаю, – сказал Фил и опустил плечо, словно готовясь толкнуть противника.

– Если тебе не безразлична ее судьба, ты дашь мне с ней поговорить. Ты убедил ее не видеться со мной, теперь ты должен внушить ей, что нам необходимо встретиться.

Фил оглянулся, словно призывая невидимых свидетелей убедиться, что он действительно слышит этот вздор.

Джеймс говорил медленно и раздельно, чеканя каждое слово:

– Я могу ей помочь.

– Потому что ты Дон Жуан, да? Ты собираешься излечить ее своей любовью?

Голос Филадельфа дрожало от ненависти. Он ненавидел не только Джеймса, но весь свет, всю вселенную, словно это они наградили Поппи раком.

– Нет. Ты ничего не понимаешь. Послушай, если ты думаешь, что я пытался ее обольстить или морочил ей голову, прикидываясь влюбленным, то это не так. Я позволил тебе так думать, потому что мне надоело постоянные стычки. К тому же я не хотел, чтобы ты знал, чем мы занимаемся на самом деле.

– Еще бы, конечно. – Голос Филадельфа был исполнен сарказма и презрения. – Так что же вы делали, наркотиками баловались?

– Смотри.

Джеймс научился кое-чему во время разговора с Поппи в клинике. Сначала показывать, потом объяснять: только в таком порядке надо действовать. Не говоря ни слова, он поднял Филадельфа за волосы и запрокинул ему голову. У супермаркета был только один фонарь, но и он давал достаточно света, для того чтобы Филадельф мог разглядеть нависшие над ним длинные клыки. Для Джеймса этого освещения тоже было вполне достаточно: его зрение позволяло ему увидеть, как расширились зрачки Филадельфа. Филадельф вскрикнул и весь обмяк.

Не от страха, Джеймс это понимал. Филадельф не был трусом, просто его глубоко поразило то, что он увидел. От неверия он переходил к убежденности.

– Ты...

– Вампир. Умница, правильно, – закончил за него фразу Джеймс.

Филадельф пошатнулся и оперся о стену.

– Я не верю.

– Верись, – возразил Джеймс.

Он не убирал клыки и знал, что его взгляд горит расплавленным серебром. Филадельф вынужден был поверить, ведь Джеймс стоял здесь, прямо перед ним.

Филадельфу пришла в голову та же самая мысль. Он смотрел на Джеймса в упор. Даже если бы он захотел отвести взгляд, то не смог бы. Его лицо побелело, и он постоянно сглатывал, будто у него болело горло.

– Боже, – наконец выдавил он, – я знал, что с тобой что-то не так, что-то серьезное. Я никак не мог понять, почему ты меня раздражаешь. Так вот почему.

«Я ему противен, – понял Джеймс. – Это уже не ненависть. Он просто думает, что я нежить».

Это не очень хорошо соотносилось с планом, который придумал Джеймс.

– Теперь ты понимаешь, как я хочу помочь Поппи?

Филадельф медленно покачал головой. Он все еще опирался о стену. Джеймс почувствовал, как в груди у него закипает гнев, и он теряет терпение.

– Поппи больна, а вампиры никогда не болеют. Тебе нужны еще какие-то объяснения?

По выражению лица Филадельфа он понял, что объяснять все же нужно.

– Если я обменяюсь кровью с Поппи, она превратится в вампира и выздоровеет. Изменится каждая клеточка ее тела, и она станет высшим существом, не имеющим слабостей, не подверженным болезням. У нее будут такие возможности, о которых смертные могут только мечтать. И, в конце концов, она станет бессмертной.

Последовало долгое молчание. Джеймс наблюдал за реакцией Филадельфа, но его мысли были так беспорядочны и хаотичны, что Джеймс не мог составить даже общего представления о них. Глаза Филадельфа расширились, а лицо стало совершенно серым.

Наконец он произнес:

– Ты не можешь сделать с ней это.

Именно так он и сказал. Не то чтобы он возражал против самой идеи, он ее просто не воспринимал как необычную и слишком странную. Его реакция совсем не походила на реакцию Поппи в клинике. Он произнес эти слова с нескрываемым отвращением и ужасом, словно Джеймс собирался украсть ее душу.

– Это единственный способ спасти ей жизнь, – возразил Джеймс.

Фил снова медленно покачал головой.

– Нет-нет, она не согласилась бы на это, не такой ценой.

– Какой ценой?

Джеймс был взволнован и раздражен тем, что ему приходится обороняться. Если бы он знал заранее, что разговор превратится в философскую дискуссию, то выбрал бы для этого более уединенное место. А теперь он должен быть настороже, ожидая возможного вмешательства посторонних.

Филипп уже довольно крепко стоял на ногах. В его глазах метался ужас, но он смотрел Джеймсу прямо в лицо.

– Просто... существуют вещи, которые для нормальных людей важнее жизни. Ты это поймешь.

«Я в это не верю, – подумал Джеймс. – Эта фраза похожа на реплику капитана космического корабля из дешевого фантастического фильма, который разговаривает с пришельцами. Что-то вроде: „Ты поймешь, что земля не так просто завоевать, как ты думаешь“.

Но вслух он оказал:

– Ты что, сума сошел? Послушай, Фил, я родился в Сан-Франциско. Я не монстр с далекой планеты, на завтрак я ем овсяные хлопья.

– А что ты ешь в полночь на закуску? – Темные глаза Фила казались «почти детскими. – Или клыки просто для украшения?

«Неверный ход», – подсказал Джеймсу внутренний голос. Он посмотрел в сторону.

– Хорошо. Некоторые отличия есть, это правда. Я и не говорю, что я смертный. Но я не какой-нибудь...

– Если ты не чудовище, то я уж и не знаю, кого еще можно так назвать.

Джеймс лихорадочно твердил про себя: «Не убивай его. Ты должен его убедить».

– Фил, мы не такие, какими нас изображают в кино. Мы не всемогущи, мы не можем проходить сквозь стены или путешествовать во времени, нам не нужно убивать, для того чтобы пить кровь. Мы не злодеи, по крайней мере не все из нас. Мы не проклятые.

– Вы неестественны, – мягко возразил Фил, и Джеймс почувствовал, что слова эти исходят из глубины его души, – вы неправильны, вы не должны существовать.

– Потому что находимся на высшей ступени в пищевой цепочке?

– Потому что люди... не могут питаться другими людьми.

Джеймс не сказал Филиппу, что ему подобные не считают смертных людьми. Он лишь заметил:

– Мы делаем это только, чтобы выжить. И Поппи уже согласилась.

Филипп похолодел.

– Нет, она не захочет стать такой, как ты.

– Она хочет жить, по крайней мере, хотела до того, как рассердилась на меня. Сейчас она не способна рассуждать здраво: ей не хватает моей крови, чтобы в ее организме произошли необходимые изменения. И все благодаря тебе.

Джеймс помедлил немного и задумчиво произнес:

– Фил, ты когда-нибудь видел труп трехнедельной давности? Я это спрашиваю потому, что, если я ей не помогу, это случится и с ней.

Фил глядел на него с перекошенным от ужаса лицом. Он развернулся и обрушил кулак на бампер машины.

– Думаешь, я не знаю? Я со вторника ни о чем другом думать не могу!

Джеймс стоял молча. Он слышал биение своего сердца, он чувствовал ярость, которая обуревала Филиппа, и боль в его руке. Лишь после долгой паузы он смог продолжить их словесную дуэль.

– И ты считаешь, что это лучше того, что предлагаю ей я?

– Это отвратительно, это дурно пахнет, но да, это лучше, чем превращаться в чудовище, которое охотится на людей... Которое использует людей. Поэтому у тебя столько подружек, да?

И снова Джеймс не смог сразу ответить на вопрос Фила. «Его беда в том, что он слишком

умен, – думал Джеймс, – слишком умен, и это ему мешает. Фил слишком много думает...»

– Да. Именно поэтому у меня столько подружек, – произнес он устало, стараясь не думать о том, какие чувства вызовет его признание в душе Фила.

– Скажи мне только одно, Расмуссен, – Фил выпрямился и смотрел теперь Джеймсу прямо в глаза, – ты когда-нибудь... – тут он запнулся и судорожно сглотнул, – ты когда-нибудь делал это с Поппи до ее болезни?

– Нет.

Фил облегченно вздохнул.

– Тебе повезло. Потому что, если бы ты пил ее кровь, я бы тебя убил.

Джеймс верил ему. Он был сильнее Фила и бегал быстрее. Раньше он никогда не боялся смертных. Но сейчас он ни на минуту не сомневался, что Фил нашел бы способ выполнить свое обещание.

– Послушай, ты кое-чего не понимаешь. Поппи хотела этого, и мы уже начали... Она только начала изменяться. Если она умрет теперь, она не превратится в вампира. Но она может и вовсе не умереть. Она станет живым трупом, зомби. Понимаешь? Лишенным рассудка зомби. Разлагающимся, но бессмертным телом.

Губы Фила дрожали от отвращения.

– Ты говоришь это, чтобы напугать меня. Джеймс посмотрел куда-то вдаль.

– Я видел, как это бывает.

– Я тебе не верю.

– Я видел это собственными глазами. – Джеймс смутно осознавал, что кричит.

Он схватил Филиппа за ворот рубашки. Он не владел собой, но уже не думал об этом.

– Я видел, как это случилось с близким мне существом, понимаешь?!

Но Филипп по-прежнему недоверчиво качал головой. Джеймс продолжил:

– Мне было всего четыре года, и у меня была няня. У всех богатых детей в Сан-Франциско есть няни. Она была смертной.

– Отпусти, – пробормотал Фил, пытаясь освободиться из крепко сжимавших его рук. Он тяжело дышал: он не желал слушать эту историю.

– Я ее обожал. Она давала мне все, чего я не получал от собственной матери. Любовь, заботу и ласку.

У нее всегда находилось для меня время, она никогда не была слишком занята. Я звал ее мисс Эмма.

– Отпусти.

– Но мои родители сочли, что я слишком к ней привязался. Поэтому они взяли меня с собой на выходные и не давали мне питаться. И когда мы приехали домой, я умирал от голода... Они попросили мисс Эмму уложить меня спать.

Фил замер. Он перестал вырываться и стоял, наклонив голову и отведя глаза, чтобы не смотреть на Джеймса. Джеймс кричал ему в лицо:

– Мне тогда было всего четыре года. Я не мог остановиться. Я хотел и не мог. Я скорее умер бы сам, чем умертвил мисс Эмму. Но когда умираешь от голода, то теряешь контроль над собой. И я не мог сдержаться, и пил кровь, я плакал, хотел прекратить, но продолжал пить. Когда я наконец смог остановиться, было уже поздно.

Последовала долгая пауза. Джеймс только сейчас понял, что все это время крепко держал Фила за грудки. Он медленно отпустил воротник Фила. Фил молчал.

– Она лежала на полу. Я думал, что дам ей своей крови, она станет вампиром, и все будет хорошо.

Джеймс уже не кричал. Он смотрел на темную стоянку для машин.

– Я перерезал себе вены и вымазал ей губы кровью. Она глотнула немного, но тут пришли мои родители и остановили меня. Мисс Эмме не хватило того количества крови, которое она проглотила.

Джеймс замолчал, потом вдруг встрепенулся, словно вспомнил, зачем он рассказывает все это Филиппу.

– Она умерла той ночью. Это была тяжелая смерть. В ней боролись два вида крови. И вот к утру она снова ходила по дому, но это уже не была мисс Эмма. Ее черты заострились, кожа

стала серой, глаза – плоскими, как у трупа. А когда она начала... разлагаться, отец отвез ее в Инвернес и похоронил. Но сначала убил.

Почти шепотом он добавил:

– Я надеюсь, что сначала убил.

Фил медленно обернулся и посмотрел на него. Впервые за этот вечер в его глазах Джеймс увидел не ужас и отвращение, а некое другое чувство. Это похоже на жалость, угадал Джеймс.

Он глубоко вздохнул: после тринадцати лет молчания он наконец рассказал эту историю, и кому! Филиппу Норту! Но сейчас не было времени размышлять над абсурдностью ситуации. Нужно было добиться своего.

– Так что советую тебе, если не уговоришь Поппи повидаться со мной, убедись, по крайней мере, что ей после смерти не будут делать вскрытие и бальзамирование. Ты же не хочешь, чтобы она разгуливала без внутренних органов. А еще приготовь осиновый кол на тот случай, если не сможешь больше выносить ее вида.

Жалость исчезла из глаз Фила. Его губы вытянулись в тонкую дрожащую линию.

– Мы не допустим, чтобы она превратилась в... ходячий труп. Или в вампира. Я понимаю, что тебе жаль твоей мисс Эммы, но это ничего не меняет.

– Речь идет о жизни и смерти Поппи, ей и решать. Но терпение Фила иссякло. Он лишь качал головой.

– Держись подальше от моей сестры, – сказал он. – Это все, о чем я тебя прошу. Сделаешь, как я говорю, я оставлю тебя в покое, если нет...

– Что тогда?

– Тогда я расскажу всем в Эль Камино, кто ты на самом деле. Я подниму на ноги полицию, мэра, я буду кричать об этом на всех углах.

Джеймс почувствовал, как у него холодеют руки. Фил не понимал, что теперь он просто обязан убить его. Любой смертный, проникший в тайны Царства Ночи, должен умереть, а смертный, который угрожает рассказать о них всем и каждому, должен погибнуть немедленно. Здесь нет места сомнениям, нет места милосердию.

Джеймс вдруг почувствовал сильную усталость, мысли у него в голове путались.

– Убирайся отсюда, Фил, – произнес он вялым бесцветным голосом. – Да поживее. Если ты действительно хочешь защитить Поппи, то никому ничего не скажешь, потому что они расследуют это дело и поймут, что Поппи тоже знает о существовании Царства Ночи. Они убьют ее... после допроса. Как видишь, ничего хорошего.

– Кто «они»? Твои родители?

– Люди ночи. Они живут рядом с нами, Фил. Любой из тех, кого ты знаешь, может оказаться в их числе. Любой. И мэр тоже. Так что держи рот на замке.

Филипп посмотрел на него прищурившись, затем развернулся и направился к своей машине.

Никогда еще Джеймс не чувствовал себя таким опустошенным. Все, что он задумал, обернулось против него. Поппи грозила теперь еще большая опасность, чем раньше. А Филипп Норт считал его выродком и злодеем. Фил не знал только одного: Джеймс был с ним полностью согласен.

По дороге домой Фил вспомнил, что выронил сумку с клюквенным соком и консервированной дикой вишней, которые попросила Поппи. За последние два дня Поппи почти не притрагивалась к еде. А когда она все же соглашалась что-то съесть, то это всегда было нечто странное. Хотя, нет, – это всегда было что-то красное. Фил осознал это, когда во второй раз оказался у кассы в супермаркете. Он почувствовал спазм в желудке. Все, чего она хотела в последнее время, было красного цвета и неизменно полужидкое. Понимала ли сама Поппи, что с ней происходит?

Войдя в спальню сестры, он изучающе посмотрел на нее. Теперь Поппи почти все время лежала в кровати. Она была бледной и очень спокойной. Одни только глаза жили на ее лице своей особой, беспокойной жизнью. Они словно светились диким огнем.

Клифф и мама говорили о необходимости нанять сиделку, которая постоянно присматривала бы за Поппи.

Поппи с отвращением смотрела на принесенные им лакомства. Она сделала маленький

глоток и поморщилась. Фил наблюдал за ней.

– Не понравилась дикая вишня? – спросил Фил, подвигая стул и усаживаясь рядом с кроватью сестры.

Еще глоток, и она поставила банку, с консервированной вишней на столик рядом с кроватью.

– Не знаю... Вообще-то я не голодна, – сказала она, откидываясь на подушки, – извини, что зря гоняла тебя в магазин.

– Да что ты, ерунда.

«Боже, она выглядит совсем больной», – подумал Фил.

– Может, хочешь еще чего-нибудь?

Закрыв глаза, Поппи покачала головой. Движение было слабое, едва уловимое.

– Ты замечательный, ты очень хороший брат, – рассеянно проговорила она.

«Она всегда была такой живой, – думал Фил. – Отец называл ее Киловатт или Нон-стоп. Она просто излучала энергию!»

– Я сегодня видел Джеймса Расмуссена. Казалось, эти слова вырвались у него сами собой, помимо его воли.

Поппи окаменела. Руки под одеялом... нет, они не сжались в кулаки, они словно выпустили когти.

– Лучше бы ему держаться подальше отсюда.

Что-то с ней было не так. Поппи и раньше могла сердиться, но сейчас в ее реакции появилось нечто ей несвойственное: Фил никогда прежде не слышал в ее голосе этих агрессивных ноток. У него перед глазами промелькнули кадры из триллеров: марширующие мертвецы, ходячие трупы, такие, как няня Джеймса.

Что будет, если Поппи и вправду прямо сейчас умрет? Сильно ли она уже изменилась?

– Я выцарапаю ему глаза, пусть только попробует сунуться! – сказала Поппи. Ее пальцы сжимались и разжимались подобно кошачьим когтям.

– Поппи, Джеймс сказал мне, кто он на самом деле.

Странно, но со стороны Поппи не последовало никакой реакции.

– Он подонок, животное.

Что-то в ее голосе заставило Джеймса содрогнуться.

– Я сказал ему, что ты никогда не захочешь стать такой же, как он.

– Ни, за что, если это означает всегда быть с ним рядом. Я не хочу его видеть.

Фил долго смотрел на нее, затем медленно откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Его рука непроизвольно потянулась к макушке, где он почувствовал резкую сильную боль.

С Поппи что-то случилось. Ему не хотелось это признавать, но она действительно казалась странной. Нелогичной. И теперь он понимал, что она начала меняться с той минуты, когда Джеймса выставили за дверь. Так что, возможно, она и в самом деле находилась в странном, пограничном состоянии: уже не смертная, но еще и не вампир. Она не способна здраво рассуждать. Все обстояло именно так, как предсказывал Джеймс.

«Речь идет о жизни и смерти Поппи, ей и решать».

Он должен спросить ее.

– Поппи, – Фил подождал, пока на нем остановится взгляд ее зеленых немигающих глаз, – когда мы с ним говорили, Джеймс сказал, что ты согласилась... измениться. До того, как ты рассердилась на него. Это правда?

Поппи удивленно подняла брови.

– Я рассердилась на него, – согласилась она, как будто поняла только половину вопроса. – А знаешь, почему я тебя люблю? Потому что ты всегда его ненавидел. Теперь мы оба его ненавидим.

Фил помолчал минуту и осторожно продолжил:

– Да-да, конечно. Но когда ты не была на него сердита, тогда, раньше, ты хотела стать такой же, как он?

Вдруг на лице Поппи промелькнула тень рассудка.

– Я просто не хотела умирать, – сказала она, – мне было страшно и очень хотелось жить. Если бы врачи могли мне помочь, я не согласилась бы на это. Но они ничего не могли сделать.

Теперь она сидела на кровати, устремив взгляд вдаль, как если бы увидела там нечто пугающее.

– Ты не представляешь себе, каково это – знать, что скоро умрешь, – прошептала она.

Филиппа обдало холодом. Нет, он не представлял себе того, о чем говорила Поппи, но он знал, он мог представить, что будет с ним, если Поппи умрет. Мир без нее станет пустым.

Они долго сидели молча. Наконец Поппи снова откинулась на подушки, под глазами у нее легли синие тени, как будто разговор утомил ее.

– Какое все это имеет значение? – сказала она вдруг бодрым голосом. – Я не собираюсь умирать. Доктора ничего не знают.

«Так вот как она справляется с этим, – подумал Филипп. – Она просто не желает знать о своей болезни, делает вид, что ее не существует». Теперь он ясно представлял себе ситуацию и знал, что делать.

– Ну ладно, я пойду, пожалуй, тебе нужно отдохнуть, – сказал он и погладил руку сестры. Рука была очень холодной и хрупкой и напоминала птичью лапку, потому что из-под кожи проступали все косточки. – Скоро увидимся.

Не говоря никому ни слова, Фил выскользнул из дома. Он выехал на дорогу и прибавил скорость. Через десять минут он был на месте. Раньше он никогда не бывал у Джеймса дома.

Открывая дверь, Джеймс холодно осведомился:

– Что тебе здесь надо?

– Можно войти? Мне нужно с тобой поговорить.

Джеймс отступил назад, пропуская гостя.

Квартира была просторной и пустоватой. Возле заваленного книгами и журналами обеденного стола стоял единственный стул, такой же беспорядок царил и на письменном столе. Рядом раскинулась некрасивая квадратная кушетка. И на кушетке, и на полу вокруг валялись книги и компакт-диски. Из столовой дверь вела в спартански обставленную спальню.

– Чего ты хочешь?

– Прежде всего я должен кое-что объяснить. Я знаю, ты не виноват в том, что ты вампир, но я не могу относиться к тебе иначе, чем теперь. Ты не можешь измениться, но и я тоже. Я хочу, чтобы все было понятно с самого начала.

Джеймс, скрестив руки на груди, настороженно и вызывающе поглядывал на собеседника.

– Ты не мог бы сократить свою лекцию?

– Хорошо. Я просто хочу, чтобы между нами все было предельно ясно.

– Чего ты хочешь, Фил?

Фил сглотнул. Лишь со второй или с третьей попытки, поборов собственную гордость, он наконец произнес:

– Я хочу, чтобы ты помог моей сестре.

ГЛАВА 9

Поппи металась в постели.

Она чувствовала себя совершенно несчастной. Казалось, горячее, неутолимое несчастье пылает у нее под кожей. Оно проникло в ее мозг и заполнило все тело. Если бы не эта ужасная слабость, она поднялась бы с постели и постаралась избавиться от гнетущего чувства. Но мускулы словно превратились в лапшу, и она не могла даже пальцем пошевелить.

В голове царил туман. Поппи больше не пыталась думать. Лучше всего она чувствовала себя во сне. Но сегодня сон к ней не шел. Она все еще чувствовала на губах вкус дикой вишни. Конечно, можно было бы ополоснуть губы, но даже одна мысль о воде вызывала у нее тошноту.

«Вода – это не то. Не то, что мне нужно».

Поппи повернулась на бок и прижала лицо к подушке. Она не понимала, что ей нужно, но знала, что у нее этого нет.

В холле раздался мягкий звук приближающихся шагов. Шли двое. На маму и Клиффа не похоже, к тому же они наверняка уже спят.

Послышался тихий стук в дверь. Дверь слегка приоткрылась, и в спальню скользнул луч света. Затем послышался шепот Филадельфии:

– Поппи, ты спишь? Можно к тебе?

К большому неудовольствию Поппи, он вошел, не дожидаясь ответа. Вместе с ним вошел кто-то еще.

Это был он. Предатель. Тот, кто жестоко обидел ее, так, как никто-никто не обижал.

Ярость придала Поппи сил.

– Убирайся, или я тебя ударю!

– Поппи, пожалуйста, позволь мне поговорить с тобой, – попросил Джеймс.

И тут случилось нечто удивительное. Даже Поппи, в ее полубессознательном состоянии, поняла, что происходит что-то странное, потому что Фил вдруг попросил:

– Поппи, пожалуйста, дай ему сказать. Просто выслушай его, я тебя прошу.

«Фил на стороне Джеймса?» Поппи пришла в столь сильное замешательство, что не успела им помешать. Джеймс подошел ближе и опустился на колени в изголовье ее кровати.

– Поппи, я знаю, ты обижена. Это моя вина. Я совершил ошибку. Я не хотел, чтобы Фил знал, что происходит на самом деле, и сказал ему, что притворяюсь влюбленным. Но это неправда.

Поппи нахмурилась.

– Если ты прислушаешься к своему внутреннему голосу, то поймешь, что это неправда. Ты превращаешься в телепата, и я думаю, ты уже способна прочитать мои мысли.

Фил, стоявший позади Джеймса, поежился при упоминании о телепатии.

– Я могу подтвердить, что это была ложь, – сказал он.

Поппи и Джеймс повернулись к нему в изумлении.

– Из разговора с тобой я понял одно, – добавил Фил, обращаясь к Джеймсу, но не глядя ему в глаза. – Возможно, ты действительно чудовище, но тебе не безразлично, что станет с моей сестрой. Ты не хочешь причинить ей зла.

– Понял наконец? После того, как устроил все это... – Джеймс кивнул в сторону Поппи. – Поппи,

сосредоточься, почувствуй то, что чувствую я. Пойми, что я говорю правду.

«Не буду, и ты меня не заставишь», – подумала Поппи. Но какая-то часть ее существа, та, что хотела знать правду, оказалась сильнее злой, иррациональной. Она робко коснулась Джеймса. Не рукой, а движением мысли. Она не могла бы объяснить, как она это сделала, но у нее тем не менее получилось.

Поппи увидела мозг Джеймса, светящийся как бриллиант, когда на него падает яркий свет. Это было не похоже на то, что она чувствовала прежде, когда они обменивались кровью. Теперь она смотрела на Джеймса как бы снаружи, на расстоянии ощущая его чувства. Но ей и этого было достаточно. Она чувствовала теплоту и обуревавшее Джеймса стремление защитить ее. Она ощущала и его боль при мысли о том, что она его ненавидит.

Глаза Поппи наполнились слезами.

– Ты действительно меня любишь, – прошептала она.

Серые глаза Джеймса встретились с ее взглядом, и Поппи увидела в них совершенно незнакомое выражение. Прежде Джеймс никогда так на нее не смотрел.

– В Царстве Ночи есть два главных закона, – спокойно сказал он. – Первый гласит, что смертные не должны знать о его существовании, второй запрещает любить смертных. Я нарушил оба.

Поппи не заметила, как Филипп тихо вышел из комнаты. Только тонкая полоска света скользнула по полу комнаты.

– Я не мог сказать, как я к тебе отношусь, – сказал Джеймс. – Я даже себе самому не мог в этом признаться, потому что этим подвергал тебя огромной опасности. Ты даже не можешь себе представить, какой опасности.

– И себя тоже, – добавила Поппи.

Только сейчас ей впервые пришла в голову эта мысль. Теперь эта догадка всплыла на поверхность ее сознания, как пузырь в кипящем чайнике.

– Если Законы запрещают рассказывать смертным о Царстве Ночи и любить смертных, – медленно продолжала она, постепенно приходя к ужасному выводу, – получается, что ты нарушил эти Законы и тебя ждет наказание...

Как только она произнесла эти слова, она уже знала, каким будет это наказание. На лицо Джеймса набежала тень.

– Не волнуйся об этом, – сказал он своим обычным тоном записного красавца.

Но Поппи никогда и ни от кого не принимала советов, даже от Джеймса. Ее захлестнула волна раздражения и ярости, животное чувство, подобное лихорадочному беспокойству. Ее глаза сузились, а пальцы судорожно сжались на манер кошачьих когтей.

– Не диктуй мне, о чем я должна волноваться, а о чем нет.

Джеймс нахмурился.

– Нет, это ты не диктуй мне... – начал было он и не закончил фразу. – Что я делаю! Ты по-прежнему нездорова, тебе нужна моя кровь, а я попусту трачу время.

Джеймс закатал рукав своей ветровки и провел ногтем по запястью. На месте пореза выступила кровь. Он мрачно смотрел в темноту, а Поппи не могла оторвать глаз от тонкой струйки, бегущей по руке Джеймса. Ее губы раскрылись, дыхание участилось.

– Давай, – сказал Джеймс и поднес руку к ее лицу. Поппи наклонилась и приникла губами к ранке на его запястье, как будто пыталась спасти его от укуса змеи.

Это так естественно, так просто. Так вот что ей было нужно все это время, когда она посылала Фила за дикой вишней и клюквенным соком. Эта сладкая, тяжелая

субстанция была единственной в своем роде, и ничто не могло ее заменить. Поппи жадно пила кровь.

Все было так хорошо: близость, насыщенный темно-красный вкус; жизненная сила и энергия, вливавшиеся в нее и наполнявшие ее тело до кончиков ногтей. Но лучше всего было чувствовать мысли Джеймса. Поппи была совершенно счастлива.

Как могла она не доверять ему! Как она могла плохо о нем подумать. Ведь она никого не знала так хорошо, как Джеймса.

Мне так жаль, подумала Поппи, обращаясь к нему, и почувствовала, что он ее простил и он ее любит. Пол-пи изо всех сил старалась удержать связь с его сознанием.

Это не твоя вина, ответил он.

Сознание Поппи прояснялось с каждым мгновением. Это было похоже на пробуждение от тяжелого сна. Не хочу, чтобы это кончилось, подумала она, обращаясь не столько к Джеймсу, сколько просто размышляя про себя. Но она уловила его реакцию и ощутила, как он старается быстро скрыть свою мысль. И все же Поппи успела разобрать:

Вампиры не делают этого друг с другом.

Поппи была потрясена. Неужели после того, как она изменится, они не испытают больше этой радости? Она не могла, не хотела в это поверить. Должен же быть какой-то выход...

Она снова почувствовала, как в мозгу Джеймса рождается новая мысль, но когда попыталась последовать за ней, он мягко отнял запястье от ее губ.

– На сегодня хватит, – сказал Джеймс, и его настоящий, обычный голос показался Поппи таким странным. Он не был похож на внутренний голос Джеймса, и теперь она уже не чувствовала его так же хорошо, как несколько минут назад. Они стали двумя отдельными существами. Эта разделенность пугала ее.

Как она будет жить, если не сможет больше коснуться его сознания, если ей придется пользоваться словами, которые представлялись ей теперь таким же неудобным средством общения, как дымовые сигналы? Как она будет жить, если никогда больше не сможет почувствовать его так полно, как сегодня, почувствовать, как все его существо открывается ей навстречу?

Это нечестно и жестоко, и все вампиры просто дураки, что не пользуются этой возможностью.

Едва она открыла рот, чтобы словами, такими неудобными и несовершенными, объяснить Джеймсу свои ощущения, как дверь открылась и в комнату заглянул Филипп.

– Заходи, – позвал его Джеймс. – Нам надо о многом поговорить.

Фил молча смотрел на Поппи.

– Ты... – начал было он, но остановился и сглотнул. Затем, после невольной паузы, закончил хриплым шепотом: – Тебе... лучше?

Не нужно было быть телепатом, чтобы почувствовать его отвращение. Он бросил взгляд

на губы Поппи и отвел глаза. Поппи поняла, что он увидел: красные разводы, как если бы она ела ягоды. Поппи быстро вытерла губы тыльной стороной ладони. Ей хотелось сказать Филу, что к этому не нужно испытывать отвращения. Это всего лишь часть природы. Это как рождение новой жизни, чистой жизни. Это правильно. Но она лишь произнесла: – Ничего не отрицай, пока не попробовал сам.

Лицо Фила исказила судорога. И странно: Джеймс явно был с ним согласен. Он тоже считал обмен кровью страшным и черным делом и испытывал чувство вины. Поппи тяжело вздохнула и только и смогла вымолвить:

– Ну, мальчики...

– Тебе лучше, – со слабой улыбкой признал Фил.

– Кажется, я вела себя несколько странно, – сказала Поппи, – извини.

– Несколько – не то слово.

– Это не ее вина, – оборвал Фила Джеймс. – Она умирала, и у нее было что-то вроде галлюцинаций... из-за недостаточного притока крови к мозгу.

Поппи покачала головой.

– Я не понимаю. Ты взял у меня не так уж много крови в последний раз. Как могло случиться, что моему мозгу ее не хватало?

– Не в этом дело. Два вида крови вступили друг с другом в реакцию, они боролись. Если тебе нужно научное объяснение, то, пожалуй, это можно описать так: кровь вампиров разрушает гемоглобин, красные кровяные тельца в крови человека. В результате возникает кислородное голодание, и человек не может, нормально мыслить.

– То есть кровь вампира действует, как яд, – закончил Фил тоном хорошо осведомленного человека.

Джеймс вздрогнул, но не поднял глаза ни на Фила, ни на Поппи.

– Некоторым образом. Но если взглянуть с другой стороны, кровь вампира – это еще и универсальное лекарство. Благодаря ей быстрее заживают раны, восстанавливается плоть. Вампирам нужно очень небольшое количество кислорода, потому что они обладают большим запасом жизненных сил. Кровь вампиров может все. Единственное, чего она не может, – переносить кислород.

Поппи все поняла. Вот она, разгадка тайны графа Дракулы!

– Подожди. Так вот зачем вам нужна человеческая кровь! – воскликнула она.

– Это одна из причин, – согласился Джеймс, – но есть и... более важные, мистические причины. Человеческая кровь дает нам жизнь, и это главное. Мы пьем ее немного, и она обогащает наш организм кислородом до тех пор, пока наша кровь его не разрушит. Тогда мы пьем еще немного.

Поппи успокоилась.

– Понятно. Это так естественно...

– Это противоестественно, – с отвращением возразил Фил.

– Нет, естественно! Это похоже на... как ты это называешь... в биологии... на симбиоз!

– Сейчас не имеет значения, на что это похоже, – прервал ее Джеймс. – У нас нет времени на болтовню. Надо решить, что делать дальше, и все хорошенько продумать.

В комнате воцарилось молчание. Поппи поняла, о каком будущем они говорят. Она почувствовала, что и Фил задумался об этом.

– Ты все еще в опасности, – мягко сказал Джеймс, глядя на Поппи. – Нам нужно будет еще раз обменяться кровью, и сделать это надо как можно скорее. В противном случае у тебя снова наступит ухудшение. Мы должны составить план действия на следующий раз и продумать все до мельчайших деталей.

– Почему? – настороженно и брезгливо осведомился Фил.

– Потому что тогда я умру, – просто ответила Поппи, прежде чем Джеймс успел открыть рот.

Фил вздрогнул, а она безжалостно продолжила:

– Поэтому мы и делаем все это, Фил. Мы с Джеймсом не в детские игры играем. Мы вынуждены считаться с обстоятельствами, а обстоятельства таковы» что скоро я умру. И лучше уж я умру и проснусь вампиром, чем не проснусь совсем.

В комнате воцарилась мертвая тишина. Джеймс накрыл ладонью руку Поппи. Только тогда она поняла, что ее трясет как в лихорадке.

Фил устремил на них пристальный взгляд. Его лицо осунулось, под глазами легли темные круги.

– Мы же с тобой близнецы. Когда ты успела стать старше меня? – спросил Фил глухим от волнения голосом.

Джеймс вывел их из замешательства, обратившись к Филу:

– Думаю, следующая ночь подходит идеально. Ты сумеешь убедить родителей уйти из дому вечером?

Фил задумался.

– Если Поппи почувствует себя лучше и я пообещаю остаться с ней, думаю, они согласятся уйти ненадолго.

– Скажи, что им необходимо немного развеяться. Лучше, чтобы их не было поблизости.

– А ты не можешь сделать так, чтобы они ничего не заметили, как тогда медсестра в больнице? – спросила Поппи.

– Нет, я буду занят тобой, – вздохнул Джеймс, – и кроме того, существуют люди, не поддающиеся внушению. Твой брат, например. Вдруг твоя мама тоже обладает исключительно крепкой аурой?

– Я почти уверен, что смогу убедить их сходить в ресторан, – сказал Филипп. Он слегка задыхался и пытался это скрыть. – А когда они уйдут... что будет?

Джеймс посмотрел на него непроницаемым взглядом.

– Мы с Поппи сделаем то, что должны сделать. А потом мы с тобой будем смотреть телевизор.

– Смотреть телевизор, – бессмысленно повторил Фил.

– Я должен быть здесь, когда придут врачи и служащие похоронного бюро.

Услышав о похоронном бюро, Фил онемел от ужаса. Поппи тоже стало не по себе. Если бы не эта странная, сильная кровь, пульсировавшая в ней, успокаивавшая ее...

– Зачем?

Филипп требовал объяснений. Джеймс лишь покачал головой. По его лицу невозможно было прочесть ничего.

– Так надо, – ответил он, – позже ты поймешь. А теперь просто доверься мне.

Поппи решила положить конец этой дискуссии.

– Похоже, ребята, завтра вам придется помириться, – заключила она, – перед мамой и Клиффом. Иначе ваш тет-а-тет здесь будет выглядеть очень странно.

– Все будет выглядеть довольно странно, – сказал Фил, с трудом переводя дух. – Ладно. Приходи завтра после обеда, и мы помиримся. Я уговорю их уйти и оставить нас с Поппи.

Джеймс кивнул.

– А теперь мне лучше уйти.

Он встал. Фил отступил, пропуская его к двери, но Джеймс задержался около Поппи.

– Как думаешь, с тобой все будет в порядке? Поппи кивнула.

– Тогда до завтра. – Он коснулся кончиками пальцев ее щеки.

От этого легкого прикосновения сердце Поппи затрепетало, и она почувствовала уверенность, что с ней действительно все будет в порядке.

Мгновение они смотрели друг на друга, затем Джеймс отвернулся от нее и вышел.

«Завтра, – подумала Поппи. – Завтра я умру».

«В этом что-то есть», – размышляла Поппи. Не многим дана привилегия знать свой смертный час. Не многим удастся проститься с близкими так, как сможет проститься она. И неважно, что она умирает не по-настоящему. Когда гусеница превращается в бабочку, как гусеница она тоже умирает – и больше никакого блеска, и никаких листочков на завтрак. Поппи перестанет существовать, она не будет больше ходить в школу Эль Камино и в этой кровати спать больше не будет.

Все останется в прошлом: ее семья, родной город, ее реальная жизнь мертвого человека. Она вступает в новую, странную жизнь, о которой не имеет ни малейшего представления. У нее остается лишь вера в любовь Джеймса и в свою способность приспособиться к любой ситуации.

Это было странное чувство, будто смотришь на уходящую вдаль извилистую дорогу, конец которой скрыт в туманной мгле. Не будет больше катания на роликах, никогда больше не ошутит ее нога холодный бетон местного бассейна. Она не будет больше ездить за покупками в ближайший супермаркет.

Ей хотелось заглянуть в каждый уголок своей комнаты и попрощаться со всем, что ее окружает. Прощай белый платяной шкаф, прощай письменный стол, за которым написаны сотни писем. Прощайте белые занавески, прощай полог над кроватью, благодаря ему она чувствовала себя принцессой из волшебной арабской сказки. Прощай музыкальный центр.

Мой музыкальный центр! Мои диски! Я не могу их оставить, не могу, не могу!..

Нет, конечно, она могла. У нее просто не было выбора. Хорошо, что, перед тем как выйти из комнаты, она подумала о музыкальном центре. Это подготовило ее к прощанию с людьми.

– Привет, мам, – дрожащим голосом произнесла она, заходя на кухню.

– Поппи, я не знала, что ты встала.

Она крепко обняла маму и вдруг ощутила, скольких вещей ей будет недоставать там, в ее новой жизни: холодка плитки на полу в кухне, запаха кокосового масла, которым пахнет мамин шампунь, маминых рук и тепла ее тела.

– Хочешь есть, дорогая? Ты сегодня хорошо выглядишь.

Поппи не могла вынести взволнованного, пытливого мамино взгляда, а мысль о еде вызывала у нее тошноту. Она уткнулась в мамино плечо.

– Просто обними меня.

Поппи вдруг поняла, что не сможет проститься со всеми своими близкими. Она не сможет за один день разрубить эти тесные связи, удерживающие ее в этом мире. Ей выпала редкая удача – знать, что сегодня ее последний день, но прожить его ей придется совершенно обычно, как любому «неподготовленному» смертному.

– Просто помни, что я тебя люблю, – прошептала она в мамино плечо, моргая и стараясь сдержать слезы.

Потом она позволила маме отвести себя в постель. Все оставшееся время она проговорила по телефону. Она старалась узнать хотя бы еще немного о той жизни, которую ей суждено покинуть, и о людях, которых считала друзьями. Она училась все это ценить.

– Привет, Элани, я по тебе соскучилась, – говорила она в телефонную трубку, глядя на солнечные лучи, бьющие в окно спальни.

– Привет, Брейди, как дела?

– Привет, Лаура, спасибо за цветы.

– Поппи, как ты? – спрашивали все ее друзья. – К тебе можно? Когда мы увидимся?

Поппи не знала, что ответить. Она очень хотела позвонить папе, но никто не знал, где он.

А еще она очень хотела прочитать пьесу «Наш городок», которую задавали еще в прошлом году, а она так и не прочитала. В ней шла речь об умершей девочке, которой довелось оглянуться на один-единственный день в своей жизни и по-настоящему оценить его. Возможно, это помогло бы ей разобраться в собственных чувствах, но было уже слишком поздно.

«В школе я все пропустила мимо ушей», – поняла вдруг Поппи. «Я использовала свои мозги, чтобы перехитрить учителей, а это совсем уж глупо». Она поняла, что по-новому стала относиться к Филу, она уважала

его. Он искренне старался научиться чему-нибудь полезному. Очевидно, ее брат был совсем не тем достойным сожаления занудой, каким она себе его представляла. Может быть, он действительно был прав, ругая ее в свое время за лень.

«Я так изменилась», – подумала Поппи и вздрогнула.

Что было тому причиной – то ли бегущая по ее сосудам чужая кровь, то ли болезнь, разрушавшая ее плоть, то ли она просто сильно повзрослела, – но она изменилась.

Раздался звонок в дверь. Даже не покидая комнаты, Поппи знала, кто пришел. Она чувствовала приближение Джеймса. Он пришел, чтобы завершить начатое. Поппи посмотрела на часы. Невероятно! Уже четыре часа. Время неудержимо неслось вперед.

«Не волнуйся. У тебя есть еще несколько часов», – напомнила она себе и снова взялась за телефон. Но вот в дверь ее спальни постучала мама.

– Дорогая, Фил думает, что мы с Клиффом можем оставить тебя ненадолго. Пришел

Джеймс, но я сказала, что ты не хочешь его видеть. И я действительно не хочу уходить от тебя сегодня вечером, – миссис Хилгард казалась необычно возбужденной и растерянной.

– Нет, мам, я буду рада повидать Джеймса. Правда. И я думаю, тебе надо отдохнуть. В самом деле.

– Что ж, я рада, что вы с Джеймсом помирились. Но я все же не уверена...

Некоторое время ушло на то, чтобы убедить миссис Хилгард, что Поппи чувствует себя гораздо лучше, что впереди у нее недели и даже месяцы жизни, что нет никакой необходимости сегодня вечером сидеть дома.

Наконец мама поцеловала Поппи и согласилась. Оставалось только попрощаться с Клиффом. Он обнял Поппи, и она простила ему, что он занял место ее родного отца. «Ты очень старался, – подумала она, отрываясь от его черного костюма и глядя на его квадратный мальчишеский подбородок. – И ты должен будешь позаботиться о маме, после того как все закончится. Так что я прощаю тебя. Ты в самом деле ничего парень».

Вот мама и Клифф выходят из комнаты. Настало время окончательно с ними проститься. Поппи окликнула их, они оба остановились и, улыбнувшись, помахали ей.

Когда они уехали, в спальню вошли Джеймс и Филипп. Поппи посмотрела на Джеймса. Взгляд его серых глаз был непроницаем, ничего нельзя было прочесть в их бездонной глубине.

– Пора? – спросила она дрожащим голосом.

– Пора, – ответил Джеймс.

ГЛАВА 10

– Надо все сделать правильно, – сказала Поппи, – как положено. Принеси свечи, Фил. Лицо Филиппа стало пепельно-серым.

– Свечи?

– Да, сколько сможешь найти. И подушки. Мне нужно много подушек.

Поппи опустилась на колени, склонившись над кипой дисков. Фил мельком взглянул на нее и вышел из комнаты.

– Нет. Это очень монотонно, – сказала Поппи, перебирая диски. – А это уж слишком. Мне нужно что-нибудь убаюкивающее.

– Может, это?

Джеймс поднял диск. Поппи посмотрела на название.

Мелодия исчезновения.

Ну конечно. Это просто здорово. Поппи взяла диск и посмотрела на Джеймса. Обычно он пренебрежительно величал мягкую убаюкивающую музыку «помехами».

– Ты меня понимаешь, – тихо сказала она.

– Да. Но ты не умираешь по-настоящему, Поппи. Это не прощание с жизнью.

– Но я ухожу. Я должна измениться.

Поппи не могла выразить свою мысль точнее, но внутренний голос подсказывал ей, что она все делает правильно. Она умирала для своей прежней жизни, уходила из нее навсегда.

К тому же они оба знали, что она может не выдержать трансформации и умереть.

Фил принес свечи – свечи рождественские, свечи хозяйственные на случай отключения электричества, ароматические свечи. Поппи показала, куда их поставить, и попросила зажечь. Затем она пошла в ванную комнату и переделалась в лучшую ночную рубашку, фланелевую, с мелкими ягодками земляники.

«Подумать только, – размышляла она. – В последний раз я спускаюсь в холл, в последний раз открываю дверь в свою спальню».

Спальня выглядела великолепно. Мягкое мерцание свечей превратило комнату в таинственное святилище. Звучала красивая величественная музыка. Поппи готова была слушать ее вечно, погружаясь в прекрасные грезы.

Поппи открыла платяной шкаф и вешалкой сбила с верхней полки плюшевого льва. Она положила его в постель среди многочисленных подушек. Может, это и глупо, по-детски, но она хотела, чтобы в эти минуты он был рядом.

Поппи села на кровать, посмотрела на Джеймса и Фила. Они оба смотрели на нее. Фил

был очень печален, у него дрожали губы. Джеймс тоже был печален, но угадать это могла только Поппи, прекрасно изучившая его за долгие годы дружбы.

– Все в порядке, – сказала Поппи юношам, понуро стоявшим рядом с ее постелью. – Да поймите вы, со мной все в порядке, и я не вижу причин для грусти.

Странно, но она говорила правду. Она была абсолютно спокойна, в мыслях царил ясность, все вдруг стало просто и понятно. Она поняла, через какие испытания ей предстоит пройти, и приняла их как должное.

Фил подошел и взял ее за руку.

– Как все будет происходить? – хриплым шепотом спросил он Джеймса.

– Сначала мы обменяемся кровью, – заговорил Джеймс, обращаясь к Поппи. Он смотрел только на нее. – На этот раз понадобится не так много. Скоро ты должна измениться окончательно. Перерождение произойдет как результат битвы твоей и моей крови, что-то вроде последней битвы, ты понимаешь, что я имею в виду.

Джеймс рассеянно и печально улыбнулся. Поппи кивнула ему в ответ.

– Ты почувствуешь слабость, а потом просто зас-нешь. Трансформация произойдет во время сна.

– А когда я проснусь? – спросила Поппи.

– Ты будешь под гипнозом. Я скажу тебе, когда ты должна проснуться, и в это время приду за тобой. Не волнуйся, я все продумал. А сейчас тебе нужно отдохнуть.

Дрожащими руками Фил взъерошил волосы. Только сейчас он вспомнил, с какого рода деталями им придется столкнуться.

– Подожди, – прохрипел он, – ты говоришь, что она будет спать. А она в это время будет выглядеть... как...

– Как мертвая... – закончила Поппи, когда его голос сорвался.

Джеймс смерил Фила холодным взглядом.

– Да. Мы ведь это уже обсуждали.

– Потом мы должны... А что произойдет с ней? Джеймс прожег его взглядом.

– Все в порядке, – мягко сказала Поппи, – объясни ему.

– Ты же знаешь, что произойдет, – процедил Джеймс сквозь стиснутые зубы, – она не может просто так исчезнуть. Существует полиция, существует Царство Ночи, которые будут гнаться за ней по пятам. Поэтому все должны быть уверены, что она умерла от рака, и все должно выглядеть так, будто она действительно умерла от рака.

Отрешенное выражение лица Фила свидетельствовало о том, что на него не действуют доводы рассудка.

– Ты уверен, что другого выхода нет?

– Уверен, – ответил Джеймс. Фил вытер губы.

– О Господи!

Поппи не желала больше это обсуждать, она теряла терпение и раздраженно сказала брату:

– Смирись с этим, Фил. Тебе придется это сделать. Пойми, если это не случится сегодня, это произойдет через несколько недель, и тогда уже ты ничем не сможешь мне помочь.

Фил вцепился в спинку кровати так, что костяшки пальцев побелели. Но он взял себя в руки, а уж в самоконтроле ему не было равных.

– Ты права, – сказал он. Его голос лишь отдаленно напоминал голос того самоуверенного Фила, каким он был раньше. – Что ж, придется смириться.

– Тогда давайте начнем, – сказала Поппи, стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно и уверенно.

Джеймс повернулся к Филу.

– Думаю, ты не захочешь наблюдать за этим, пойдй вниз и посмотри несколько минут телевизор.

Немного поколебавшись, Фил кивнул и вышел из спальни. Поппи легла на середину кровати и смущенно посмотрела на Джеймса.

– Я еще кое о чем хотела тебя спросить. После похорон... ну, я ведь буду спать? – Она старалась, чтобы ее голос звучал как можно более непринужденно. – Я не проснусь... ну, ты

знаешь... в моем маленьком уютном гробике? – Она пристально смотрела на него. – А то, знаешь, у меня клаустрофобия...

– Нет, этого не случится, – твердо пообещал Джеймс. – Поппи, я не допущу, чтобы это с тобой случилось. Доверься мне. Я все продумал.

Поппи кивнула. «Я доверяю тебе», – подумала она.

Поппи раскрыла руки ему навстречу и подняла подбородок. Джеймс коснулся ее шеи, через мгновение она почувствовала, как сливаются их мысли.

Не волнуйся, Поппи. Не бойся. Его мысли несли успокоение. И хотя Поппи находила в них подтверждение тому, что ей действительно грозит опасность, она все же таинственным образом успокаивалась. Она знала, что Джеймс ее любит, и это наполняло ее светом и надеждой.

Пространство вокруг вдруг удивительно изменилось, Поппи ощущала, как расширяются его границы – высота, глубина, протяженность. Как если бы горизонт в мгновение ока отодвинулся в бесконечность. И не было больше препятствий, которые они с Джеймсом не могли бы преодолеть.

Поппи почувствовала себя... свободной. «Голова какая легкая», – подумала она. Она осознавала, что тело ее тяжелеет, она оседает в объятиях Джеймса и клонится к нему, как увядающий цветок.

Все, хватит, раздался у нее в мозгу его голос. Теплые губы оторвались от ее горла. Теперь твоя очередь.

На этот раз он не разрезал себе запястье, а быстрым движением снял футболку и ногтем вспорол кожу у основания горла.

Поппи медленно, как во сне, наклонилась вперед. Рука Джеймса поддерживала ее затылок. Поппи обняла его и почувствовала прикосновение его обнаженной груди.

«Так гораздо лучше», – подумала Поппи. Но Джеймс был прав: теперь, в последний раз, все иначе. Им больше не придется обмениваться кровью.

Я не могу с этим смириться, сказала про себя Поппи, но больше уже не могла на чем-либо сосредоточиться. На этот раз кровь Джеймса не принесла ясности в ее мысли, напротив, эта дикая, отравляющая жидкость лишь усугубила ее слабость. Она отяжелела и впадала в беспамятство.

Джеймс!

Все хорошо. Ты начинаешь меняться...

Слабость, оцепенение, ощущение тепла. Она словно плавала в соленых океанских волнах. Она представляла себе, как кровь вампира бежит по ее сосудам, побеждая все, что ей мешает. Это была древняя кровь, кровь пра-человека. Она становилась древним существом, которое было всегда, с начала времен.

Каждая молекула ее тела претерпевала изменения...

Поппи, ты меня слышишь? Джеймс слегка потряс ее за плечи. Поппи была так потрясена обуревавшими ее новыми чувствами, что даже не понимала, что перестала пить кровь. Джеймс пытался разбудить ее.

Поппи!

Она с трудом открыла глаза.

– Мне хорошо... Просто я засыпаю.

Он сжал ее в своих объятиях и бережно уложил на гору подушек.

– Теперь ты можешь отдохнуть. А я позову Фила. Но перед тем как уйти, он нежно поцеловал ее в лоб. «Мой первый поцелуй», – подумала Поппи, закрывая глаза. – А я в коме. Ну и дела».

Она почувствовала, как кровать прогнулась под тяжестью чьего-то тела. Поппи открыла глаза и увидела Фила. Она был возбужден, нервно ерзал и пристально смотрел на Поппи.

– Ну, что происходит? – спросил он.

– Кровь вампиров побеждает, – просто ответил Джеймс.

– Я действительно хочу спать, – слабо откликнулась Поппи.

Она не чувствовала боли, она просто исчезала, растворялась. Ей было тепло, как будто ее завернули в теплый непроницаемый туман.

– Фил, я забыла сказать тебе спасибо. За помощь. За все. Ты был хорошим братом, Фил.

– Тебе нет необходимости говорить это сейчас! – воскликнул Фил. – Ты сможешь сказать это позже. Я буду здесь, ты же знаешь.

«Но меня здесь может не быть, – подумала Поппи. – Это ведь лотерея. И я ни за что не стала бы в нее играть, если бы не знала, что иначе потеряю шанс остаться в живых. Я боролась. Я, по крайней мере, боролась за свою жизнь».

– Да, ты боролась, – сказал Фил дрожащим голосом. А она-то и не подозревала, что говорит вслух. – Ты настоящий борец, – продолжал Фил. – Я многому у тебя научился.

Смешно, это она у него многому научилась, хотя учиться начала всего двадцать четыре часа назад. Поппи хотела рассказать ему об этом, но говорить нужно было долго, а она так устала. Язык еле ворочался во рту, а тело было слабым и беспомощным.

– Просто... возьми меня за руку, – сказала она и поняла, что голос ее не громче дыхания.

Филипп взял ее за руку, другую ладонь сжал Джеймс. Хорошо, так и надо было все это устроить. На подушке – плюшевый лев, а по обе стороны кровати Джеймс и Фил. Они держат ее за руки. И она чувствует себя хорошо и спокойно.

Одна из свечей пахла ванилью. Хороший домашний запах. Он напоминает о детстве. О вафлях и послеобеденном сне. Вот на что это похоже. Просто послеобеденный сон в детском саду мисс Спуджен. Солнце разрисовывает пол в квадратики, а рядом, на соседней кровати, спит Джеймс.

Так спокойно, так сладко...

– Поппи, – прошептал Фил. Раздался голос Джеймса:

– Ты прекрасно справляешься, умница. Все в полном порядке.

Именно это Поппи хотела услышать больше всего на свете. Она снова отдалась музыке, и это было прекрасно, похоже на сон и совсем не страшно. Словно капля дождя возвращается в породивший ее океан.

В последнее мгновение она подумала: «Я не готова». Но тут же поняла: никому не удастся уйти туда подготовленным.

«Какая же я глупая, – подумала Поппи. – Я забыла о самом главном. Я так и не сказала Джеймсу, что люблю его. Даже когда он первым признался».

Она попыталась произнести хоть слово. Но было уже слишком поздно. Внешний мир исчез, и она больше не владела своим телом. Она лишь плыла во тьме по океану чистых звуков, и ее властно и нежно обволакивал сон...

– Спи, – наклонившись к ней, сказал Джеймс. – Спи и не просыпайся до тех пор, пока я тебя не разбужу.

Нервы Фила были напряжены до предела, а Поппи казалась такой спокойной, ее волосы цвета меди разметались по подушке, ресницы чернели на бледной щеке, а губы слегка приоткрылись. Она походила на фарфоровую куклу. Но чем спокойнее она становилась, тем больший ужас охватывал Фила.

«Я справлюсь с этим, – твердил он себе. – Я должен».

Поппи испустила короткий вздох и вдруг шевельнулась. Ее грудь поднялась раз, другой, пальцы сжали руку Фила, глаза широко открылись, но она уже ничего не видела, она просто казалась удивленной.

– Поппи! – воскликнул Фил, хватаясь за рукав ее ночной рубашки. Рука под тонкой фланелью была такой хрупкой. – Поппи!

Судорожные вздохи затихли. Мгновение – Поппи чуть приподнялась, потом ее глаза закрылись, она упала на подушки, и ее рука обмякла.

Фил потерял рассудок.

– Поппи! – кричал он, чувствуя, что впадает в истерику. – Проснись! Поппи! – Его голос звучал все громче и громче, переходя в крик.

Фил не осознавал, что трясет за плечи безвольно обмякшее тело сестры.

Твердые руки уверенно оттолкнули его.

– Какого черта... Что ты делаешь? – тихо спросил Джеймс.

– Поппи, Поппи... – твердил Фил, глядя на сестру.

Она больше не дышала. На ее лице появилось выражение чистого покоя, какое бывает

лишь у младенцев.

Она менялась, становясь далекой, призрачной. Ее лицо все сильнее походило на маску привидения, и даже Фил, который никогда не видел мертвых, понял: это смерть.

Душа Поппи отлетела. Ее тело стало плоским и бесцветным, его больше не одушевляла жизненная энергия. Ее рука в руке Филиппа стала тяжелой, непохожей на руку спящей. Кожа потеряла блеск, как если бы кто-то на нее легонько дунул.

Фил запрокинул голову и издал нечеловеческий вопль, сродни вою раненого животного.

– Ты убил ее! – Он вскочил с кровати и набросился на Джеймса. – Ты говорил, что она только заснет, но ты убил ее. Она умерла.

Джеймс не уклонился от броска, схватил Фила и вытащил его в холл.

– Последним засыпает слух, она может услышать тебя, – прошептал он ему прямо в ухо.

Но Фил вырвался и бросился в гостиную. Он не отдавал себе отчета в своих действиях, он знал лишь, что должен ломать и крушить все вокруг, что эти бездушные вещи не имеют права на существование, когда Поп-пи больше нет. Она ушла навсегда! Фил схватил кресло и бросил его, ударом свалив кофейный столик. Опрокинул лампу, вырвал из розетки шнур и отбросил его к камину.

– Хватит! – послышался сквозь удары окрик Джеймса.

Услышав его голос, Фил бросился к нему. Джеймс не удержался на ногах и отлетел к стене. Сцепившись, они упали на пол.

– Ты убил ее, – прохрипел Филипп, стараясь схватить противника за горло.

В глазах Джеймса появился серебряный блеск. Он схватил Фила за запястья. Его хватка оказалась крепкой и причиняла сильную боль.

– Прекрати сейчас же, Филипп, – сказал он тихо. Что-то в его голосе заставило Филиппа замереть.

Всклипывая, он судорожно хватал ртом воздух.

– Я убью тебя, если ты будешь вредить Поппи, – сказал Джеймс угрожающим тоном. – Если ты прекратишь истерику и будешь делать то, что я скажу, с ней ничего не случится. Ты понял? – Он с силой встряхнул Фила, едва не впечатав его в стену.

Странно, но именно это привело Фила в чувство. Джеймс защищал Поппи, и Фил вдруг начал ему доверять. Его бешеная ярость утихла, он глубоко вздохнул.

– Да. Я понимаю, – хрипло сказал он.

Фил привык к чувству ответственности – за себя и за близких. Да, ему не нравилось, что Джеймс распоряжается в его доме, но этого уже не изменишь.

– Она умерла, да?

– Это как посмотреть, – сказал Джеймс, отпуская запястье Фила и садясь на полу.

Он осмотрел гостиную и скривил губы.

– Ничего страшного не произошло, Фил. Все идет так, как и задумывалось. Просто я рассчитывал, что твои родители, когда вернутся домой, сами обнаружат Поп-пи мертвой, а теперь нужно придумать что-то другое. Этот беспорядок нельзя объяснить иначе, нежели сказав правду.

– Правду?

– Да, правду. Скажем, ты вошел в комнату Поп-пи, понял, что она умерла, и в отчаянии набросился на меня. А потом я позвонил твоим родителям, что-

бы сообщить им... Ты ведь знаешь, в какой ресторан они пошли?

– В «Валентине». Маме очень хотелось сходить именно туда.

– Хорошо. Так и сделаем. Но сначала нужно навести порядок в комнате Поппи: убрать свечи и все остальное. Все должно выглядеть так, будто она заснула и не проснулась. Как будто этот вечер ничем не отличается от любого другого.

Фил взглянул на стеклянную дверь. На улице только начинало смеркаться. Но Поппи много спала в последние дни.

– Мы скажем, что она устала, и отправила нас смотреть телевизор, – медленно сказал Фил, стараясь побороть слабость и рассуждать здраво. – Потом я пошел посмотреть, как она, и нашел ее...

– Верно, – ответил Джеймс, улыбнувшись краешком губ.

Они быстро убрались в комнате Поппи. Труднее всего Филу было отвести взгляд от Поппи. Каждый раз, когда он смотрел на нее, сердце его сжималось. Она казалась такой хрупкой... Как рождественский ангел, спустившийся в июньскую ночь.

Он боязливо убрал плюшевого льва, лежавшего ря-дом с ней.

– Она ведь проснется, правда? – спросил он, не глядя на Джеймса.

– Господи, я надеюсь, – устало пробормотал Джеймс. Его слова звучали скорее как молитва, нежели обещание. – Если этого не произойдет, тебе не надо будет приходить ко мне с осиновым колом, я сам об этом позабочусь.

Филипп был потрясен – потрясен... и разгневан.

– Не глупи, – резко ответил он, – превыше всего на свете Поппи ценила жизнь. Лишить тебя жизни все равно что надругаться над ее памятью. Кроме того, ты делаешь все, что от тебя зависит. Неразумно себя винить.

Джеймс удивленно посмотрел на него, и в эту минуту Фил почувствовал, что они наконец поняли друг друга, что между ними крепнет некая странная связь. Джеймс медленно кивнул.

– Спасибо.

Филипп отвернулся и коротко спросил:

– Уже пора звонить? Джеймс взглянул на часы.

– Через несколько минут.

– Они могут уехать домой, и мы не застанем их в ресторане.

– Это не имеет значения. Главное, чтобы рядом не оказалось врачей, которые попытаются реанимировать ее или забрать в больницу. То есть она должна быть холодной к тому моменту, когда сюда войдут люди.

Фил почувствовал, как у него по спине пробежала дрожь.

– Как ты можешь так говорить, ты просто холодная змея!

– Вообще нет, я реалист, – терпеливо ответил Джеймс, как если бы разговаривал с ребенком.

Он коснулся мраморной руки Поппи, покоившейся на покрывале. – Пожалуй, уже можно звонить. Я пойду позвоню, а ты можешь продолжать сходить с ума, если хочешь.

Филипп покачал головой. У него больше не было сил. Сейчас ему хотелось горько плакать, как может плакать только обиженное, потерявшееся дитя.

– Позвони маме, – хрипло сказал Фил, опустил на колени рядом с кроватью сестры и стал ждать.

Он не чувствовал, как бежит время. Любимая мелодия Поппи уже отзвучала, и лишь из гостиной раздавался звук работающего телевизора. Он потерял счет минутам и пришел в себя, лишь услышав шум подъезжающего автомобиля. Тогда он прижался лбом к матрасу. Его слезы были абсолютно искренни. В этот момент он был уверен, что потерял сестру навсегда.

– Держись, – предупредил его Джеймс, – они уже здесь.

ГЛАВА 11

Следующие четыре часа были самыми тяжелыми в жизни Фила.

Сложнее всего оказалось успокоить маму. Как только она вошла, Фил понял, что не она его, а он должен ее успокаивать. Но у него уже не было сил. Он мог лишь поддерживать ее в своих объятиях.

«Как это жестоко, – мрачно думал он. – Неужели нельзя рассказать ей? Но она ни за что не поверит, а если и поверит, то неизбежно подвергнет себя страшной опасности».

Наконец приехали врачи. Незадолго до них прибыл и доктор Франклин.

– Это я его вызвал, – сказал Джеймс, улучив момент, когда миссис Хилгард рыдала на плече мужа.

– Зачем?

– Чтобы упростить процедуры. В нашем штате доктор может выписать свидетельство о смерти, если больной наблюдался у него в течение 20 дней и причина смерти не вызывает сомнения. Нам не нужна больница.

Фил покачал головой.

– Почему? Какие могут возникнуть осложнения?

– Потому что в больницах делают вскрытие.

Филипп похолодел. Он открыл рот, но не смог произнести ни слова.

– А в похоронных бюро трупы бальзамируют. Поэтому я должен быть здесь, когда приедут за телом. Я должен внушить им, что нет необходимости бальзамировать ее, или зашивать ей губы, или...

Фил побежал в ванную... Ему стало дурно, и он снова возненавидел Джеймса.

...Никто не забрал Поппи в больницу. И доктор Франклин ни разу не упомянул о вскрытии. Он просто держал за руку миссис Хилгард и говорил о том, что все произошло слишком внезапно и что Поппи, по крайней мере, не мучилась от страшной боли.

– Но сегодня ей было даже лучше, – сквозь слезы прошептала несчастная мать. – О, моя крошка, моя девочка. Ей становилось все хуже и хуже, но сегодня она как будто пошла на поправку.

– Иногда такое случается, – сказал доктор Франк-дин. – Будто последняя вспышка жизненной активности.

– А меня... меня с ней не было. – Теперь даже слезы не могли заглушить чувства вины, которое ее сжигало. – Она умерла в одиночестве.

Тут вмешался Филипп.

– Она спала. Она просто уснула, чтобы никогда не проснуться. Посмотри на нее, какой она кажется спокойной.

Он повторял это, как Клифф, как доктор Франклин. Наконец врачи уехали, и вскоре после их ухода, когда миссис Хилгард сидела на постели дочери и гладила ее волосы, приехали служащие из похоронного бюро.

– Оставьте меня, – прошептала она. Ее глаза были сухими, и лицо покрывала смертельная бледность. – Оставьте меня с ней на несколько минут вдвоем.

Сотрудники похоронного бюро неловко опустили в кресла в гостиной. Джеймс не отводил от них пристального взгляда. Фил понимал, что происходит, и наблюдал затаив дыхание. Джеймс пытался внушить им, что бальзамирования не требуется.

– По религиозным соображениям, да? – обратился к Клиффу один из них, нарушив долгую паузу.

Клифф взглянул на него, удивленно подняв брови.

– Что вы имеете в виду? Похоронный агент кивнул.

– Не беспокойтесь, я все понимаю.

Этот краткий и странный диалог не был для Фила загадкой. Что бы ни отвечал этот человек, он вряд ли осознает, что происходит вокруг.

– Да, все случилось так неожиданно, болезнь оказалась скоротечной, – говорил Клифф.

Фил взглянул на Джеймса. По его лицу градом катился пот. Очевидно, контролировать сразу троих было чрезвычайно сложно. Наконец Клифф вышел из комнаты вслед за женой. Он отвел ее в спальню, чтобы уберечь от печального зрелища.

Служащие похоронного бюро вошли в комнату Поппи и вынесли из нее носилки с маленьким застегнутым на молнию мешком. Фил снова почувствовал, что теряет самообладание. Ему опять хотелось крушить все вокруг и бежать, бежать отсюда куда глаза глядят. Но внезапно у него подкосились колени, и в глазах потемнело.

Чьи-то руки подхватили его и усадили в кресло.

– Держись, – прошептал Джеймс, – еще несколько минут, всего несколько минут.

В этот миг Фил уже почти простил Джеймсу, что на самом деле он чудовище и кровопийца.

Перевалило далеко за полночь, когда в доме Хил-гардов все разошлись по своим спальням. Но никто не спал. Фил не находил себе места, и свет в его комнате горел до самого восхода.

Похоронное бюро располагалось в доме викторианского стиля. Зал, где лежала Поппи, утопал в цветах. Издалека она выглядела спящей.

Фил не мог на нее смотреть и рассматривал знакомых и друзей, пришедших с ней проститься. Зал был полон, а люди все прибывали. Он и не знал, что так много людей любили его сестру..

– Она была такой жизнелюбивой, – сказал ее учитель английского.

– Не могу поверить, что ее больше нет на свете, – прошептал товарищ Филя по футбольной команде.

– Я никогда ее не забуду, – вторила плачущая подруга.

Одетый в темный костюм Фил стоял рядом с матерью и Клиффом. Вся процедура напоминала свадебную церемонию: миссис Хилгард повторяла: «Спасибо, что пришли» – и обнимала гостей. Люди проходили мимо гроба, прощались с Поппи и плакали.

Во время этой траурной церемонии случилось нечто странное. Фил будто прозрел. Смерть Поппи оказалась такой реальной, что вся эта вампирская история представилась ему совершеннейшим вздором. Мало-помалу он начинал понимать, что за комедия разыгрывалась на его глазах.

Кроме того, все действительно были совершенно уверены, что Поппи умерла. Она заболела раком и умерла. А вампиры – это всего лишь выдумка.

На похороны Джеймс не пошел.

Поппи снился сон. Они с Джеймсом гуляли по берегу океана. Было тепло, и она чувствовала запах соленой морской воды, под ногами хрустел влажный песок. На ней был новый купальник, из тех, что меняют цвет, как только намокают. Она надеялась, что Джеймсу купальник понравится, но он не обращал на него никакого внимания.

Потом она поняла, что его лицо скрывает маска.

– Ты не хочешь снять маску? – спросила она и подумала, что с ним, наверное, что-то случилось и ему нужна помощь.

– Я ношу ее для здоровья, – ответил Джеймс. Но голос был не его.

Поппи удивилась. Она подпрыгнула и сорвала маску. Ее глазам предстал незнакомец: юноша с пепельными волосами, еще более светлыми, чем шевелюра Филя. Почему она не заметила этого раньше? А еще у него были синие глаза. Поппи испугалась.

– Кто ты? – спросила она.

– Скоро узнаешь, – ее собеседник таинственно улыбнулся.

Его глаза приобрели фиалковый оттенок. Он поднял руку, и Поппи увидела, что незнакомец сжимает черный цветок. Он провел этим цветком по ее щеке.

– Просто помни, – сказал он, продолжая загадочно улыбаться, – происходят таинственные и дурные вещи, вершится черная магия.

– Что?

– Вершится черная магия, – сказал незнакомец, отвернулся и пошел прочь.

Поппи опомнилась и вдруг увидела, что сжимает в руке черный цветок. На песке не осталось его следов. Поппи хотела проснуться, но не могла. Ей было страшно и одиноко. Она бросила цветок и закричала:

– Джеймс!

Фил вскочил с кровати, казалось, что сердце вот-вот выскочит у него из груди.

«Господи, что это было?» Ему послышался крик, крик Поппи.

«У меня уже начались галлюцинации. Что ж, в этом нет ничего удивительного. Ведь сегодня понедельник. Сегодня похороны». Фил взглянул на часы, в четыре он должен быть в церкви. Неудивительно, что Поппи ему снилась. Но она казалась такой испуганной.

Фил выбросил из головы эту тягостную мысль. Это не составило большого труда: он убедил себя, что Поппи мертва, а мертвые не кричат. Но в этот день Филу все же пришлось пережить настоящее потрясение. В церкви он увидел отца. Отец даже постарался прилично выглядеть: на нем было нечто напоминающее костюм, хотя брюки совершенно не подходили к пиджаку, а галстук был криво повязан.

– Я приехал, как только услышал...

– Ну и где же ты был? – Вокруг глаз миссис Хилгард собрались морщинки, как и всякий раз, когда ей приходилось иметь дело с бывшим мужем.

– В горах Блю Ридж. В следующий раз я оставлю адрес, клянусь. Я проверил сообщения электронной почты... – Он заплакал.

Миссис Хилгард не произнесла ни слова. Она просто упала ему на грудь, и Фил почувствовал, как у него все внутри переворачивается при виде убитых горем родителей.

Фил знал, что его отец необязательный человек, неудачник, что он не смог обеспечить семью, стать опорой в воспитании детей. Но он любил Поппи больше всех на свете. И Фил не мог осуждать его, даже несмотря на то, что рядом стоял всегда безупречный Клифф.

Фил был поражен, когда перед церковной службой отец повернулся к нему и, понизив голос, сказал:

– Знаешь, она приходила ко мне прошлой ночью. То есть не она, а ее дух. Он посетил меня.

Фил пристально посмотрел на отца. Подобные утверждения были одной из причин, которые привели к разводу его родителей. Отец всегда грезил и самозабвенно рассказывал о своих фантазиях. Он интересовался потусторонним миром и собирал статьи об астрологии, нумерологии и НЛО.

– Я не видел ее, но слышал ее голос. Он казался таким испуганным. Не говори это матери, но мне кажется, ей нет покоя на том свете. – Он закрыл руками лицо.

Фил почувствовал, как у него волосы встали дыбом. Но это кошмарное ощущение вскоре погасило обычное человеческое горе, которое испытывают на похоронах все люди. Он слышал, как священник произносит последние слова прощания над гробом Поппи: «Поппи всегда будет жить в наших сердцах», он видел, как весело светит июньское солнце, заливая своим светом посетителей кладбища Форест Парк. Когда подошло время бросить розу на гроб Поппи, Филадельфия сотрясала мелкая дрожь.

Он переживал ужасные минуты. Две подружки его сестры разразились истерическими рыданиями. Миссис Хилгард стало дурно, и ее вынуждены были увести от гроба. В эти минуты Фил был не в состоянии думать и рассуждать. Однако, придя с похорон домой, он снова задумался о странном столкновении двух миров. Он тщетно пытался привести в порядок свои мысли, как вдруг увидел стоявшего в дверях его комнаты Джеймса.

Фил не знал, что делать. Джеймс явно не вписывался в ситуацию. Фил уже собрался было сказать ему, чтобы он убирался, что эта дурная шутка слишком затянулась, но, прежде чем успел раскрыть рот, Джеймс подошел к нему вплотную и прошептал:

– Будь готов к одиннадцати часам. Фил вздрогнул.

– Готов к чему?

– Просто будь готов, ладно? Прихвати с собой что-нибудь из одежды Поппи. Вещи, которых не хватает.

Фил не сказал ни слова, и Джеймс искоса бросил на него встревоженный взгляд.

– Мы должны извлечь ее, дурак ты этакий. Или ты хочешь оставить ее там?

Бабах! Столкновение двух миров состоялось. Фил словно парил в невесомости, не понимая, в каком из миров он пребывает, – в потустороннем или в настоящем, таком реальном и привычном.

Когда он обрел равновесие и вспомнил, к какому миру принадлежит, то прислонился к стене и прошептал:

– Я не могу. Я не могу этого сделать. Ты сумасшедший.

– Нет. Это ты сумасшедший. Ты ведешь себя так, словно слышишь об этом впервые. Мне нужна твоя помощь, я не справлюсь один. Она будет дезориентирована в первое время, ты ей будешь нужен.

Его слова поразили Филадельфию. Она вздрогнула.

– Ты слышал ее прошлой ночью? Джеймс отвел взгляд.

– Она еще не проснулась, она просто спала и видела сон.

– Как мы могли слышать ее издали? Даже отец слышал ее. – Фил схватил Джеймса за грудки. – Ты уверен, что с ней все в порядке?

– Минуту назад ты был уверен, что она мертва и лежит в гробу. Теперь ты хочешь гарантий ее безопасности. Я не могу тебе ничего гарантировать. – Он смерил Филадельфию холодным взглядом серых глаз. – Я никогда не делал этого раньше. Я все делаю по учебнику. Кроме того, вероятность ошибки существует всегда. Но... – он повысил голос, увидев, что Фил собирается его прервать, – но если мы оставим Поппи там, ей грозит очень неприятное пробуждение. Ты понял?

Фил медленно разжал руки и отпустил Джеймса.

– Да. Извини. Я просто не могу поверить. – Он поднял глаза и увидел, как потеплел взгляд Джеймса. – Но если она кричала прошлой ночью, значит, она жива?

– Да, жива и очень могущественна, – подтвердил Джеймс. – Мне не доводилось встречать более сильного телепата. Она будет великолепна.

Фил старался не думать о будущем Поппи. Конечно, Джеймс был вампиром, но он выглядел как обыкновенный человек, причем очень красивый и сильный. Тем не менее Фил не мог избавиться от образов голливудских монстров с красными глазами, мертвой кожей и шатающимися зубами. Неужели Поппи станет такой?

Он будет любить ее, даже если она превратится в чудовище. И все же он не уверен, что его рука не будет невольно нашаривать поблизости осиновый кол.

Кладбище Форест Парк ночью волшебным образом преобразилось, словно над ним сгустилась особенная тьма. Хотя на железных воротах висела табличка «После захода солнца посещение мест захоронений воспрещается», ворота были распахнуты.

«Мне здесь не нравится», – подумал Филипп.

Джеймс проехал по асфальтированной дороге, которая окаймляла кладбище, и припарковал машину под высоким старым деревом.

– А если нас кто-нибудь увидит? Здесь нет ночного сторожа?

– Сторож есть, но он сейчас спит. Я позаботился об этом, прежде чем привезти тебя сюда.

Джеймс распахнул дверцу машины и стал выгружать с заднего сиденья множество разных инструментов.

– Помоги мне донести все это.

– Для чего ты взял столько инструментов? – спросил Фил, но все же помог Джеймсу.

Они шли по узенькой тропинке, у них под ногами тихо шуршал гравий. По ветхому деревянному мостику они перешли на другую сторону кладбища и оказались в «стране игрушек».

Кто-то в похоронном бюро именно так назвал это место. Фил слышал, как коллеги Клиффа говорили о том, что в этой части кладбища хоронят детей. Об этом можно было догадаться, даже не видя надписей на могильных плитах, – кругом, сколько хватал глаз, на могилах лежали плюшевые игрушки. Могила Поппи была на краю этого странного печального места. Могильной плиты, конечно, еще не было, на земле выделялась лишь пластиковая табличка.

Джеймс опустил на землю инструменты и внимательно осмотрел их при свете фонаря. Фил молча стоял рядом. Он был порядком напуган: он боялся, что это странное, невысказанное предприятие удастся, и в то же время опасался, что им помешают его завершить. Издали доносился городской шум. Над головой тихо покачивались ветви деревьев.

– Ладно, – сказал Джеймс, – сначала нужно скатать газон.

– Что? – Фил даже не обратил внимания на то, что на свежей могиле уже ровным слоем лежит зеленая трава.

Конечно же, это газон. Джеймс нашел край одной полосы и скатал ее, как ковер. Фил нащупал другой край. Газонные дорожки были длиной около шести футов и шириной примерно полфута и оказались очень тяжелыми. Но скатывать их было совсем несложно.

– Оставь их здесь. Они нам еще понадобятся, – распорядился Джеймс, – нужно, чтобы все выглядело нетронутым.

– Так вот почему ты взял с собой столько инструментов и брезент, – догадался Фил.

– Да. Даже небольшой беспорядок может вызвать подозрения.

Джеймс положил доски по периметру могилы и натянул брезент. Фил помог ему расправить непокорную ткань. Из-под рулонов газонной травы виднелась земля, она была рыхлой и чуть влажной. Фил поставил на землю фонарь и взял в руки лопату.

«Не могу поверить, что участвую в этом безумии», – думал Фил.

Но он действительно должен был довести это дело до конца. Как только он смог сосредоточиться на физических усилиях, ему стало легче, он взял в руки лопату и начал копать.

Земля была мягкой и податливой, казалось, не составляет никакого труда вынимать одну за другой полные лопаты и бросать землю на брезент. Но Фил очень быстро понял, что начинает выдыхаться.

– Это безумие. Здесь нужен экскаватор, – сказал он, вытирая лоб.

– Можешь отдохнуть, если хочешь, – холодно отрезал Джеймс.

Джеймс заменил экскаватор собственной персоной. Он оказался сильнее всех, кого Филипп когда-либо знал. Он работал почти не напрягаясь, играючи.

– Почему ты не записался ни в одну из школьных спортивных команд? – спросил Фил, тяжело налегая на лопату.

– Я предпочитаю индивидуальные виды спорта. Например, борьбу, – отозвался Джеймс и ухмыльнулся, всего лишь на мгновение подняв глаза на Фила.

Это было одно из тех замечаний, которые хорошо понимают в мужской компании. Он имел в виду «борьбу», например с Жаклин или Микаэлой.

Фил не смог удержаться от понимающей ухмылки и не нашелся что ответить, хотя при других обстоятельствах наверняка не удержался бы от какого-нибудь приличествующего случаю неодобрительного замечания.

Несмотря на существенную помощь Джеймса, раскапывание могилы оказалось для Фила делом нелегким. Она была шире и глубже, чем он себе представлял. И когда лопата внезапно ударилась обо что-то твердое, он не сразу понял, что за препятствие встретилось ему в мягкой земле.

– Это свод, – сказал Джеймс.

– Какой свод?

– Погребальный свод. Им накрыли сверху гроб, чтобы он не повредился, если обвалится земля. Вылезай оттуда и подай мне лом.

Фил вылез из могилы и протянул Джеймсу лом. Теперь он и сам хорошо видел бетонный свод, покрывавший подобие склепа, похожего на обыкновенную прямоугольную коробку с крышкой. Джеймс попытался отодвинуть крышку при помощи лома.

– Есть! – воскликнул Джеймс, увидев, что крышка начала поддаваться.

Мало-помалу крышка отодвигалась в сторону. Так вот почему им пришлось выкопать такую огромную яму. Здесь должны были поместиться крышка свода и сам Джеймс.

Филипп взглянул вниз и увидел гроб. На нем лежал букет чуть увядших желтых роз.

Джеймс тяжело дышал, но Фил понимал, что не от усталости. Он и сам задыхался от волнения, а сердце билось так сильно, что, казалось, готово выпрыгнуть из груди наружу.

– О боже, – тихо, почти без выражения произнес он.

Джеймс взглянул на него.

– Да, мы нашли то, что искали.

Джеймс сбросил с крышки гроба цветы и медленно, как показалось Филу, стал развязывать ремни, удерживавшие крышку гроба.

Развязал, немного помедлил, положив руки на полированную деревянную поверхность, затем поднял крышку, и Фил увидел то, что было внутри.

ГЛАВА 12

В гробу на белом бархате лежала Поппи. Ее глаза были закрыты. Она казалась очень бледной и удивительно красивой. Неужели она мертва?

– Проснись, – приказал Джеймс.

Он взял ее за руки, и Филу показалось, что он не только произносит эти слова, но и взывает к ней внутренним голосом.

Последовали долгие минуты полного безмолвия. Джеймс приподнял голову Поппи.

– Поппи, пора. Проснись. Проснись же. Ее ресницы дрогнули.

В душе у Фила все перевернулось. Ему захотелось издать победный крик и упасть на траву, а еще очень хотелось убежать. У него подкосились ноги, и он опустился на колени у края могилы.

– Ну давай же, Поппи, вставай. Надо идти. Джеймс уговаривал ее мягко, но настойчиво, так, словно она никак не могла отойти от наркоза.

Поппи действительно выглядела как тяжелобольная. Фил смотрел на нее с восторгом и с ужасом, а она щурилась, капризно качала головой, наконец открыла глаза и сразу же их

закрыла. Джеймс продолжал ее уговаривать. Но вот Поппи все же открыла глаза и смотрела на мир, как живая.

Поддерживаемая Джеймсом, она села в гробу.

– Поппи, – робко произнес Фил. Он с трудом справлялся с нахлынувшими чувствами, его распирало от счастья.

Поппи осмотрелась, затем потянула носом воздух и резко отвернулась от света фонаря. Она казалась слегка раздраженной.

– Ну давай же.

Джеймс помог ей выбраться из гроба. Это оказалось нетрудно: Поппи была такой миниатюрной. Джеймс поддерживал ее под руки, и она выбралась на закрытую крышкой часть гроба. Фил спрыгнул в могилу и поднял сестру наверх.

Он долго стоял в замешательстве и наконец обнял сестру. Когда Фил отступил, Поппи, прищурившись, посмотрела на него. На ее мраморном лбу пролегла морщинка. Она лизнула указательный палец и провела им по щеке Филадельфии.

– Ты вспотел, – сказала она.

Она говорит, у нее ясные зеленые глаза и нежная живая кожа. Она действительно жива.

Глядя на Поппи, Фил расчувствовался и снова обнял ее.

– Господи, Поппи, ты живая, все в порядке, с тобой ничего не случилось.

Он даже не заметил, что она не обняла его в ответ. Джеймс выбрался из могилы и спросил Поппи:

– Как ты себя чувствуешь?

Его вопрос был продиктован не только любезностью. Казалось, он прощупывает зыбкую почву. Поппи посмотрела сначала на него, потом на Филиппа.

– Я чувствую себя... великолепно.

– Это хорошо, – ответил Джеймс, глядя на нее с опаской, как на огромную гориллу, страдающую слабоумием.

– Я... я хочу есть.

Голос Поппи остался таким же музыкальным и приятным на слух, как и прежде. Фил прищурился.

– Подойди ко мне, Фил, – сказал Джеймс, рукой показывая на место у себя за спиной.

Филу стало не по себе. Поппи... неужели она к нему принюхивается? Это напоминало легкое кошачье пофыркивание. Сейчас она как раз обнюхивала его плечо.

– Фил, я думаю, тебе лучше подойти ко мне поближе, – повторил Джеймс, повысив голос.

Но то, что случилось в следующее мгновение, случилось так внезапно, что Фил шагу сделать не успел.

Маленькие ручки впились в его бицепсы мертвой хваткой. Поппи улыбнулась ему, показав очень острые зубы, и как кобра бросилась к его горлу.

«Я сейчас умру», – решил Филипп со странным спокойствием. Он не мог ее пальцем тронуть. И все же первая «охота» Поппи оказалась неудачной. Ее зубы лишь царапнули ему горло.

– Нет, ты этого не сделаешь! – крикнул Джеймс и, обхватив ее за талию, оторвал от Филадельфии.

Поппи издала крик разочарования. Пока Филипп поднимался на ноги, она не отрывала от него взгляда. Поппи следила за ним, как кошка за ползущей по полу букашкой. Она не отводила от него глаз, даже когда Джеймс говорил ей:

– Это твой брат, Филипп. Твой брат-близнец, помнишь?

Поппи просто смотрела на него не мигая. Фил понял, что она не только живая и прекрасная, но что она совершенно дезориентирована и умирает с голоду.

– Мой брат? Один из наших? – озадаченно спросила Поппи. Ее ноздри трепетали, а губы плотоядно раскрылись. – Он по-другому пахнет.

– Нет, он не из наших. Но его все равно нельзя трогать. Подожди, скоро ты насытишься, – сказал Джеймс и, обратившись к Филу, добавил: – Давай быстрее закапывать эту яму.

Фил с трудом заставил себя сдвинуться с места. Поппи по-прежнему наблюдала за ним – сонно, но внимательно. Она стояла в темноте в своем белом платье с длинными волосами, ниспадающими на плечи, изящная, как лилия, и смотрела на него глазами голодного хищника.

Она больше не человек. Она что-то другое. Она сама сказала это: они с Джеймсом одной породы, а Фил – другой. Теперь она принадлежит Царству Ночи.

«О Господи, может быть, надо было дать ей умереть», – думал Филипп, берясь за лопату дрожащими, внезапно ослабевшими руками. Джеймс уже положил на место крышку погребального свода, и Фил бросал землю, не видя, куда она падает.

– Не будь идиотом, – послышался резкий голос, и твердые пальцы сжали его запястье. Фил смотрел на Джеймса, словно сквозь пелену. – Она сейчас не лучше мертвой. Она не понимает, что происходит, но это пройдет, понимаешь, пройдет.

Грубость и сила подействовали на Фила отрезвляюще. Наверное, Джеймс прав. Жизнь прекрасна, какую бы форму она ни принимала. Поппи сделала свой выбор. И все-таки она изменилась. Время покажет, сколь сильна эта метаморфоза.

Филипп ошибался, думая, что вампиры похожи на людей. Ему было так хорошо, так спокойно с Джеймсом, что он почти забыл о непреодолимой преграде, которая их разделяет. Подобной ошибки он больше не повторит.

Поппи чувствовала себя великолепно. Она была прекрасна и могущественна. Ей казалось, что она обрела новое, совершенное тело: наверное, такие же ощущения испытывает змея, скинув свою старую кожу, под которой обнаруживается новая – красивая и здоровая.

Теперь Поппи была точно уверена, что у нее нет рака.

Болезнь – тот ужас, который сидел у нее внутри, – ушла. Новое тело каким-то волшебным образом убило и поглотило ее. Или, вернее, изменилась каждая клеточка ее тела, каждая молекула.

Никогда еще, даже когда была совершенно здорова, Поппи не чувствовала себя так хорошо. Она ощущала волшебную гармонию собственного тела и осознавала, что оно прекрасно ей служит.

Но ее мучил голод. Ей понадобилась вся сила воли, чтобы не наброситься на блондина, стоявшего на краю могилы. Он – брат. Поппи знала, что это ее брат, но он смертный, и она чувствует запах крови, дарующей жизнь и силу. Силу, которая была ей так необходима.

«Бросайся на него», – нашептывал ей внутренний голос. Поппи нахмурилась и постаралась отогнать от себя эту мысль. Она вдруг почувствовала, как нечто упирается в ее нижнюю губу, и ощупала губы.

Это зуб, маленький изогнутый клык. Ее клыки стали длинными, с заостренными концами и очень чувствительными.

Как странно. Она нежно потерла свои новые зубы, потом потрогала их языком, затем снова чуть надавила губой. В этот миг они уменьшились. Но стоило ей подумать о смертных, как о ягодах, наполненных чудесным соком, как зубы снова удлинились. «Смотри-ка, что я умею!»

Поппи не осмелилась своим открытием мешать двум мрачным парням, которые спешно закапывали яму. Она оглянулась, стараясь отвлечься от мыслей о еде.

Странно, но она не могла понять, что происходит вокруг, день сейчас или ночь. Или солнечное затмение. Для дня слишком сумрачно, для ночи слишком светло. Поппи отчетливо видела листья на верхушках деревьев и бледные крылья мотыльков, порхавших в листве.

Она подняла голову и замерла от изумления. Там, наверху, ярким серебряным светом светила огромная круглая штука. Поппи подумала, что это космический корабль или летающая тарелка, и вдруг поняла: это просто лунный диск. Луна. Обыкновенная полная луна. А такой необыкновенно яркой и большой она кажется потому, что обновленная Поппи обладает даром ночного видения. Так вот почему она так хорошо видит мотыльков, порхающих в кронах деревьев!

Все ее чувства обострились. Вокруг витали тончайшие запахи, запахи лесных зверьков и птиц. Ветер принес мучительно аппетитный запах кролика.

А еще мир вокруг стал многозвучным. Она услышала лай собаки и только потом поняла, что собака находится где-то далеко, за пределами кладбища.

«Готова поклясться, бегаю я тоже очень быстро», – подумала Поппи. Она чувствовала, как сильны ее мускулистые ноги. Ей хотелось пробежаться в этой прекрасной, восхитительно благоухающей ночи, слиться с ней. Она ощущала себя неотъемлемой частью огромного мира.

Джеймс, позвала Поппи. Было так странно обращаться к нему, не произнося вслух ни слова. Она даже не задумывалась о том, как ей это удастся.

Джеймс, не прекращая работы, посмотрел на нее.

Держись, малышка, мы почти закончили, беззвучно ответил он.

Ты научишь меня охотиться?

Джеймс лишь кивнул в ответ. Волосы падали ему на лоб, он выглядел уставшим. Поппи вдруг показалось, что она видит его впервые, – ведь теперь она устремлялась к нему по-новому, все ее чувства обострились. У него не просто шелковистые каштановые волосы, завораживающие серые глаза и мускулистое тело. Он пах чистым зимним дождем, она слышала, как бьется его сердце и как ширится серебристая аура его мощи и силы. Она ощущала, как текут его мысли, по-звериному чуткие, но в то же время нежные и немного печальные.

Теперь мы партнеры на охоте, радостно обратилась к нему Поппи, и Джеймс улыбнулся в ответ. Но он был грустен, и Поппи чувствовала, что он чем-то обеспокоен и старается от нее это скрыть.

Поппи не могла больше думать. Она уже не чувствовала голода, у нее возникло странное ощущение... будто ей не хватает воздуха.

Джеймс и Фил стряхивали брезент и раскатывали рулоны газонной травы. Забавно, раньше она об этом не думала. Ведь она лежала в могиле, ей полагается быть напуганной или содрогаться от отвращения. Но она даже не помнила, что с ней происходило после того, как она уснула в своей спальне, и до того, как Джеймс ее разбудил.

Она все забыла. Все, кроме сна...

– Отлично, – сказал Джеймс, складывая инструменты. – Теперь пора уходить. Как ты себя чувствуешь?

– М-м-м... Немного странно. Не могу глубоко вдохнуть.

– Я тоже, – ответил Фил, тяжело дыша и вытирая лоб. – Никогда не думал, что копка могил такая тяжелая работа.

Джеймс бросил на Поппи пристальный взгляд.

– Как ты думаешь, ты потерпишь с этим, пока мы не приедем ко мне?

– Ну... надеюсь. – Поппи не понимала, что он имеет в виду. С чем она должна потерпеть? И почему он думает, что у него ей станет легче дышать?

– В доме есть пара вполне безопасных доноров, – сказал Джеймс. – Я не хочу, чтобы ты выходила на улицу. Лучше будет, если ты сделаешь это у меня.

На этот раз Поппи поняла, о чем он говорит.

Джеймс хотел, чтобы она спряталась на заднем сиденье машины, но она отказалась. Ей хотелось сидеть впереди, чтобы чувствовать дуновение свежего ночного ветра.

– Хорошо, – в конце концов сдался Джеймс. – Закрой хотя бы лицо рукой. Я поеду задворками. Тебя не должны видеть.

На улицах было пустынно. Приятный ветер обдувал щеки, веял прохладой, но не облегчал ей дыхания. Как Поппи ни старалась, она не могла сделать вдох.

«У меня кислородное голодание», – думала она. Сердце бешено стучало, губы и язык стали сухими, но воздуха все равно не хватало.

«Что со мной?»

Вдруг ее сковала невыносимая боль. Ужасные мышечные судороги, похожие на спазмы, такие, которые бывали у нее, когда она занималась в школе легкой атлетикой.

С трудом преодолевая боль, Поппи вспомнила слова учителя физкультуры: «Спазмы бывают, когда мышцы не получают достаточно кислорода. Судорога – это знак того, что мышцы умирают от голода». Но это же больно! Очень больно. Она не могла даже позвать на помощь Джеймса. Сил хватало только на то, чтобы, уцепившись за дверь машины, судорожно вдыхать воздух. Она с шумом втягивала его в себя, но это не помогало.

Спазмы сковали все ее тело. Поппи была так слаба, что в глазах у нее потемнело. Она чувствовала, что умирает. Случилось что-то страшное, неправильное. Казалось, она тонет и отчаянно пытается вынырнуть на поверхность, чтобы глотнуть немного воздуха... но воздуха нет.

И вдруг она увидела путь к спасению. Увидела или, точнее, почуяла. Машина остановилась на красный свет. Поппи по пояс высунулась из салона и вдруг поняла, что впереди забрезжила жизнь.

Жизнь. Больше всего на свете ей хотелось жить. Поппи не размышляла, она действовала, и действовала молниеносно: резким движением она распахнула дверь и выскочила из машины. Вслед ей послышался страшный

крик Фила, слившийся с криком Джеймса. Она не обратила на них никакого внимания. В этот миг для нее не существовало ничего, кроме одного – желания жить. Она вцепилась в мужчину, идущего по тротуару, подобно тонущему, вцепившемуся в спасателя. Он был высок и для смертного довольно силен. Щеки его заросли щетиной, а кожа казалась даже грязной, но все это не имело никакого значения: стоит ли обращать внимание на упаковку, если внутри пульсирует эта божественная красная жидкость!

На этот раз Поппи не промахнулась. Ее острые зубы мгновенно вонзились в горло мужчины. Он попытался сопротивляться, но быстро обмяк.

Как только Поппи начала пить, ее горло оросила приятная сладковатая прохлада. В ней проснулся звериный голод. Влага на губах казалась дикой, первобытной, каждый глоток возвращал ее к жизни.

Поппи пила и не могла оторваться. Она чувствовала, как уходит боль и на смену ей приходит удивительное ощущение легкости. Оторвавшись на мгновение от своей жертвы и сделав вдох, она поняла, что ее легкие наполняет восхитительный свежий воздух. Она хотела продолжить, но Джеймс оторвал ее от этой удивительной трапезы. Он громко воззвал к ней – и мысленно, и голосом. Его слова звучали спокойно, но требовательно:

– Поппи, прости меня. Это я виноват. Я не должен был заставлять тебя ждать так долго. Но теперь хватит. Остановись.

Поппи увидела, что Филипп, ее брат Филипп, в ужасе смотрит на нее. Джеймс сказал, что она может остановиться, но она не собирается останавливаться. Не хочет останавливаться. Мужчина больше не сопротивляется. Похоже, он без сознания.

Поппи снова склонилась к жертве. Джеймс грубо ее оттолкнул. Он казался бесстрастным, но его голос был резким:

– Слушай, теперь тебе придется выбирать. Ты действительно хочешь убить этого человека?

Эти слова глубоко поразили ее. Убить... Кровь несет с собой могущество, жизнь и силу. Если она выпьет Кровь этого человека, как сок спелого апельсина, она получит силу, которая кроется в самой глубине его существа. Кто знает, какая энергия тогда в ней проснется?

Но... он человек, а не апельсин. Такой же человек, каким была она сама.

Медленно, отрешенно она заставила себя отойти от жертвы. Джеймс с облегчением вздохнул и осел на тротуар, словно силы покинули его. Фил прислонился к стене дома. Он был потрясен, Поппи это чувствовала. Она даже различала слова, которые он произносил про себя, – слова «отвратительно» и «аморально». В его мозгу промелькнула фраза: «Стоило ли спасать ей жизнь, если она потеряла душу?»

Джеймс обернулся, чтобы взглянуть на него, и Поппи увидела яростный серебряный огонь в его глазах.

– Ты ничего не понимаешь, тебе за нее стыдно, да? – разъяренно спросил он. – Ты не понимаешь, что она могла напасть на тебя, но не сделала этого, несмотря на то что почти умирала. Ты не знаешь, что такое кислородное голодание. Это совсем не похоже на жажду – ты задыхаешься, клетки твоего организма умирают от недостатка воздуха, потому что кровь не способна переносить кислород. На свете нет ничего хуже этой боли, но она не напала на тебя, чтобы ее унять.

Филипп казался пристыженным. Он посмотрел на Поппи, потом неуверенно поднял руку.

– Мне очень жаль...

– Ладно, забудь обо всем, – отрезал Джеймс.

Он встал, повернулся к распростертому на асфальте мужчине и осмотрел его. Поппи чувствовала, что он прибегнул к гипнозу.

– Я внушаю ему, чтобы он забыл все происшедшее, – объяснил он Поппи. – Ему нужно

только немного отдохнуть, взгляни, раны на шее уже затягиваются.

Поппи все видела, но не чувствовала радости. Она знала, что Фил по-прежнему не одобряет ее – не за то, что она сделала, а за то, кем она стала. Она бросилась в объятия Джеймса.

Что со мной? Я превратилась в чудовище?

Он крепко обнял ее. Нет, ты просто другая. И совсем не чудовище. А Фил – дурак.

Ей хотелось рассмеяться, но она ощущала привкус печали в его покровительстве и любви. Это походило на ту трепетную грусть, которую Поппи знала в нем раньше. Ему самому никогда не нравилось быть хищником, а теперь он превратил в такого же хищника и ее. Их план удался блестяще, и Поппи никогда уже не будет прежней Поппи Норт.

Хотя она и слышала его мысли, ей не удавалось в полной мере проникнуть в его душу, как это бывало прежде, когда они обменивались кровью. У них никогда больше не возникнет такой полной близости.

У нас не было выбора, мысленно произнесла Поппи и затем, подтверждая свою мысль, сказала:

– Мы сделали то, что должны были сделать. Нужно жить дальше и постараться жить как можно достойнее.

Ты храбрая девочка. Я тебе это говорил?

Нет. Но даже если бы и говорил, я с удовольствием услышала бы это снова.

Потом они молча ехали к дому Джеймса. На заднем сиденье, уставившись в одну точку, мрачно сидел Фил.

– Слушай, припаркуй машину возле вашего дома сам, – попросил Джеймс, доставая из багажника инструменты и одежду Поппи. – Я не хочу показываться с ней в вашем районе и не могу оставить ее одну.

Фил бросил взгляд на темное двухэтажное строение, и какая-то мысль вдруг поразила его. Он откашлялся. Поппи поняла его замешательство. Квартира Джеймса всегда была для нее запретным местом. Ей не разрешалось бывать здесь вечером. Очевидно, Фил вновь решил защищать свою сестру.

– А ты... не можешь просто отвезти ее в дом твоих родителей?

– Сколько раз тебе объяснять? Не могу я привезти Поппи к родителям, потому что мои родители не знают, что она вампир. Сейчас она вне Закона. Это значит, что нужно все держать в тайне до тех пор, пока я не проясню ситуацию – тем или иным образом.

– Как... – начал было Фил и замолчал, качая головой. – Ладно, не сегодня. Поговорим об этом позже.

– Нет, не поговорим, – ответил Джеймс. – Ты уже сделал все, что мог. Остальное касается только меня и Поппи. Езжай, живи, как жил, и держи язык за зубами.

Фил хотел возразить, но сдержался. Он взял ключи от машины и посмотрел на Поппи.

– Я рад, что ты жива. Я люблю тебя, – сказал он.

Поппи чувствовала, что брат готов ее обнять, но что-то удержало их от объятий. В груди у Поппи была пустота.

– Пока, Фил, – сказала она. Фил сел в машину и уехал.

ГЛАВА 13

– Он не понимает, – мягко сказала Поппи, пока Джеймс отпирал входную дверь. – Он не понимает, что ты тоже рискуешь жизнью.

Квартира Джеймса казалась голой, потому что просторные комнаты с высокими потолками были очень скудно обставлены лишь самой необходимой мебелью. В гостиной стоял низкий квадратный диван, стол с компьютером, на стенах висела пара картин в восточном стиле. В углах стояли ящики с книгами. И повсюду вокруг были разбросаны книги.

Поппи обернулась к Джеймсу: – Джейми, я понимаю...

Джеймс улыбнулся ей в ответ. Он был весь мокрый, грязный и казался очень усталым. Но выражение его лица свидетельствовало о том, что Поппи не обманула его ожиданий.

– Не вини Фила, – с неодобрением сказал он. – На самом деле он прекрасно справляется с

трудностями. Я никогда не откровенничал со смертными, но думаю, большинство из них просто испугались бы и убежали, чтобы никогда не возвращаться. Он, по крайней мере, пытается справиться с обстоятельствами.

Поппи кивнула и сменила тему. Джеймс устал, и это значило, что им обоим пора отправляться спать. Она взяла сумку со своими вещами и направилась в ванную.

Поппи была совершенно потрясена, увидев в зеркале свое отражение. Так вот как выглядит Поппи-вампир. Она стала гораздо красивее и отметила это не без удовольствия. Веснушки на носу исчезли, кожа приобрела матовый оттенок. Зеленые глаза сверкали, как драгоценные камни. Волосы лежали тяжелыми локонами и отливали металлическим блеском. «Теперь я уже не похожа на эльфа, сидящего на краю чашки, – подумала Поппи. – Теперь я выгляжу необузданной, опасной и оригинальной. Как топ-модель. Как рок-звезда. Как Джеймс».

Поппи наклонилась к зеркалу, чтобы лучше рассмотреть свои зубы, и коснулась клыков, заставляя их увеличиться. Но вдруг она отпрянула от своего отражения.

Глаза! Сначала она даже не поняла. Боже, неудивительно, что Фил так перепугался. Как только ее клыки выросли, глаза стали серебристо-зелеными, светящимися, как у кошки.

Ее захлестнул ужас. Поппи вынуждена была ухватиться за раковину, чтобы не упасть.

«Я не хочу этого, не хочу…»

Ты должна справиться с этим, дорогая. Теперь ты охотник. Теперь твои глаза становятся серебристыми, когда ты чувствуешь запах крови. Ты должна с этим смириться, другого выхода нет. Так что придется привыкать».

Постепенно ее дыхание замедлилось: в ней происходила какая-то метаморфоза. Она смирилась. Она приняла себя такой, какая она есть. Исчез комок в горле. Поппи больше не чувствовала сонливости и слабости, как тогда, на кладбище, она могла здраво судить о сложившейся ситуации и принимать свою новую жизнь со всеми ее испытаниями.

«Мне не нужно бежать к Джеймсу за утешением, – внезапно сообразила девушка. – Мне не нужны его утешения. Я справлюсь сама. Наверное, так бывает, когда переживешь самое худшее, что может быть на свете». Она потеряла свою семью, свою прежнюю жизнь, свое беззаботное детство, но обрела себя. И это самое главное. Она сняла белое платье и надела футболку и велосипедные брюки. Поппи вышла к Джеймсу с высоко поднятой головой.

Он лежал на огромной кровати в спальне, прикрыв рукой глаза. На нем по-прежнему была грязная одежда. При появлении Поппи он приподнялся.

– Я лягу на диване, – сказал он.

– Не выдумывай, – спокойно возразила Поппи и опустилась на кровать рядом с ним. – Ты смертельно устал, а я чувствую себя в безопасности рядом с тобой.

Не убирая руки от глаз, Джеймс ухмыльнулся.

– Потому что я смертельно устал?

– Потому что я всегда чувствую себя в безопасности рядом с тобой.

В этом она была уверена. Даже когда она была смертной и ее кровь, возможно, была для него огромным соблазном, даже тогда она была с ним в полной безопасности.

Поппи смотрела на Джеймса. Он лежал совсем близко, его каштановые волосы спутались, тело было совершенно расслаблено, он даже не развязал шнурки кроссовок, на которых красовались налипшие комья земли.

– Я забыла тебе кое-что сказать, – прошептала она. – Я только сейчас вспомнила, что забыла тебе сказать, когда… засыпала. Я тебя люблю.

Джеймс сел на кровати.

– Ты просто забыла произнести это вслух.

Поппи почувствовала, как ее губы невольно растягиваются в улыбке. Забавно, похоже, это единственная по-настоящему хорошая вещь, которая случилась с ней в результате ее перерождения. Они с Джеймсом стали действительно близки друг другу. Их отношения изменились, но в них осталось все то, что она так ценила раньше. Чувство товарищества, взаимопонимание. Теперь к этому прибавилась и радость нового узнавания друг друга.

Теперь ей были доступны глубины его души, о которых раньше она не имела никакого представления. Смертным недоступно такое полное взаимопроникновение. Они не способны

заглянуть в мысли партнера. Сколько бы они ни говорили, они не способны узнать о нем даже такой мелочи, как одинаково ли с ними он воспринимает цвета спектра. А Джеймс и она... Даже если им и не суждено больше слиться друг с другом как двум каплям воды, она все равно может коснуться его сознания.

Опершись на плечо, она робко наклонилась над ним. В прежней жизни они так ни разу и не поцеловались. А теперь ей было достаточно просто сидеть рядом с ним, слышать его дыхание и чувствовать тепло его тела. А радость от прикосновения его руки, обнимавшей ее за плечи, была просто непереносима. В то же время его объятие несло ей ощущение надежности и умиротворения.

Это было похоже на песню, одну из тех сладких, берущих за душу песен, от которых мурашки бегут по телу.

Джеймс сжал ее руку, поднес к губам и поцеловал запястье.

Я уже говорил тебе: любят не за внешность или что-то еще. Любовь – это когда другой человек поет песню, которую можешь понять только ты.

Сердце Поппи стучало так, что было больно в груди, и она сказала:

– Мы всегда пели одну песню, даже в детстве.

– В Царстве Ночи существует представление о духовных супругах. Говорят, что у каждого есть лишь один партнер, одна-единственная родственная душа. Это человек, который идеально тебе подходит, и именно он должен стать твоей судьбой. Беда в том, что почти никто не находит духовного супруга просто потому, что людей часто разделяют огромные расстояния. Так что большинство проходит по жизни, так и не обретя свою половинку.

– Думаю, это так и есть. Я всегда знала, что ты – моя половинка.

– Не всегда.

– Ну да. С пяти лет. Я помню.

– И я всегда знал, что ты мне идеально подходишь, хотя все говорило мне, что ситуация безнадежна. – Он кашлянул и добавил: – Поэтому я и встречался с Ми-каэлой и другими девчонками. Они мне были безразличны, но я мог быть близок с ними, не нарушая Закона.

– Я знаю, – сказала Поппи. – То есть я хочу сказать, что подбзревала об этом где-то в глубине души... Джеймс, кем я теперь стала?

О многом она догадывалась, она чувствовала, как изменилось все ее естество. Но Поппи хотела знать больше, и Джеймс понимал почему: она вступила в новую жизнь и хотела знать о ней все.

– Ну что ж... – Он облокотился на спинку кровати, откинув голову, чтобы лучше видеть Поппи, которая положила голову ему на грудь. – Ты очень похожа на меня. Преобразованные вампиры не старятся, и у них нет семьи, в остальном же они похожи на всех остальных вампиров. Что еще... Ты уже знаешь, что мы видим и слышим лучше мертвых, ты собаку съела в телепатии.

– Но я могу прочесть мысли далеко не каждого человека.

– Этого не умеет ни один вампир. И со мной сколько раз случалось, что я мог понять лишь в общих чертах, о чем думает мой собеседник. Единственная возможность узнать наверняка... – Джеймс открыл рот и щелкнул зубами.

– А как часто я должна... – Поппи щелкнула зуба-ми в ответ.

– Кормиться? – Джеймс стал серьезным. – Раз в сутки. В противном случае тебе грозит кислородное голодание. Ты можешь есть и человеческую пищу, если хочешь, но от нее нет проку. Для нас важнее всего кровь.

– Чем больше крови, тем больше силы?

– В общем, да.

– А что еще мы умеем? Ну, помимо телепатии, что мы можем делать?

– Наше тело подвластно нам в большей степени, чем . мертвым. Мы легко восстанавливаемся после любых ранений, кроме ран, нанесенных деревом. Дерево может ранить нас и даже убить. – Он усмехнулся. – В этом создатели фильмов ужасов правы: удар осиновым колом в сердце разит вампира насмерть. Так же, как и огонь.

– А мы можем превращаться в животных?

– Я не встречал столь могущественных вампиров. Теоретически это возможно, а оборотни

проделывают это постоянно.

– А превращаться в туман?

– Думаю, и оборотни этого не умеют. Поппи с досады стукнула пяткой по постели.

– И спать в гробу нам не обязательно, да? А.. .а.. .а... мы можем ходить по воде?

– Конечно. И умеем проникать незваными в дома смертных, а также можем без ущерба для здоровья хоть весь день напролет валяться в чесноке. Мы его не любим просто потому, что он дурно пахнет. Что еще?

– Расскажи мне о Царстве Ночи. Теперь оно стало моим домом.

– Я рассказывал тебе о клубах? В каждом большом городе у нас есть свои клубы, впрочем и в маленьких городках тоже.

– Что это за клубы?

– Некоторые из них похожи на притоны, другие – на кафе, третьи – на ночные клубы. Есть еще ложи, но они, как правило, для взрослых. Я знаю один детский клуб: это обычное большое складское помещение, где можно покататься на роликах. А в «Черном ирисе» каждую неделю проходят поэтические вечера.

«Черный ирис», – подумала Поппи. Это название напомнило ей о чем-то. О чем-то неприятном.

– Какое забавное название...

– Все клубы названы в честь какого-либо цветка. Черные цветы – символы Царства Ночи. – Он закатал рукав, чтобы показать ей свои наручные часы. В центре циферблата красовался черный ирис. – Видишь?

– Да. Знаешь, я иногда замечала подобные изображения, но никогда не обращала на них внимания. Скорее всего, потому, что принимала их за Микки Мауса.

Он легонько щелкнул ее по носу в знак порицания.

– Это очень серьезно, детка. По этим штучкам люди Царства Ночи легко узнают своих, даже если это самые тупые оборотни.

– Ты не любишь оборотней?

– Если тебе нравятся законченные дебилы, с оборотнями тебе будет интересно.

– Но вы допускаете их в свои клубы.

– В некоторые клубы. Обитатели Царства Ночи не могут выходить замуж или жениться на смертных, но они могут вступать в союз с ламиями, преобразованными вампирами, оборотнями, обеими категориями ведьм.

Поппи, страшно занятая переплетением их пальцев в тугий узел, вздрогнула и переспросила:

– Обе категории ведьм?

– Ой... ну, да. Есть ведьмы, которые знают о том, какими способностями обладают, и специально обучаются, другие не подозревают о своих талантах. Люди называют их экстрасенсами. Некоторые из них обладают скрытой силой, иные не настолько проникательны, чтобы обнаружить существование Царства Ночи, поэтому так никогда в него и не попадают.

Поппи кивнула.

– Ясно. А что будет, если в такой клуб зайдет смертный?

– Его никто не пустит. Туда трудно проникнуть. Кроме того, клубы надежно охраняются.

– Ну а если это все же случится?

Джеймс вздрогнул. Его голос неожиданно стал совершенно бесцветным.

– Его убьют, если никто не захочет взять его домой в качестве игрушки или слуги. Он будет жить вместе с вампирами, но ничего не поймет из-за воздействия на его сознание и превратится в своего рода лунатика. У меня была няня... – его голос задрожал, и Поппи почувствовала, как мучают его неприятные воспоминания.

– Ты расскажешь мне о ней в другой раз, – сказала она, ей не хотелось причинять Джеймсу боль.

– М-м...

Джеймс засыпал. Поппи поудобнее устроилась на его плече.

Удивительно, как после всего пережитого она могла уснуть. Но так или иначе, она спокойно засыпала. Ведь рядом с нею был ее духовный супруг.

Фил никак не мог заснуть. Стоило ему смежить веки, как перед внутренним взором возникала Поппи: Поппи, лежащая в гробу, Поппи, следящая за ним глазами голодной кошки, Поппи, оторвавшаяся от горла незна-комца и облизывающая красные, будто испачканные ягодным соком губы.

Она больше не человек. Хотя он был подготовлен к такому повороту событий, принять это оказалось очень трудно.

Ему не нравилось, что она бросается на людей и вгрызается им в горло. Ему не нравилось, когда людей сначала очаровывают, затем пьют их кровь, а потом гипнотизируют, чтобы они ничего не помнили. Все это ужасно, абсолютно все.

Может быть, Джеймс прав, смертным трудно при-мириться с существованием тех, кто совершеннее их в пищевой цепочке. Смертные забыли о своих первобыт-ных предках, те-то хорошо знали, что все живое в этом мире делится на охотника и жертву. Теперь люди думают, что вся эта первобытная чепуха осталась в далеком прошлом. Филиппу было что рассказать этим простодушным. Но главное – он не мог принять новую Поп-пи, а она, в свою очередь, не могла измениться. Единственное, что как-то примиряло Фила со сложившейся ситуацией, – это то, что он по-прежнему любил свою сестру.

Поппи проснулась в сумрачной спальне: портьеры на окнах были плотно задернуты, а другая половина кровати пуста. Но она не испугалась, она инстинктивно напрягла свой мозг, сканируя пространство, и вот наконец поняла, что Джеймс в кухне.

Поппи чувствовала себя очень бодрой, как щенок, которого выпустили порезвиться на лужайку. Но стоило ей очутиться в гостиной, как она почувствовала, что силы ее тают. Глазам стало больно. Она резко отвернулась от слепящего блеска оконного проема.

– Солнце уменьшает силу вампиров, – сказал Джеймс. – Помнишь, я тебе рассказывал?

Он подошел к окну и опустил тяжелые темные портьеры. Лучи полуденного солнца погасли, в комнате воцарился полумрак.

– Это должно помочь. Сегодня тебе лучше не выходить на улицу до наступления темноты.

Преобразованные вампиры особенно чувствительны к свету.

Поппи уловила в его словах какой-то скрытый смысл.

– Ты уходишь?

– Придется выйти из дому. – Он поморщился. – Я совсем забыл, что на этой неделе собирается приехать мой кузен Эш. Я должен убедить родителей выставить его вон.

– Я не знала, что у тебя есть кузен.

Он снова поморщился.

– У меня довольно много родственников. Все они живут на Востоке, в безопасности, – в городе, который контролируют люди из Царства Ночи.

– С ним что-то не так?

– Он безумен. Хладнокровный и безжалостный, к тому же...

– Примерно в тех же выражениях Фил говорил о тебе.

– Нет, Эш – это нечто особенное. Всем вампирам вампир. Думает только о себе и обожает пакостить окружающим.

Ради Джеймса Поппи готова была нежно любить всех его кузенов, но она вынуждена была согласиться, что Эш действительно опасный тип.

– Я не хочу сейчас никого ставить о тебе в известность, – продолжал Джеймс, – и уж тем более Эша. Я собираюсь сказать родителям, что не могу принять его здесь.

«А что мы будем делать дальше?» – подумала Поп-пи. Не может же она прятаться здесь целую вечность. Теперь она – часть Царства Ночи, но оно не желает ее принимать.

Наверняка существует какое-то решение, нужно только его найти.

– Возвращайся скорее, – сказала она, и Джеймс поцеловал ее в лоб.

Это оказалось очень приятно. Возможно, это войдет у них в привычку.

Когда Джеймс ушел, Поппи приняла душ и переоделась. Молодчина Фил, что положил в сумку ее любимые джинсы. Потом она внимательно осмотрела квартиру, ей не хотелось сидеть и думать о подступающих со всех сторон проблемах. На следующий день после собственных похорон совсем не хочется задумываться о насущных делах. Телефон красовался рядом с квадратным диваном и словно издевался над ней. Она с трудом удерживалась от того, чтобы

поднять трубку. Да и кому бы она могла позвонить? Никому. Даже Филу нельзя. Вдруг он не один или мама подойдет к телефону?

«Не думай о маме, идиотка!»

Но было поздно. Поппи захлестнуло внезапное, отчаянное желание услышать мамин голос. Просто услышать «алло» в трубке, просто убедиться, что мама есть, что она существует. Сама она не могла ей ответить.

Быстро, не давая себе времени подумать, Поппи набрала телефонный номер. Она считала гудки. Один, два, три...

– Алло?

Поппи услышала мамин голос... Потом голос исчез, но Поппи хотелось слышать его снова и снова. Она судорожно хватала ртом воздух, по ее щекам текли слезы. Она замерла, теребя в руках провод и слушая тишину, воцарившуюся на другом конце провода, подобно осужденному, ожидающему вынесения приговора.

– Алло. Алло. – Голос миссис Хилгард казался уставшим и безжизненным. Телефонные розыгрыши не могли рассердить женщину, потерявшую дочь.

Потом в трубке раздались короткие гудки.

Поппи прижала трубку к груди, разрыдалась и наконец положила трубку на рычаг.

Больше она никогда этого не сделает. Это даже хуже, чем сознание, что ей никогда больше не суждено услышать мамин голос. Так труднее станет справляться с реальной жизнью, потому что мамин голос говорит ей о том, что мама дома и все дома, а ее, Поп-пи, с ними нет. В ее родном доме жизнь продолжается, но уже без нее.

«Зачем ты себя терзаешь? Почему бы тебе не перестать думать об этом? Попробуй отвлечься». Она включила компьютер, и тут дверь в квартиру открылась.

Услышав позвякивание ключей, Поппи решила, что это Джеймс вернулся. Но затем, еще до того как обернулась, она уже почувствовала, что это кто-то чужой.

Обернувшись, она увидела юношу с пепельными волосами. Он был очень хорош собой, сложен, как Джеймс, и, возможно, чуть старше его. У гостя было приятное лицо с правильными чертами и злые блестящие глаза.

Поппи не могла отвести от него взгляда. Юноша ей ослепительно улыбался.

– Привет, меня зовут Эш.

Она по-прежнему смотрела на него не отрываясь.

– Я видела тебя во сне. Ты сказал: «Вершится черная магия».

– Так ты телепат?

– Что?

– Твои сны сбываются?

– Не всегда. – Поппи взяла себя в руки. – Послушай, а как ты вошел?

Он показал ей ключи.

– Мне их дала тетя Мэдди. Держу пари, Джеймс вел тебе выставить меня за дверь.

Поппи решила, что лучшая защита – это нападение, и, сложив руки на груди, осведомилась:

– Это еще почему?

Эш бросил на нее злобный, насмешливый взгляд. В приглушенном освещении комнаты его глаза казались карими, почти золотистыми.

– А я плохой парень, – просто ответил он. Поппи попыталась изобразить на лице выражение сугубого неодобрения, которое она так часто наблюдала у брата. Но у нее не получилось.

– Джеймс знает, что ты здесь? Где он?

– Понятия не имею. Тетя Мэдди дала мне за завтраком эти ключи и ушла заниматься чьим-то интерьером. А что тебе снилось?

Поппи покачала головой. Она лихорадочно соображала. Очевидно, сейчас Джеймс пытается разыскать свою мать. Как только он с ней поговорит и поймет, что Эш здесь, он немедленно придет. А это значит... что она должна развлекать Эша, пока Джеймс не вернется.

Но как? Поппи совсем не умела кокетничать и очаровывать, быть милой и любезной. А кроме того, она боялась сказать лишнее, опасалась выдать себя.

Зажмурившись для храбрости и заглушая сомнения, она ринулась в атаку.

– Знаешь какие-нибудь новые анекдоты про оборотней?

Эш рассмеялся. У него был приятный смех, и глаза оказались при ближайшем рассмотрении не золотистыми, а скорее серебряными, как у Джеймса.

– Ты еще не сказала, как тебя зовут, маленькая соня, – ответил он.

– Поппи, – ответила Поппи и тотчас же пожалела об этом. Что, если миссис Расмуссен упомянула в разговоре подружку Джеймса, маленькую Поппи, которая только что умерла? С трудом скрывая волнение, она пошла закрыть дверь.

– Хорошее имя для ламии, – одобрил Эш. – Терпеть не могу этих глупостей – брать человеческие имена, а ты как думаешь? У меня три сестры, и все они носят прекрасные старомодные имена: Ровена, Кестрель и Джейд. Отец разбил бы тарелку с кровью, если бы хоть одна из них захотела, чтобы ее называли, например, Сьюзан.

– Или Мэдди? – спросила заинтригованная Поппи.

– Как? Это же укороченное от Мэддер.

Поппи не могла вспомнить, что это такое. Вроде что-то из ботаники.

– Конечно, я ничего не имею против имени Джеймс, – сказал Эш, но его тон ясно свидетельствовал об обратном. – У вас, в Калифорнии, все по-другому. Здесь больше смертных, и вы должны быть осторожны. Так что если кому-то легче жить с именем смертного...

Он пожал плечами.

– Да, это так, – наобум брякнула Поппи.

Она напряженно соображала: «Неужели он играет со мной?»

У нее закралось подозрение, что он обо всем догадался. Чтобы скрыть охватившее ее волнение, Поппи направилась к музыкальному центру.

– Ты любишь музыку смертных? – спросила она. – Техно? Джаз? Хип-хоп? – Она помахала диском у него перед носом. – Здесь есть хорошие диски.

Теперь он вынужден был защищаться. Поппи невозможно было остановить, когда она говорила о музыке. С широко распахнутыми глазами она принялась болтать без умолку, не давая ему вставить хоть слово. Эш сидел на квадратном диване, вытянув длинные ноги. Его синие глаза мерцали.

– Дорогуша, – прервал он ее наконец, – я не люблю перебивать, но нам нужно поговорить.

Поппи была слишком сообразительна, чтобы спрашивать его, о чем именно.

– Нам действительно надо поговорить, – сказал он, – прежде чем вернется Джеймс.

Теперь она не могла уклониться от беседы. Во рту у нее пересохло. Эш наклонился к ней, теперь его глаза были бледно-зелеными, как воды тропических морей. «Они действительно меняют цвет», – подумала Поппи.

– Это не твоя вина, – сказал он.

– Что?

Это не твоя вина, что ты пока не умеешь блокировать свой мозг. Потом ты научишься, сказал он, и Поппи вдруг поняла, что он не произнес эту фразу вслух.

О... Она должна была подумать об этом. Она должна была защитить свои мысли. Поппи попыталась сделать это сейчас.

– Послушай, не надо так стараться, я знаю, что ты не ламия. Ты – преобразованный вампир, и ты вне Закона. Джеймс повел себя очень скверно.

Поскольку отрицать это было бесполезно, Поппи подняла голову и, прищурившись, посмотрела на Эша.

– Так ты знаешь? И что же ты собираешься делать?

– Это зависит...

– От чего?

Он улыбнулся.

– От тебя.

ГЛАВА 14

– Понимаешь, Джеймс мне нравится, – произнес Эш. – Но, по-моему, он слишком добр к

смертным, и я не хочу, чтобы он попал в беду. Тем более я не хочу, чтобы он погиб.

Поппи почувствовала себя так же, как прошлой ночью, когда ее тело умирало от недостатка кислорода. Она застыла и не могла дышать.

– Ты хочешь, чтобы он остался жив? – осведомился Эш таким тоном, словно задавал самый разумный вопрос на свете.

Поппи кивнула.

– Что ж, хорошо, – сказал Эш. Наконец Поппи смогла перевести дух.

– О чем ты говоришь? – Не дав ему ответить, она продолжала: – Ты говоришь, что его убьют, если узнают обо мне. Но они не узнают обо мне, по крайней мере пока ты не расскажешь.

Эш задумчиво уставился на свои ногти. Он скорчил гримасу, всем своим видом стараясь показать, что для него этот разговор столь же болезненный, как и для нее.

– Давай посмотрим фактам в лицо, – сказал он. – Ты в прошлом смертная.

– Да, я действительно в прошлом смертная.

Он взглянул на Поппи с усмешкой.

– Не принимай это так близко к сердцу. Важно, кем ты стала сейчас. Но Джеймс превратил тебя в вампира, ни с кем не посоветовавшись. Верно? К тому же он нарушил запрет и рассказал тебе о Царстве Ночи, прежде чем ты стала одной из нас. Так?

– Откуда ты знаешь? Может, он изменил меня, ничего не рассказав, без моего согласия.

Эш погрозил ей пальцем.

– Нет, Джеймс никогда не сделал бы этого. Он ведь вечно носитя со своими сумасбродными идеями относительно свободы воли, которая должна быть предоставлена смертным.

– Если ты все знаешь, зачем спрашиваешь? – Поппи страшно нервничала. – И если ты уловил суть...

– Суть состоит в том, что он совершил два серьезных проступка, даже три, я готов в этом поклясться. – На его лице снова промелькнула дикая, ослепительная улыбка. – Прежде всего, он наверняка в тебя влюблен, коли пошел на остальные преступления.

Что-то беспомощно билось у Поппи внутри, как птичка о прутья клетки. Она едва смогла вымолвить:

– Не понимаю, как можно издавать законы, запрещающие любить! Этого невозможно требовать!

– Неужели не понимаешь? Вот ты – прекрасный пример. Из-за любви Джеймс нарушил Закон молчания и проболтался тебе о Царстве Ночи, а затем изменил тебя. Если бы он смог обуздать свои чувства к тебе в самом начале, ничего не случилось бы.

– А что, если не можешь обуздать свои чувства? Невозможно заставить разлюбить!

– Конечно, нет, – сказал Эш, и Поппи замерла, молча глядя на него.

Губы Эша застыли в презрительной гримасе, он наклонился к Поппи.

– Я открою тебе секрет. Старейшины знают, что невозможно заставить разлюбить. Зато они могут запугать тебя так, что ты не сможешь показать свои чувства, а в идеале – не сможешь признаться в них даже самому себе.

Поппи отшатнулась от него. Никогда еще она не чувствовала себя такой беспомощной. Разговор с Эшем поднял в ней целую бурю, она словно стала вдруг маленькой девочкой, глупенькой и ни в чем не уверенной.

Она лишь махнула рукой в полнейшей растерянности.

– Я не могу изменить прошлое...

– Но у тебя есть настоящее, и в нем ты можешь действовать. – Единым легким движением он вскочил на ноги и начал быстро ходить по комнате. – Действовать немедленно. Мы должны очень быстро все обдумать. Очевидно, все здесь считают тебя мертвой.

– Да, но...

– Значит, ответ прост. Ты должна уехать из города и оставаться вне его как можно дольше. Уезжай туда, где тебя никто не знает, где никто не спросит тебя, настоящий ты вампир или вне закона. Ведьмы! У меня есть кузины в Лас-Вегасе, они тебя приютят. Главное – уехать как можно быстрее, немедленно.

У Поппи голова шла кругом, она чувствовала слабость во всем теле и казалась себе совсем разбитой, как будто только что сошла с русских горок в Диснейленде.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, – слабым голосом сказала она.

– Я тебе все объясню по дороге. Собирайся. Если нужно, возьми с собой что-нибудь из одежды.

Поппи тряхнула головой, словно стараясь отогнать от себя этот кошмар.

– Послушай, я не понимаю, о чем ты говоришь, и никуда не поеду. Я должна дождаться Джеймса.

– Как ты не понимаешь?! – Эш перестал кружить по комнате и остановился рядом с ней. Его глаза приобрели зеленоватый оттенок и гипнотический блеск. – Именно этого тебе и не следует делать. Джеймс не должен знать, где ты.

– Что?

– Неужели ты не понимаешь? – снова спросил Эш. Он развел руками и заговорил с видимым сожалением: – Ты ставишь под угрозу жизнь Джеймса. Одного взгляда на тебя достаточно, чтобы понять, кто ты и что с тобой произошло. Пока ты здесь, его жизнь в опасности. Ты – очевидное свидетельство совершенного им преступления.

Поппи поняла все.

– Но я могу дождаться Джеймса, и мы вместе с ним уедем.

– Это ничего не изменит, – мягко возразил Эш. – Куда бы вы ни направились, пока вы вместе, ты представляешь для него несомненную угрозу. Едва взглянув на тебя, любой вампир почует правду.

У Поппи все плыло перед глазами и подкашивались ноги, а Эш все говорил и говорил:

– Я не хочу сказать, что, уехав, ты сама будешь в безопасности. Опасность будет следовать за тобой по пятам, потому что ты в прошлом смертная. Но в этом случае никто не узнает о преступлениях Джеймса. Это единственный способ сохранить ему жизнь. Понимаешь?

– Да, теперь понимаю.

Казалось, земля уплывает у нее из-под ног и она падает в темную ледяную бездну. И ей не за что уцепиться.

– Разумеется, от тебя нельзя требовать, чтобы ты покинула его навсегда. Ты не способна на такую жертву...

Поппи подняла голову. Она ничего не видела, чувствовала себя опустошенной и больной, но ее слова, обращенные к Эшу, были исполнены презрения:

– После всего, что он для меня сделал? Хорошего же ты обо мне мнения!

Эш склонил голову.

– Ты храбрая девочка. Даже не верится, что когда-то ты была смертной. – Затем он поднял голову и холодно спросил: – Ну, так ты будешь собирать вещи? Или поедешь налегке?

– У меня почти ничего нет, – помедлив, ответила Поппи. Каждое слово и движение причиняли ей боль. Она направилась в спальню, и ей казалось, что весь пол под ногами усыпан осколками битого стекла. – Едва ли у меня будет багаж. Но я должна написать Джеймсу записку.

– Нет-нет, ни в коем случае, – возразил Эш. – Ты не должна этого делать. Джеймс так благороден и так тебя любит, что, если ты напишешь ему, где ты, он немедленно помчится следом за тобой. И что вы тогда будете делать?

Поппи кивнула.

– Я... хорошо.

Покачав головой, она вошла в спальню. Она не собиралась с ним спорить, но и следовать его советам тоже не считала нужным. Поппи заперла за собой дверь спальни и постаралась сосредоточиться. Она представила, что ее мозг окружает каменная стена.

За тридцать секунд Поппи собрала сумку, засунув в нее футболку и белое платье. Затем взяла со столика книгу и нашарила в ящичке комода ручку. Вырвав из книги чистый титульный лист, она быстро написала:

Дорогой Джеймс!

Мне очень жаль, но если я останусь здесь, чтобы объяснить тебе все, ты постараешься меня остановить. Эш открыл мне глаза: пока мы вместе, твоей жизни угрожает опасность. Я не

могу этого допустить. Если с тобой что-то случится, я умру. Я действительно умру.

Я уйду. Эш отвезет меня туда, где ты не сможешь меня найти. Там меня никто не знает, и я буду в безопасности. А тебе ничто не будет угрожать здесь. И все же, несмотря на то что мы не вместе, мы никогда не будем чужими.

Я люблю тебя, и буду любить всегда. Но я должна это сделать.

Прощайся за меня с Филом.

Твоя духовная супруга Поппи.

Поппи поставила подпись, слезы капали на бумагу. Она положила листок на подушку и вышла к Эшу.

– Ну полно, хватит, не плачь. Ты поступаешь правильно.

Он обнял ее за плечи, а Поппи чувствовала себя слишком несчастной и слабой, чтобы его оттолкнуть. Вдруг Поппи подняла глаза на Эша.

– Кстати, ты ведь тоже подвергаешь себя опасности. Что, если кто-нибудь решит, будто это ты превратил меня в вампира?

Он посмотрел на нее широко открытыми серьезными глазами. Теперь они казались синими.

– Я рискну, – ответил он, – я очень тебя уважаю.

* * *

Джеймс перепрыгивал через две ступеньки, посылая телепатические послания. Он отказывался поверить в то, что подсказывали ему его чувства. Она должна быть там. Должна...

Он открыл дверь в одно мгновение и уже с порога позвал:

Поппи! Поппи, отзовись! Поппи!

И даже теперь, когда дверь была распахнута? и его мысли отскакивали от стен пустой квартиры, он по-прежнему не мог в это поверить. Он осмотрел все комнаты. Сердце громко колотилось в груди. Ее сумка исчезла, одежда тоже. Поппи нет.

Он выглянул в окно гостиной – из него была видна вся улица, – но и там Поппи не было.

Не было там и Эша, разумеется.

Джеймс был в отчаянии. Весь день он гнался за матерью с одного объекта на другой, стараясь ее перехватить. А найдя миссис Расмуссен, он узнал, что Эш уже прибыл в Эль Камино, получил ключ от его квартиры и отправился к нему несколько часов назад.

Он наедине с Поппи?! Об этом даже страшно подумать.

Джеймс сразу же позвонил домой, ему никто не ответил. Он побил все рекорды скорости, но оказалось слишком поздно.

Ах, Эш, змей! Если ты ее хотя бы пальцем тронешь...

Он понял, что снова и снова обходит квартиру, пытаясь найти хоть что-нибудь, что помогло бы ему восстановить ход событий. Вдруг в спальне он увидел светлый листок, выделявшийся на яркой цветной наволочке.

Записка. Он схватил ее и пробежал глазами. Дочитав до конца, Джеймс похолодел. Его охватила ярость, сейчас он мог бы убить.

На бумаге виднелись светлые круглые пятна. Слезы. Он переломает Эшу все кости, медленно и методично, одну за другой.

Джеймс аккуратно свернул записку и положил в карман. Взяв из шкафа кое-какие вещи, он вышел из квартиры и, спускаясь по лестнице, позвонил по мобильному телефону матери.

– Мам, это я, – сказал он, услышав гудок автоответчика. – Мне нужно уехать на несколько дней, уладить кое-какие дела. Если увидишь Эша, позвони мне. Я хочу с ним поговорить.

Он не сказал «пожалуйста». Он знал, что его голос звучит резко и зло. Но ему это было безразлично. Он надеялся, что его тон напугает родителей. \

В эту минуту он готов был убить одним большим осиновым колом и мать, и отца, и Старейшин Царства Ночи.

Детство кончилось. За неделю он пережил столько потрясений, видел лицо смерти и обрел любовь. Он стал взрослым.

Джеймса переполняла холодная ярость, готовая смести все на своем пути. Все, что

помешало бы ему вернуть Поппи.

Он быстро и аккуратно вел машину по улицам Эль Камино и по пути сделал еще несколько телефонных звонков. Он связался с «Черным ирисом», чтобы убедиться, что Эша там нет. Он обзвонил еще несколько клубов, хотя и не был уверен, что застанет его там. Поппи написала, что Эш намерен увезти ее далеко.

Но куда?

«Будь ты проклят, Эш! Куда ты ее увез?»

Фил упрямо пялился на экран телевизора, не видя изображения. Как он мог вникнуть в суть ток-шоу или выпусков новостей, если мысли его постоянно возвращались к сестре? Может быть, она сейчас смотрит те же ток-шоу или вгрызается в горло случайным прохожим...

Он услышал визг тормозов на стоянке рядом с домом. Как-то так вышло, что он вскочил раньше, чем его ухо уловило звук работавшего мотора. Удивительно, но он сразу понял, кого увидит спустя мгновение. Вероятно, мотор машины Джеймса очень легко узнать. Фил открыл дверь, когда Джеймс еще только подходил к дому.

– Что случилось?

– Пошли.

Джеймс направился к машине. Его движения были исполнены энергии и едва сдерживаемой властности. Фил никогда раньше не видел его таким. Он был словно окутан облаком белой раскаленной ярости.

– Что с тобой?

Джеймс взялся за ручку дверцы.

– Поппи исчезла.

Фил в ужасе оглянулся по сторонам. На улице никого не было, но дверь дома была открыта. А Джеймс кричал так, будто забыл о том, что его могут услышать.

Наконец Фил обрел дар речи:

– Что ты имеешь в виду...

Фил замолчал, захлопнул дверь дома и направился к машине Джеймса. Тот распахнул перед ним дверцу.

– Что ты имеешь в виду? Что значит «исчезла»? – переспросил Фил, едва оказавшись в машине. Джеймс нажал на газ.

– Мой кузен Эш увез ее куда-то.

– Эш? Кто это?

– Покойник, – отрезал Джеймс, и Фил сразу понял, что речь идет не о ходячем зомби. Слова Джеймса означали, что Эш станет покойником, настоящим покойником и, очевидно, очень скоро.

– Ну и куда он ее увез?

– Я не знаю, – процедил Джеймс сквозь зубы, – не имею ни малейшего представления.

Помедлив минуту, Фил сказал:

– Что ж, ладно.

Он не понимал, что происходит, но одно было очевидно. Джеймс слишком зол и слишком сильно жаждет мести, чтобы рассуждать здраво. Он казался вполне рассудительным, но в то же время вел машину в городской черте со скоростью пятьдесят пять миль в час и при этом не знал, куда направляется.

Удивительно, но Фил был довольно спокоен, хотя, если вспомнить всю прошедшую неделю, у него постоянно сдавали нервы, в то время как Джеймс ни на минуту не потерял самоконтроля. Однако стоило Филу оказаться рядом с человеком, совершенно не владеющим собой, как он тут же успокаивался.

– Слушай, погоди, – сказал он. – Не гони так, притормози, слышишь? Может быть, мы едем в совершенно неверном направлении.

Джеймс нажал на тормоз.

– Расскажи мне об этом Эше. Зачем ему понадобилось увозить Поппи? Он что, ее похитил?

– Нет. Он ее убедил. Он доказал ей, что рядом с ней мне постоянно будет грозить опасность. Это единственное, что могло ее убедить уехать.

Держась одной рукой за руль, Джеймс залез в карман и отдал Филу сложенный листок. Это была страница, вырванная из книги. Фил прочитал записку и судорожно сглотнул. Он бросил взгляд на Джеймса, который смотрел прямо перед собой на дорогу.

Фил вздрогнул, ему было не по себе оттого, что он невольно заглянул в чужую душу, оттого, что он увидел боль в глазах Джеймса. Твоя духовная супруга Поппи? Ну и ну.

– Она очень тебя любит, – неуверенно сказал он. – И я рад, что она хочет попроситься со мной.

Он аккуратно сложил записку и положил ее в бардачок. Джеймс взял ее и снова сунул в карман.

– Эш сыграл на ее чувствах, чтобы заставить уехать. Он, как никто, умеет заговаривать зубы.

– Но зачем ему это?

– Во-первых, он любит девушек, особенно красивых. Он настоящий Дон Жуан. – Джеймс выразительно посмотрел на Фила. – Теперь она принадлежит ему одному. Во-вторых, он просто любит манипулировать людьми, играть ими, как кошка с мышью. Он немного поморочит ей голову, а затем отдаст.

– Кому? – Фил похолодел.

– Старейшинам. Кому-нибудь, кто поймет, что она не рожденный вампир.

– А потом?

– Потом они ее убьют.

Фил схватился за приборную доску.

– Подожди, ты хочешь сказать, что твой кузен отдаст ее на смерть?

– Таков Закон. Любой рожденный вампир сделал бы то же самое. Моя мать поступила бы так не задумываясь. – В его голосе слышалась горечь.

– А Эш, он вампир? – тупо спросил Фил.

– Все мои кузены вампиры, – ответил Джеймс с коротким смешком. Вдруг выражение его лица изменилось, и он резко нажал на педаль тормоза.

– Какого черта, Джеймс, здесь же есть знак! – закричал Фил.

Джеймс вывернул руль и машина, развернувшись на середине улицы, проехала по чьей-то лужайке. – В чем дело? – властно спросил Фил, все еще не в силах оторваться от приборной панели.

Джеймс действовал как во сне.

– Я понял, где они могут быть. Куда он ее отвез. Он рассказывал ей о безопасном месте, где никому до нее не будет дела. Но вампиры – они сразу заинтересуются ею.

– Так она среди людей?

– Нет, Эш ненавидит смертных. Он наверняка отвез ее в место, связанное с Царством Ночи, туда, где он играет видную роль. А ближайший город, который контролируют вампиры, – Лас-Вегас.

У Фила челюсть отвисла: Лас-Вегас контролируется вампирами? Он чуть не рассмеялся. Ну конечно же, это очень похоже на правду.

– А я всегда думал, что там заправляет мафия, – сказал он.

– Так и есть, – серьезно ответил Джеймс, выезжая на автостраду, – просто это другая мафия.

– Постой, но ведь Лас-Вегас – большой город. – Да нет, не очень. Но это не имеет значения. Я знаю, где они могут быть. Не все в моей родне вампиры, есть еще и ведьмы.

Фил поднял брови.

– Неужели? И как же ты это устроил?

– Это не я устроил, а мой прапрадедушка около четырехсот лет назад. Он кровно породнился с семьей ведьм. На самом деле они мне не родные, они дальние родственницы. Им, вероятно, и в голову не придет, что Поппи преобразованный вампир. Эш точно поехал к ним.

– Это наши дальние родственники, – разглагольствовал Эш. Они с Поппи ехали в золотом мерседесе Расмуссенов. Эш настоял, чтобы тетя Мэдди позволила ему ездить на этой машине. – Они не станут тебя подозревать. Ведьмы не могут отличить рожденного вампира от преобразованного.

Поппи молча смотрела в окно. Смеркалось, у них за спиной садилось красное солнце. Все вокруг казалось таинственным и чужим. Поппи ожидала увидеть пустыню желто-коричневой, но здесь оказалось много растений, и в ландшафте преобладали серо-зеленые тона. Все растения здесь украшали шипы. Странное убежище для изгнанницы. Поппи чувствовала, что она оставила позади не только свою прежнюю жизнь, но и все, что когда-либо знала о ней.

– Я позабочусь о тебе, – нежно сказал Эш.

Поппи даже не повернула головы.

Сначала Невада предстала взору Филадельфии как вереница ярких огней во тьме. По мере приближения к границе штата огни увеличивались в размере и мигали, посылая им яркие неоновые послания. Туда, в это море огней, увозит Поппи какой-то парень с репутацией Дон Жуана.

– Прибавь скорость, – сказал он Джеймсу, когда огни остались позади и они выехали в темную и безлюдную пустыню. – Давай, эта машина способна на большее.

* * *

– Ну, вот мы и в Лас-Вегасе, – сказал Эш таким тоном, будто намеревался положить к ногам Поппи весь город. Но она видела лишь огни на облаках, огни, напоминавшие отсвет восходящей луны. Только когда они уже катили по улицам города, Поппи поняла, что это не луна, а огни города, освещавшие облака. Лас-Вегас походил на блестящий водоем среди высоких гор.

Что-то всколыхнулось в Поппи, вопреки ее воле. Ей всегда хотелось посмотреть мир. Дальние страны, экзотические земли. И все было бы замечательно, если бы рядом был Джеймс.

Но это настроение быстро улетучилось, едва Поппи рассмотрела город вблизи. Из драгоценности он превратился в аляповатую дешевку, наполненную цветом, огнями и движением.

– Стрип, – объявил Эш. – Ты наверняка знаешь, что на этой улице расположены знаменитые казино. На свете нет другого такого места.

– Наверное, это так, – ответила Поппи, глядя по сторонам.

С одной стороны от нее темнела пирамида отеля с огромным сфинксом у входа. В глазах сфинкса горели лазеры: По другую сторону дороги виднелась гостиница на колесах, с объявлением «18 долларов за ночь».

– Вот оно, Царство Ночи, – сказала она с ироничной улыбкой и почувствовала себя очень взрослой.

– Да, только для туристов, – отозвался Эш. – Но это хороший бизнес, и ты можешь вступить в долю. Хотя лучше я покажу тебе настоящее Царство Ночи. Но сначала мы навестим моих кузин.

Поппи решила не говорить Эшу, что не хочет знакомиться с Царством Ночи в его обществе. Что-то в его манерах начинало ее раздражать. Он вел себя так, будто назначил ей свидание, а не сопровождал в изгнание.

«Но он единственный, кого я здесь знаю, – подумала она, ощутив предательский спазм в желудке. – И у меня ничего нет, даже восемнадцати долларов за ночь в этой трущобе на колесах». Было в этой ситуации и кое-что похуже. Она проголодалась и уже начинала ощущать недостаток кислорода, но не хотела ни на кого нападать на улице, потому что не была больше тем страшным бездумным животным, которое набросилось прошлой ночью на случайного прохожего.

– Приехали, – объявил Эш.

Они въехали на боковую улицу, темную и не такую людную, как Стрип. Эш вел машину по переулку.

– Что ж, давай посмотрим, дома они или нет.

По обеим сторонам узкой улочки стояли высокие дома из железобетонных блоков. На фоне неба темнели линии электропередачи. Эш постучал в дверь одного из блоков. На двери с наружной стороны не было ни ручки, ни каких-либо надписей или отличительных знаков, только граффити. На рисунке был изображен черный георгин.

Поппи смотрела на машину и пыталась контролировать свое дыхание: вдох, выдох, медленно и глубоко. Все в порядке, она еще может дышать. Дверь открылась, и Эш в нее заглянул.

– Это Поппи, – сказал он, обвивая рукой ее талию.

Помещение, куда они вошли, напоминало магазин, где продаются травы, свечи и кристаллы. И множество других странных вещей, назначения которых Поппи не знала.

– А это мои кухни. Вот Блейз, а это Теа.

Блейз была поразительно красивой девушкой с копной темных кудрявых волос, а Теа – худенькой блондинкой. И обе они начали расплываться у нее перед глазами.

– Привет.

Поппи произнесла самое длинное приветствие, на которое была способна.

– Эш, что с ней? Ей плохо. Что ты с ней сделал? Большие карие глаза Теа смотрели на Поппи с состраданием.

– Ерунда, ничего особенного, – ответил Эш, всем своим видом выражая искреннее удивление, словно только что заметил, что с Поппи что-то неладно. Поппи поняла, что он из тех, кого ничуть не интересуют окружающие. – Думаю, она просто голодна. Сейчас мы выйдем и покормимся...

– О нет, только не здесь. Кроме того, она не сможет, – сказала Теа. – Давай, Поппи. Сегодня я буду твоим донором.

Она взяла Поппи под руку и повела ее в соседнюю комнату. Поппи позволила уложить себя на диван. Она не способна была думать, у нее болело в груди, и даже слово «кормиться» заставляло ее клыки увеличиваться в размере.

«Мне нужно... Я должна...»

Поппи не знала, что делать. В зеркале напротив она видела отражение своего лица, серебристый блеск глаз и хищные клыки. Но она не хотела вести себя как животное, не хотела впиваться зубами в горло Теа. И спросить не могла, не выдав себя как преобразованного вампира. Поппи дрожала, боясь пошевелиться.

ГЛАВА 15

– Ну, давай, все в порядке, – сказала Теа. Казалось, она ровесница Поппи, но нежное участие и внимательный взгляд придавали ей солидности. – Садись вот так.

Она усадила Поппи на продавленном диване и протянула ей запястье. Поппи взглянула на руку и мгновенно поняла. Джеймс давал ей свою кровь из руки. Так вот как надо это делать. По-дружески, как цивилизованные люди.

Она различала голубые вены, бившиеся под кожей. И это зрелище уничтожило последние сомнения. Возобладал инстинкт, и она схватила Теа за руку. Последнее, что она помнила, – это сладкий вкус на губах.

Теплая, солено-сладкая жидкость. Жизнь. Боль отступила. Было так хорошо, что Поппи хотелось плакать. «Неудивительно, что вампиры ненавидят людей, – думала она. – Смертным не нужно охотиться, чтобы получать это чудо, они до краев полны им».

Она вдруг вспомнила: Теа не смертная, она ведьма. Странно, потому что кровь на вкус точно такая же, как у людей. Поппи чувствовала это каждой клеткой своего тела.

«Так, значит, ведьмы – это смертные, но наделенные особой силой, – размышляла Поппи. – Интересно».

Ей стоило большого усилия остановиться. Но она заставила себя оторваться от руки Теа и откинулась на спинку дивана. Немного смущенная, Поппи вытирала губы и старательно избегала взгляда карих глаз Теа.

Только сейчас она поняла, что все это время держала свои мысли под контролем. У них не было такого взаимного проникновения душ, как с Джеймсом. Значит, она уже освоила один из вампирских секретов, и даже быстрее, чем предполагали Джеймс и Эш.

Теперь она действительно почувствовала себя хорошо. Энергичной, уверенной в себе, способной улыбнуться Теа.

– Спасибо, – поблагодарила она.

Теа улыбнулась в ответ, но так, будто считала Поппи немножко не в себе, странной, но милой. Казалось, у нее не было подозрений.

– Все в порядке, – ответила она, разминая запястье и слегка поморщившись.

Теперь Поппи смогла наконец осмотреться вокруг. Комната больше походила на гостиную, чем на магазин. Рядом с диваном стоял телевизор. В конце комнаты размещался большой стол со свечами и курительница-ми для благовоний.

– Это классная комната, – сказала Теа. – Бабушка здесь колдует, и здесь же болтаются ее ученики.

– А другая часть – магазин? – осторожно спросила Поппи, неуверенная, не должна ли она сама обо всем догадаться.

Теа не удивилась.

– Да. Конечно, на первый взгляд может показаться, что в округе недостаточно ведьм, чтобы составить приличную клиентуру. Но на самом деле они приезжают сюда со всей страны. Бабушка очень знаменита, и ее ученики многое покупают.

Поппи кивнула и казалась исполненной должного почтения. Она не осмеливалась задавать вопросы, но страх чуть-чуть отпустил ее. Не все люди Царства Ночи злы и коварны. Она чувствовала, что могла бы подружиться с Теа, будь у них немного времени для общения. Может быть, она смогла бы завести и других друзей в Царстве Ночи.

– Что ж, еще раз спасибо, – пробормотала она.

– Перестань, совершенно не за что. И вот еще что: не позволяй Эшу повсюду таскать тебя за собой. Он совершенно безответственный.

– Теа, ты ранила меня в самое сердце, – заявил Эш. Он стоял в дверях, отодвинув край портьеры. – Но хватит об этом, я тоже чувствую себя неважно... – Он многозначительно поднял брови.

– Отвали, – нежно отозвалась Теа.

Эш смотрел на нее невинным взглядом, и голос его звучал умоляюще.

– Ну немножко, капельку, всего одну маленькую капельку, – твердил он. – У тебя такая нежная белая шейка.

– У кого это?

В комнату вошла Блейз. Поппи показалось, что она вступила в разговор только для того, чтобы привлечь внимание к своей персоне. Стоя в центре комнаты, Блейз откинула назад свои длинные черные волосы, ожидая привычной реакции всеобщего поклонения.

– У вас обеих, – галантно ответил Эш. Затем он, видимо, вспомнил о Поппи. – И конечно, у тебя, малышка, тоже все очень беленькое.

С лица Блейз исчезла победоносная улыбка, и она посмотрела на Поппи долгим тяжелым взглядом. В нем сквозила неприязнь и что-то еще. Подозрение. Поппи его почувствовала. Мысли Блейз были яркими, острыми и коварными, как битое стекло.

Вдруг Блейз снова улыбнулась. Она взглянула на Эша,

– Полагаю, вы приехали на вечеринку?

– Нет. А что за вечеринка?

Блейз вздохнула, что дало ей возможность продемонстрировать низкий вырез блузки.

– Праздник равноденствия, конечно. Тьерри устраивает прием. Там будут все.

Эш колебался. В сумраке классной комнаты его глаза горели, как черные звезды. Наконец он покачал головой.

– Нет, не могу. Я обещал Поппи показать ей город.

– Ну и что, ты можешь прийти позже. Все равно самое интересное начнется как раз после полуночи.

Блейз смотрела на Эша со странной настойчивостью. Тот кусал губы, наконец улыбнулся и покачал головой.

– Что ж, может быть, – ответил он. – Посмотрим, как пойдут дела.

Поппи поняла, что за этой невинной фразой кроется какой-то зловещий смысл. Эш вел немой диалог с Блейз. Но это не была телепатическая связь, иначе Поппи поняла бы их.

– Ну, желаю вам хорошо провести время, – сказала Теа им вдогонку, когда Эш и Поппи шли к машине.

Эш вел машину по Стрипу.

– Если мы поторопимся, то успеем посмотреть на извержение вулкана, – сказал он.

Поппи взглянула на него и ничего не сказала. Потом, немного помолчав, вдруг спросила:

– Что такое праздник равноденствия?

– Это праздник в честь летнего солнцестояния, самого длинного дня в году. Для людей Царства Ночи это такой же праздник, как для смертных День сурка.

– Почему?

– Так было всегда. Это волшебный день. Я бы взял тебя на праздник, но это слишком опасно. Тьерри – один из Старейшин Царства Ночи. – Вдруг Эш воскликнул: – Гляди, вулкан!

На тротуаре перед входом в отель действительно извергался вулкан. По его склонам стекали огненные потоки, из жерла вырывались клубы дыма и пламени. Эш остановил машину посреди улицы.

– Отсюда лучше всего видно, – сказал он. – Все удобства, не выходя из дома.

Вулкан издавал громкие чавкающие звуки. Поппи мрачно смотрела, как из жерла вылетают брызги настоящего огня и по склонам течет лава. Золотые и красные потоки спускались вниз и гасли в озере у его подножия.

– Впечатляет, правда? – спросил Эш, наклонившись к ее уху.

– Да, это...

– Поразительно? Завораживающе? Возбуждающе? – расспрашивал Эш, придвигаясь к ней поближе. Его голос стал нежным и гипнотическим.

Поппи молчала.

– Знаешь, – бормотал Эш, – с моего места гораздо лучше видно. Я могу потесниться.

Он протянул руку, пытаясь ее обнять. Его дыхание обжигало ей волосы.

И вдруг Поппи вонзила локоть ему в живот.

– Ай!

Эш согнулся от боли. «Надо же, ему действительно больно, – подумала Поппи. – Это хорошо». Эш убрал руку и удивленно посмотрел на нее.

– Зачем ты это сделала?

– Затем, что так надо, – рассудительно ответила Поппи. Она чувствовала в себе достаточно силы, чтобы дать ему отпор. – Не знаю, Эш, почему ты решил, что мы с тобой на свидании. Хочу поставить тебя в известность, что это не так.

Эш покачал головой и болезненно улыбнулся.

– Просто ты меня плохо знаешь, – начал было он, – когда мы ближе познакомимся...

– Нет. Никогда. Если я не могу быть с Джеймсом... – Поппи замолчала, потому что у нее дрожал голос, и на глаза навертывались слезы. – Мне больше никто не нужен. – Теперь ее слова звучали спокойно и просто. – Никто.

– Ну, возможно, не сейчас, но...

– Никогда. – Она не знала, как ему это объяснить. Потом ей в голову пришла одна идея. – Ты знаешь о существовании духовных супругов?

Эш открыл было рот, чтобы что-то сказать, но передумал.

– Но это же чушь, – наконец вымолвил он.

– Нет, не чушь. Джеймс – мой духовный супруг. Это правда.

Эш приложил руку ко лбу и рассмеялся.

– Ты это серьезно?

– Да.

– И это твое последнее слово?

– Да.

Эш продолжал смеяться, наконец он вздохнул и возвел глаза к небу.

– Ну ладно, я должен был догадаться. – Он усмехнулся, словно досадуя на собственную несообразительность.

У Поппи отлегло от сердца. Она боялась, что Эш поведет себя грубо или подло. Несмотря на его обаяние, она чувствовала в его душе холод, холод, сквозивший во всех его действиях и словах.

Теперь он вдруг повеселел и, казалось, пребывал в наилучшем расположении духа.

- Ладно, – подытожил Эш. – Если наш роман не удался, поехали на вечеринку.
- Ты ведь говорил, что это опасно. Он махнул рукой.
- Да нет. Просто тебе нельзя идти туда одной, понимаешь. – Он искоса взглянул на нее. –

Извини.

- Может быть, ты отвезешь меня обратно, к твоим кузинам?
- Их наверняка нет дома, – возразил Эш. – Я почти уверен, что они уже уехали к Тьерри.

Ну давай, это будет здорово. Дай мне шанс что-нибудь сделать для тебя.

Поппи одолевали недобрые предчувствия. Но Эш казался таким простодушным, так убедительно говорил... К тому же у нее не было выбора.

- Ладно, – наконец согласилась она, – только ненадолго.

Эш загадочно улыбнулся.

- Совсем ненадолго.

* * *

– Так значит, они должны быть где-нибудь на Стрипе? – спросил Джеймс. Теа грустно вздохнула.

– Мне очень жаль. Я должна была догадаться, что Эш что-то задумал. Но увозить твою девушку... – Она воздела руки к небу. – Но хуже всего то, что он ее, кажется, совсем не интересуется. Так что, по-моему, его ждет сюрприз.

«Да, – подумал Джеймс, – и ее тоже. Поппи нужна Эшу до тех пор, пока он надеется вскружить ей голову. Как только он поймет, что номер не прошел...»

Джеймс старался не думать о том, что может случиться. Скорее всего, это будет короткий визит к любому из Старейшин, чей дом окажется ближайшим по пути. Сердце его стучало, в ушах стоял непривычный звон.

- Блейз поехала с ними?

– Нет, она отправилась на праздник равноденствия. Она зазывала туда и Эша, но он отказался, потому что обещал Поппи показать город. – Теа помолчала и затем вдруг подняла палец. – Постой, ты все-таки загляни на вечеринку. Эш говорил, что, возможно, они тоже туда заедут.

У Джеймса потемнело в глазах и перехватило дыхание. Наконец он осторожно спросил:

- А кто устраивает вечеринку?
- Тьерри Дескуэрдес. У него всегда большие приемы.
- И он Старейшина.
- Что?

– Ничего, не обращай внимания. – Джеймс повернулся и направился к выходу из магазина. – Спасибо за помощь. Созвонимся.

– Джеймс! – Теа беспомощно смотрела на него. – Может, ты немного отдохнешь? Ты плохо выглядишь...

- Я в порядке, – ответил Джеймс уже в дверях. Сев в машину, он сказал:

- Все, можешь вылезать.

Филипп выбрался из-под заднего сиденья.

- Что случилось? Тебя долго не было.
- Думаю, я знаю, где нужно искать Поппи.
- Только думаешь?
- Заткнись, Фил.

У Джеймса уже не было сил на препирательства с Филом. Он думал только о Поппи.

- Ладно, так где же она?

– На вечеринке, там полно вампиров, и будет присутствовать по меньшей мере один Старейшина. Это самое подходящее место, чтобы ее разоблачить. Она уже там или вот-вот придет.

Фил вздрогнул.

- Ты думаешь, Эш это сделает?
- Уверен, именно так он и поступит.

- Надо его остановить.
- Боюсь, мы уже опоздали.

* * *

Вечеринка оказалась довольно странной. Поппи поразил юный вид большинства из собравшихся: среди нескольких взрослых толпились подростки.

- Это преобразованные вампиры, – услужливо пояснил Эш.

Поппи вспомнила, как Джеймс рассказывал о том, что они словно застывают в том возрасте, в котором их застала смерть. Однако и ламии могут остановить старение, когда пожелают. Очевидно, это означает, что Джеймс может повзрослеть настолько, насколько сочтет нужным, она же навсегда останется шестнадцатилетней. Но теперь это уже не имеет никакого значения. Если бы они остались вместе, то остались бы молодыми, а оставшись один, Джеймс, возможно, захочет немного повзрослеть.

И все же странно было видеть девятнадцатилетнего парня серьезно беседующим с четырехлетним ребенком. Дитя было совершенно очаровательно: блестящие темные волосы, веселые, озорные глаза, но в выражении его невинного лица сквозили холод и жестокость.

- Смотри, вон Сирк. Знаменитая ведьма. А рядом с ней Сехмет, оборотень. Не хотел бы я стать ее врагом, – с почтением сказал Эш.

Они с Поппи стояли на лестнице, глядя вниз. В просторном салоне уже собрались гости. Вилла, где устраивалась вечеринка, была самой роскошной, какую Поппи когда-либо доводилось видеть, а уж она-то видела имения в Беверли-Хиллз.

- Понятно, – ответила Поппи, глядя в указанном направлении. Она увидела двух высоких и очень красивых девушек, но так и не поняла, которая из них знаменитая ведьма.

– А это Тьерри, хозяин дома. Он – Старейшина. Старейшина? Парню, на которого указывал Эш, нельзя было дать больше девятнадцати. Он был хорош собой, как и все вампиры, – высокий задумчивый блондин. Он казался даже печальным.

- Сколько ему лет?

– Ой, да я уже забыл. Помню только семейное предание о том, как одна из моих прабабушек когда-то, давным-давно, укусила его и сделала вампиром. Люди тогда еще жили в пещерах.

Поппи решила, что он шутит, но это могло быть и правдой.

- А что делают Старейшины?

– Они издают Законы и следят за их соблюдением. На губах Эша заиграла странная улыбка. Он обернулся и посмотрел на Поппи в упор своими темными змеиными глазами.

И тут Поппи поняла все.

Она быстро отпрянула назад. Но Эш метнулся за ней так же быстро. На противоположном конце лестницы она увидела дверь, побежала к ней и, открыв, поняла, что оказалась на балконе.

Поппи взглядом оценила расстояние до земли, но не успела сделать и шагу, как почувствовала, что рука Эша крепко сжимает ей локоть.

«Подожди, – подсказывал ей внутренний голос, – он сильнее тебя. Дождись удобного случая».

Она заставила себя расслабиться и спокойно встретила взгляд Эша.

- Ты привел меня сюда...

– Ага.

- Чтобы сдать... Он улыбнулся.

– Но зачем?

Эш откинул голову и рассмеялся. Его заразительный мелодичный смех заставил Поппи похолодеть.

- Ты смертная, – ответил он. – По крайней мере, должна быть смертной.

Сердце у Поппи бешено билось, но она оставалась удивительно спокойной. Возможно, неосознанно она уже давно была готова к такому повороту событий. Может быть, это даже правильно. Ей нельзя остаться со своей семьей и нельзя уехать с Джеймсом. У нее нет выбора. Зачем ей Царство Ночи, если оно полно таких, как Блейз или Эш?

– Судьба Джеймса тебя тоже не волнует? – удивилась она. – Чтобы избавиться от меня, ты готов и его поставить под удар?

Эш немного подумал и ухмыльнулся.

– Джеймс сумеет о себе позаботиться. В этой фразе заключалась жизненная философия Эша: каждый сам за себя, и никто никому не помощник.

– И Блейз знала, – догадалась Погаш. – Она знала, что ты задумал, и ничего не сказала, ей все равно.

– От Блейз ничего не ускользнет, – ответил Эш. Он собирался сказать что-то еще, но тут Поппи поняла, что не должна упустить свой шанс.

Она нанесла Эшу удар, очень сильный удар, и попыталась перелезть через балюстраду балкона.

– Оставайся здесь, – сказал Джеймс, тормозя у входа в огромный белый дом, обрамленный пальмами. Джеймс распахнул дверь, но, прежде чем выйти из машины, задержался и повторил: – Что бы ни происходило вокруг, не выходи. И если кто-нибудь, кроме меня, подойдет к машине, немедленно уезжай.

– Но...

– Делай, что я сказал, Фил, если не хочешь заглянуть в лицо смерти сегодня же!

Джеймс со всех ног бросился к дому. Он был слишком напряжен, чтобы услышать, как позади него хлопнулась дверь машины.

– Ах, вот ты как, а казалась такой хорошей девочкой, – прошипел Эш, заломив Поппи руки за спину и уворачиваясь от ударов ногами. – Ну-ну, успокойся.

Он был очень силен. Поппи упиралась изо всех сил, но ничего не могла поделать. Сантиметр за сантиметром он втаскивал ее обратно.

«Все, можно не сопротивляться, – подумала Поппи. – Это бесполезно. Тебе конец».

Она живо представила себе, что сейчас произойдет: ее выведут перед всеми этими изящными красивыми людьми и разоблачат. Она уже видела их безжалостные глаза. Меланхоличный юноша подойдет к ней вплотную, и его лицо преобразится, а из его глаз исчезнет печаль. Он станет страшным. Его клыки заострятся, глаза приобретут серебристый оттенок. Он зарычит и... вопьется ей в горло.

...И она умрет.

Возможно, все будет совсем не так. Возможно, они, в Царстве Ночи, наказывают преступников по-другому. Но как бы то ни было, вряд ли это будет приятно.

«Я не намерена помогать вам!» – подумала Поппи. Она мысленно обратилась к Эшу, излив на него всю свою ярость и горе, – инстинктивно, как ребенок, выкрикивающий в запале страшные оскорбления.

Эш вздрогнул. Он даже на мгновение ослабил хватку, но Поппи и этого было достаточно.

«Я сделала ему больно. Я его достала!»

Она тут же перестала сопротивляться. Всю свою силу и энергию она вложила в телепатический взрыв эмоций, в мысль-бомбу!

Отпусти меня, вампирский ублюдок!

Эш пошатнулся. Поппи снова повторила свой маневр, ее мысли были подобны огненному потоку, мощной бомбардировке.

Отпусти!

Эш отпустил ее. Затем, когда напряжение спало, он вновь попытался ее схватить.

– Не уверен, что ты поступаешь правильно, – в голосе, раздавшемся у них за спиной, звучала сталь.

Обернувшись, Поппи увидела Джеймса. Джеймс, как ты меня нашел? Но он лишь твердил:

– С тобой все в порядке?

– Да, – ответила наконец Поппи.

Какое счастье снова оказаться рядом с ним, обнимать его! Это похоже на пробуждение после ночного кошмара, когда с надеждой открываешь глаза и видишь мамину улыбку. Она спрятала лицо у Джеймса на груди.

– Ты уверена? – Да.

– Хорошо. Подожди немного, я только убью этого парня, и мы пойдем.

Джеймс говорил совершенно серьезно. Поппи читала его мысли и чувствовала движения каждого мускула его тела. Он действительно хотел убить Эша.

Эш рассмеялся, и Поппи вздрогнула от неожиданности.

– Что ж, это будет славная драчка.

«Нет, только не это, – подумала Поппи. – Эш очень опасен и к тому же пребывает в дурном расположении духа. Даже если Джеймс одолеет его, то и сам серьезно пострадает».

– Давай просто уйдем отсюда, – попросила она Джеймса и тихо добавила: – Быстро и незаметно. Думаю, он хочет задержать нас до тех пор, пока сюда не придет кто-нибудь из гостей.

– Нет-нет, – вмешался Эш бодрым голосом, – давайте уладим это, как настоящие вампиры.

– Ну уж нет, – пыхтя, произнес знакомый голос у них за спиной.

Поппи круто обернулась. Перелезая через балконную балюстраду, к ним присоединился запыхавшийся и грязный, но не утративший оптимизма Фил.

– Ты что, никогда не слушаешь, что тебе говорят? – осведомился Джеймс.

– Так-так, смертный в доме Старейшины, – протянул Эш. – И что мы с этим будем делать?

– Слушай, парень, – деловито сказал Фил, отряхивая руки, – я не знаю, кто ты и что это за дом. Но рядом

с тобой моя сестра, и, держу пари, у меня есть право первым раскроить тебе череп.

Последовала долгая пауза. Поппи Джеймс и Эш молча уставились на Фила. Пауза затягивалась. Поппи вдруг поняла, что с трудом сдерживает рвущийся из груди смех. Потом она заметила, что и Джеймс прилагает титанические усилия, чтобы не рассмеяться.

Эш смерил Фила с головы до ног и вопрошающе посмотрел на Джеймса.

– Этот парень все понимает про вампиров?

– В общем, да, – любезно ответил Джеймс.

– И он собирается раскроить мне череп?

– Да, – ответил Фил, – а что тебя, собственно, удивляет?

Снова воцарилось молчание. Поппи чувствовала, как по телу Джеймса пробегает дрожь от подавляемого смеха. Наконец он серьезно произнес:

– Фил чувствует себя очень сильным, когда речь идет о его сестре.

Эш снова взглянул на Фила, потом на Джеймса и на Поппи.

– Что ж, вас трое.

– Да, это так, – ответил Джеймс.

Теперь он был совершенно спокоен и с ухмылкой смотрел на Эша.

– У вас есть численное преимущество. Ладно, сдаюсь. – Он поднял руки. – Ладно, валите, я ничего не буду предпринимать.

– И не вздумай сдать нас, – с угрозой произнес Джеймс.

– У меня и в мыслях не было, – ответил Эш. Его лицо выражало полнейшую невинность. – Я знаю, ты думаешь, что я привел сюда Поппи, чтобы разоблачить вас, но я не хотел этого. Мы просто веселились. Это шутка.

– Ну, разумеется, – отозвался Фил.

– Не утруждай себя враньем, – поддакнул ему Джеймс.

В отличие от них, Поппи совсем не верила Эшу. Она смотрела в его широко раскрытые огромные глаза и чувствовала, что просто так это не кончится.

Очень трудно было читать его мысли. Наверное, потому, что он всегда верил в то, что говорил в эту минуту, или, возможно, потому, что постоянно лгал. Не важно почему, но он оказался самым непостижимым и самым опасным человеком, какого она когда-либо в жизни встречала.

– Ладно, – прервал ее размышления Джеймс, – нам пора. Мы очень тихо и спокойно пройдем через малую гостиную и холл, не останавливаясь, что бы ни случилось. Фил, ты понял? Если нет, то тебе лучше уйти отсюда тем же путем, каким ты пришел.

Фил кивнул. Джеймс обнял Поппи, но помедлил и, обернувшись к Эшу, сказал:

– Знаешь, ты просто никогда никого не любил. Но однажды это случится, ты полюбишь, и

тебе будет очень, очень больно.

Эш ответил ему взглядом, и Поппи ничего не смогла прочитать в его вечно меняющихся глазах. Но как только Джеймс направился к выходу, Эш вдогонку ему сказал:

– Я думаю, ты плохой пророк. Но подружка у тебя что надо. Расспроси Поппи о ее сновидениях.

Джеймс остановился и нахмурился.

– Что?

– А ты, маленькая соня, как следует проверь свою родословную. Очень уж у тебя громкий голос. – Он дружелюбно улыбнулся Поппи. – Ну а теперь пока.

Минуту-другую Джеймс стоял, глядя на своего кузена. Эш с безмятежным видом смотрел на него. Поппи могла бы сосчитать удары своего сердца, которые отмеряли мгновения этого немого поединка.

Наконец Джеймс встрепенулся и вместе с Поппи направился к лестнице. Фил последовал за ними.

Они беспрепятственно прошли через весь дом. Никто их не остановил. Но Поппи почувствовала себя в безопасности, только когда они выехали на дорогу.

– Что он имел в виду, говоря о родословной? – раздался с заднего сиденья голос Филадельфии.

Джеймс странно взглянул на него и ответил вопросом на вопрос:

– Фил, как ты узнал, где надо искать Поппи? Ты увидел ее на балконе?

– Нет, я просто пошел на крик. Поппи обернулась к нему. Джеймс спросил:

– Какой крик?

– Ну, крик. Поппи кричала: «Отпусти меня, вампирский ублюдок!»

Поппи повернулась к Джеймсу.

– Неужели Фил мог это услышать? Я подумала, что просто мысленно обращаюсь к Эшу. Неужели все гости слышали?

– Нет.

– Но тогда... Джеймс прервал ее:

– О каком сне говорил Эш?

– Просто я видела сон, – в замешательстве ответила Поппи. – Я видела его во сне, прежде чем увидела наяву.

У Джеймса на лице появилось очень хитрое выражение.

– Неужели?

– Да. Джеймс, что происходит? Что он имел в виду, когда говорил, что мне нужно проверить свою родословную?

– Он хотел сказать, что ты и Фил – не смертные. Среди ваших предков была ведьма.

ГЛАВА 16

– Ты шутишь! Поппи не могла опомниться от изумления. Филипп недоверчиво фыркнул.

– Я говорю серьезно. Ты ведьма, которая не знает о своих способностях. Помнишь, я тебе рассказывал?

– Да. Есть ведьмы, которые знают о своих способностях и развивают их. А есть такие, которые о них не подозревают. Это...

– Телепаты! – хором произнесли Джеймс и Поппи. – Ясновидящие!

Джеймс продолжал объяснять. Слова лились из него неостановимым потоком:

– Поппи, это ты и есть. Вот почему ты так быстро научилась телепатии. Вот почему у тебя вещие сны.

– И поэтому Фил услышал меня, – догадалась Поппи.

– Нет! – воскликнул Фил, – я тут ни при чем. Хватит!

– Фил, вы близнецы, – убеждал Джеймс. – У вас общие предки. Поэтому я и не мог контролировать твой мозг.

– О нет, нет. – Фил упал на сиденье. – Нет. Я этого не хочу.

– Но от кого же мы получили этот дар? – задумалась Поппи.

С заднего сиденья раздался слабый голос:

– Конечно, от папы.

– Что ж, это кажется логичным, но...

– Это правда. Помнишь, как папа рассказывал о том, что он видит разные странные вещи? Или что его сны сбываются? Поппи, он слышал, как ты звала Джеймса во сне. Джеймс слышал тебя, и я, и папа тоже.

– Так и есть. И это все объясняет о нас. Помнишь, сколько раз у нас были предчувствия о самых разных вещах? Даже у тебя.

– Да, я предчувствовал, что Джеймс какая-то нелюдь.

– Фил!..

– Были и другие верные предчувствия. – В голосе Филадельфия звучала покорность. – Днем я знал, что приедет Джеймс, хотя тогда я решил, что просто хорошо различаю шум мотора.

Поппи дрожала от восторга и удивления, но она не понимала Джеймса. Его переполняла радость, он так ликовал, что Поппи казалось, будто вокруг взмываются вверх фейерверки.

– Что случилось, Джеймс?

– Поппи, ты что, не понимаешь? – радостно кричал Джеймс. – Это означает, что еще до того как стать вампиром, ты принадлежала Царству Ночи. У тебя есть право знать его секреты. Ты наша!

В одно мгновение мир для Поппи перевернулся. У нее перехватило дыхание.

– И мы принадлежим друг другу. Нас никто не может разлучить. Теперь нам не надо прятаться.

– Джеймс, останови машину, я хочу тебя поцеловать, – тихо сказала Поппи.

Они уже вновь ехали по дороге, когда Фил вдруг спросил:

– Куда вы поедете? Поппи не может вернуться домой.

– Я знаю, – мягко отозвалась Поппи.

Она приняла свою новую жизнь. Для нее не было пути назад. Прежняя жизнь завершилась, и ничего другого не оставалось, как начать строить новую.

– Но вы же не можете все время переезжать с места на место, – настаивал Фил.

– А мы и не будем, – возразила Поппи. – Мы поедем к папе.

Поппи чувствовала, что Джеймс с ней соглашается, слышала его беззвучное: Конечно.

Они поедут к ее отцу, вечно опаздывающему, совсем непрактичному и очень любящему. К ее отцу, который принадлежит Царству Ночи и не догадывается об этом. Который думает, что сходит с ума, когда в нем пробуждается магическая сила. Он приютит их, а им больше ничего и не надо. Все Царство Ночи лежит перед ними как на ладони, и они могут исследовать все его тайны. Возможно, они когда-нибудь вернутся в Лас-Вегас и навестят Теа. Возможно, потанцуют и на вечеринке у Тьерри.

– Ой, а вдруг мы не сможем найти отца? – встревожилась Поппи.

– Сможете, – уверенно отозвался Фил. – Он улетел вчера вечером, но оставил свой адрес. Впервые в жизни.

– Возможно, он предчувствовал, – обронил Джеймс.

Некоторое время они ехали в молчании, но Фил вдруг откашлялся для решительности и сказал:

– Знаете, я сейчас подумал... Мне не нужно Царство Ночи, понимаете, моя наследственность меня не волнует. Я хочу жить, как обычный человек, и хочу, чтобы всем это было понятно...

– Понятно, Фил, – прервал его Джеймс. – Поверь мне, никто не заставит тебя связать судьбу с Цар-

ством Ночи. Ты можешь жить, как все смертные, покуда сам будешь избегать контактов с ним и держать язык за зубами.

– Ладно, хорошо. Но вот о чем я думал. Мне по-прежнему не очень нравятся вампиры, хотя, возможно, они все же не так плохи, как кажутся. Я хочу сказать, вампиры относятся к своей пище не хуже, чем люди. Чего стоит, например, обращение с коровами... По крайней мере, вампиры не выращивают людей в загонах.

– Я не стал бы этого утверждать, – неожиданно возразил Джеймс, и на губах у него заиграла ухмылка. – До меня доходили рассказы о стародавних временах...

– Тебе обязательно нужно со мной спорить, да? В общем, я думаю, что вы тоже часть природы, а ее нельзя изменить. Наверное, все, что я говорю, бессмысленно, – заключил Фил.

– Для меня это очень важно, – серьезно возразил Джеймс. – Спасибо тебе.

Он замолчал и, обернувшись, посмотрел на Филадельфию. У Поппи защипало в глазах, и она подумала: «Если Фил признает нас частью природы, значит, он нас принимает такими, какие мы есть». А вслух произнесла:

– Знаешь, Джеймс, я тоже много размышляла об этом. И мне кажется, что вовсе необязательно бросаться на улице на случайных прохожих, можно найти и другие источники питания, например животных. Я хочу сказать, почему бы нам не попробовать их кровь?

– Она не похожа на человеческую, – ответил Джеймс, – но это вполне возможно. Я пробовал. Олени – очень вкусно, кролики – сносно, опоссум – гадость.

– И потом, возможно, среди людей найдутся добровольные доноры. Теа стала таким донором для меня. Мы можем попросить ведьм.

– Может быть, – промолвил Джеймс. Вдруг он усмехнулся. – Знал я одну ведьму дома, она была очень непротив. Звали ее Жизель. Но нельзя же просить их об этом каждый день. Им нужно время восстановиться.

– Я знаю, но мы могли бы что-то придумать. Возможно, мы сможем измениться и не будем больше ужасными кровососущими чудовищами...

– Может быть, – задумчиво обронил Джеймс.

– Вы только послушайте их, – раздался с заднего сиденья голос Филадельфии.

– И мы все сможем делать вместе, – сказала Поппи, глядя на Джеймса.

Джеймс отвел глаза от дороги и улыбнулся ей. Теперь в его взгляде не было ни грусти, ни холода, ничего тайного или загадочного.

– Вместе, – произнес он вслух. И мысленно добавил: Я не могу больше ждать. Ты хороший телепат, и ты понимаешь, что мы можем сделать, правда?

Поппи не могла отвести от него глаз. Вдруг ее поразила догадка.

Джеймс, ты уверен?

Совершенно уверен. Ты и сама это знаешь, маленькая соня.

Поппи откинулась на спинку сиденья и попыталась унять сильно бьющееся сердце.

Они смогут снова растворяться друг в друге. Когда только пожелают. Она растворится в его сознании, а его мысли будут перетекать в ее сознание. Они сольются, как две капли воды. Станут единым целым, так, как никогда не смогут человеческие существа.

Я не могу ждать, сказала она ему. Думаю, мне понравится быть ведьмой.

Фил кашлянул.

– Ребята, если вы хотите уединиться...

– У нас не получится, пока ты здесь, – ответил Джеймс. – Это очевидно.

– Ничего не могу поделать, – произнес Фил сквозь зубы. – Вы слишком громко обмениваетесь мыслями.

– Ничего подобного. Это ты суешь нос не в свое дело.

– Прекратите вы оба, – вмешалась Поппи. Но она чувствовала тепло, разливавшееся у нее внутри. Она не могла устоять перед искушением подразнить Филадельфию: – Если ты хочешь, чтобы мы уединились, значит, ты можешь доверить Джеймсу свою сестру...

– Я этого не говорил.

– Тебе и не нужно ничего говорить, – сказала Поппи.

Она была счастлива.

Это случилось на следующий день после полуночи. В ведьмин час. Поппи находилась там, где и не мечтала оказаться снова, – в маминей спальне.

Джеймс ждал ее на улице в автофургоне, набитом вещами. В том числе и большим ящиком с дисками, отложенными для нее Филом. Через несколько минут Джеймс и Поппи отправятся на восточное побережье, к ее отцу. Но прежде она должна кое-что сделать.

Она тихо подошла к огромной кровати, двигаясь бесшумно, как тень, чтобы не разбудить спящих родителей. Остановилась около мамы, посмотрела вниз и мысленно обратилась к ней:

Я знаю, ты думаешь, это сон. Мама, я знаю, что ты не веришь в загробную жизнь. Ноя должна сказать тебе, что со мной все в порядке. У меня все хорошо, и я счастлива. И даже если

ты не понимаешь этого, просто постарайся поверить мне. Всего лишь раз поверь в то, чего ты не можешь увидеть.

Она помедлила и прибавила:

Я люблю тебя, мама. Я всегда тебя буду любить.

Когда она покидала комнату, мама спала – и улыбалась.

Фил ждал ее на улице, рядом с машиной. Они крепко обнялись.

– Прощай, – прошептала она и села в машину. Из окна машины Джеймс протянул Филу руку. Тот

пожал ее, не колеблясь ни мгновения.

– Спасибо тебе, – сказал Джеймс, – за все.

– Нет, это тебе спасибо, – ответил Фил. Его голос и губы дрожали. – Позаботься о ней... и береги себя. – Он отступил назад, и на глаза его навернулись слезы.

Поппи послала ему воздушный поцелуй, и они с Джеймсом умчались в ночь.